

в любви и футболе ...

ДА НАЧНЕТСЯ ИГРА!

книга третья,
серия "Да начнется игра"

СТРАТЕГИЯ

Книжный червь Переводы книг

крисстен каллихен

Пролог

— *И когда, по-твоему, это бы выяснилось?*

Лили Аллен ДЕКС

ПОТ СТЕКАЕТ ПО МОЕЙ СПИНЕ. Кости ломит, а ноги трясутся как желе, пока медленно шагаю по ярко-зеленой траве, которая в данный момент исполосована длинными стертыми следами и вырванными клочьями дерна.

Вокруг меня другие ребята тоже неторопливо шагают, их форма пропитана потом, кровью и мелом. Тысячи радующихся зрителей сливают свои голоса в единый гул, который проникает до самого центра моего живота.

Добро пожаловать на ночной футбольный матч понедельника. Прайм-тайм во всей своей красе. И моя команда только что выиграла. Я сделал свою работу и сейчас, когда адреналин сошел на нет, весь мой кайф от игры тоже угасает. Я хочу принять душ, хорошо покушать и посвятить несколько часов рисованию в своей маленькой студии, оборудованной мною в таунхаусе. Но у меня назначен ужин, и друг, с которым нужно встретиться.

Пока пересекаю поле, коллеги похлопывают меня по экипировке, говоря "хорошая игра". Несколько ребят с команды противника, встречая меня,жимают мою руку. Но я разыскиваю кое-кого.

Я вижу его голову, возвышающуюся над всеми остальными. Наши взгляды встречаются, и он улыбается. Но его лицо бледное, глубокие тени залегли под его глазами. Я знаю, что это не из-за проигрыша его команды. Мы пробираемся через толпу, навстречу друг другу.

— Декс! — Грей Грейсон, бывший коллега по команде в колледже и один из моих лучших друзей, ловит меня в свои медвежьи объятия. Из-за подплечников нам обоим неудобно обниматься, в руках у каждого из нас шлем. — Хорошая игра, мужик. Но в следующий раз мы вне сомнений надерем вам зад.

— Лучше скажи своим сосункам вытянуть головы из задниц, — говорю я, давая ему несильный подзатыльник. — Рад видеть тебя, Грей-Грей.

Боже, как же я скучал по игре вместе с ним. Он лучший игрок на своей позиции, которого я встречал за многие годы. И наша команда в колледже работала как слаженная машина.

Совсем другое дело играть в NFL. Это — деньги, высокие ставки, все это стало ощутимее.

Сейчас это моя работа. Я люблю ее, но беззаботная радость куда-то подевалась.

Вместе мы направляемся к боковой линии.

— Как там Айви и малыш? — спрашиваю я. У них родился ребенок около месяца назад, и ребята назвали его Лео, в честь Леонарда Эйлера, одного из любимых математиков Грея.

— Чувак, — говорит Грей, медленно качая головой и широко усмехаясь. — Вероятно, я сделал что-то очень правильное в прошлой жизни.

— Все так хорошо? — Я счастлив за него. Даже если его неопишное счастье напоминает мне об отсутствии собственного.

— У меня лучшая семья, о которой только можно мечтать. — Грей проводит рукой по затылку и сжимает его. Несмотря на это заявление, он кажется измотанным.

— Не то что бы я тебе не верил, Грей, но ты выглядишь дерьмовенько. Что происходит?

Его улыбка становится натянутой.

— Только ты мог это заметить. — Мы почти у боковой линии, и потом он пойдет в гостевую раздевалку их команды. Так что мы замедляемся.

— Лео еще не научился спать по ночам. Так что это сказывается на нас с Айви. — Он кривится. — В основном на Айви, к сожалению, так как я часто в разъездах.

Если Грей признается, что недосыпает, то должно быть, дела обстоят и вправду хреново.

Я кладу руку ему на плечо.

— У тебя ведь после этого будет свободная от игр неделя, верно?

— Ага.

— У меня тоже. Может я приеду к вам в гости?

Грей живет в Сан-Франциско, но я искренне хочу к нему приехать, так как пока что не навещал его. Тем более я буду рад быть ему полезным. Но говорить этого не стану, да и он не будет предлагать мне покрыть все затраты.

Грей широко улыбается.

— С радостью жду тебя в гости. И думаю, Айви тоже.

— Уверен? Может Айви не хочет принимать гостей с таким крохой на руках. — Я должен это сказать, потому что Грей обычно сперва делает, а потом думает.

— Нее, она там немного грустит от одиночества. — Его брови сходятся. — Никто из нас не в восторге от одиночества.

Скажи мне что-то, чего я не знаю. Я еще раз сжимаю его плечо.

— Здорово. Заедем в ресторан? Захватим что-то перекусить.

Грей издает протяжный стон.

— О, мужик, жду этого с нетерпением. Заедем в "Кочонс", верно? — Его глаза светятся от предвкушения блюд из одного из лучших ресторанов Нового Орлеана. И по правде, мой желудок тоже урчит.

— Ага. Я сделал предзаказ, и они приготовят для нас что-то вкусненькое. Кажется, они упоминали целого поросенка.

Грей снова стонет.

— Я сейчас расплачусь.

Он часто пускает слезу над хорошей едой, так что сейчас я на это не обращаю внимания.

— Встретимся возле раздевалки через 30 минут?

Грей останется у меня дома сегодня, перед тем как отправиться домой со своей командой.

Он кивает и спешно собирается уйти, но затем вдруг оборачивается.

— О, эй, Фи тоже остановится у нас на недельку. Ты ведь не против? — Все внутри меня замирает — сердце, дыхание. А затем снова начинает работать, сильно и устойчиво.

Фиона Маккензи. Младшая сестра Айви. Она младше и меньше во всех смыслах. Ее рост не больше метра шестидесяти, а фигурка кажется такой миниатюрной, но все же не лишенной изгибов. Она привлекла мое внимание и не покидала мыслей еще с первой нашей встречи два года назад.

Ярко-зеленые глаза, пышные светлые волосы, улыбающиеся полные губы, самый заразительный смех из всех, что я слышал. Все это вызывает у меня стояк. Все это я представляю, когда остаюсь сам в пустой ночной квартире.

Какое-то время я не позволял себе подобного. Мечты о Фióне подобны некой особой

пытке. Конечно, она красива, но более того, эта девушка одна из самых прямолинейных людей, с которыми мне доводилось встречаться.

Как для того, чья работа строится на анализе фиктивных игр и неправильного управления, присутствие Фионы дарит находящемуся рядом человеку ощущение солнечного света и свежести. Каждый раз, когда я оказываюсь рядом с ней, мне легче дышать, а видение проясняется. И я жажду этого сильнее, чем готов признать.

Я говорил, что это она меня бросила, но фактически мы никогда не заходили так далеко. Фи не видела во мне никого более, чем простого хорошего знакомого.

Фиона Маккензи. В одном доме со мной. В течение недели.

Грей ждет моего ответа. И я киваю ему.

— Жду с нетерпением. — И вдруг ощущаю, что эти слова — истина. Я предвкушаю это время более, чем что-либо в своей жизни.

Глава 1

Фиона

ПО ПРАВДЕ? Мне нравятся мужчины. Запишите это. Я люблю мужчин. Люблю и силу, глубокие голоса, то, как просто они решают проблемы. Я люблю их верность. Люблю их широкие запястья, их узкие, но крепкие бедра.

Черт, я даже люблю наблюдать, как движется их кадык, когда они сглатывают.

И, да, я говорю сейчас обобщенно. Потому что и на мою долю выпала часть знакомств с хреновыми мужиками.

Но в целом, я все-таки поклонник мужского пола.

Вот поэтому я прибываю в легкой депрессии, когда рядом нет мужчины. В колледже у меня был замечательный парень. Джейк. Он был сексуальным и добродушным. Возможно, слишком добродушным... По сути, он любил всех. Конечно, я была его девушкой, но что, если меня не было рядом? Да без проблем. Есть куча других людей, с которыми можно обниматься.

Он не изменял. Нет. Он просто недостаточно беспокоился о моих чувствах. И после того, как я увидела отношения между моей сестрой Айви и ее парнем... В некотором роде их отношения были полноценными, типа я-безгранично-тебе-предан. В общем, я захотела больше, чем обычные отношения с Джейком. Я захотела нуждаться в ком-то, и чтобы он так же нуждался во мне.

Конечно, я не ожидаю найти это в ночь вторника в этом маленьком клубе.

Но я здесь и не из-за мужчин — большинство из которых, очевидно, находятся в поиске быстрого перепахивания. Я здесь ради музыки. Группа играет отличный трип-хоп, и мне это нравится, да и атмосфера здесь очень приятная.

С тех пор как я закончила колледж и начала работать с трусливым, крадущим идеи коллегой, которого хочу убить, мне жуть как необходимо снять напряжение.

Я валюсь на скамейку, расположенную у самого дальнего столика в углу, и делаю пару глотков коктейля "Манхеттен", наслаждаясь моментом.

Я решила, что люблю Сан-Франциско, где собственно сейчас и нахожусь, используя свой отпуск с толком — навещаю сестру и ее мужа. К сожалению, Айви с Греем не выявили сегодня ни малейшего желания поехать со мной, что логично, учитывая наличие у них

новорожденного младенца, просыпающегося каждые два часа. Ага, я даже не стану вам лгать, что люблю эти особенности сна детей; неважно насколько милый или замечательный этот вышеупомянутый малыш.

По телу пробегает дрожь. Моя жизнь, возможно, немного раздражает, и быть может, временами я страдаю от одиночества, но по крайней мере я не хожу как зомби от недосыпа. Вместо этого я слушаю пение солистки, исполняющей что-то о звездах, и ее голос такой плавный, будто сироп. Мой коктейль оставляет приятную сладость на языке и тепло в венах. Я так расслаблена в этот момент, что почти не обращаю внимания на человека, сидящего чуть поодаль.

Даже не знаю, что фактически побуждает меня повернуть голову в его сторону. Возможно, виной тому окончание песни и то, что мое внимание наконец-то отрывается от сцены. Или быть может я ощущаю на себе его взгляд, уверенный и пристальный.

В общем, что бы там ни было, я поворачиваюсь, и наши глаза встречаются.

Он — совершенно не мой типаж.

Во-первых, он огромен, словно кирпичный дом, а его плечи такие широкие, что уверена, я могла бы усесться на одном из них и еще бы осталось свободное место. Он горбится на своем месте, так что я не знаю, насколько этот парень высок, но думаю, его рост не менее 1,90 метра или даже больше, что по крайней мере сантиметров на 30 больше моего. Я ненавижу ощущать себя крошечной. Мне пришлось сталкиваться с этим достаточное количество раз, оказываясь рядом с очень высоким мужчиной.

А еще у этого парня есть борода. Не то чтобы длинная и лохматая, но тем не менее довольно густая. Она обрамляет его угловатый подбородок и скулы. И это типа даже сексуально. Хотя, если признаться, я не поклонник растительности на лице. Мне нравится гладкая кожа, ямочки — мальчишеская внешность.

Ничего близкого к этому чуваку. Он — это некое странное сочетание метросексуала и настоящего, задумчивого мужика. Его волосы стянуты в узел на затылке в самурайском стиле, отчего скулы кажутся еще более выразительными, а нос острым.

Возможно, он и не мой тип, но невозможно отрицать неотразимость его красивых глаз. Не имею представления, какого они точно цвета, но посажены глубоко под ровными темными бровями. И даже со своего места я замечаю какие густые и длинные у него ресницы. Боже, эти глаза прекрасны. С таким властным взглядом. Я ощущаю влияние этого взгляда у себя между ног, будто медленное сексуальное поглаживание.

Парень смотрит на меня так, словно мы знакомы. Словно я тоже должна его знать. Странно, но он кажется мне знакомым. Однако мои мозги настолько расплавились от бесконечного потока коктейлей, что я не могу ничего сообразить.

Очевидно, он понимает это, так как уголок его похотливых губ приподнимается, словно я его веселю. Или возможно, все это потому что я сижу здесь, глядя на него.

А он наглый, знаете ли? Именно это читается явно в его выражении лица.

Так что я решаю не отводить взгляда, приподнимаю одну бровь точно так же, как делает мой папа, когда недоволен. И так как я не раз попадала под прицел подобного взгляда, то знаю, каково это быть под его воздействием. Как он способен влиять на большинство людей. Но этот парень? Его веселье становится лишь более очевидным. Хотя улыбаются только его глаза, а бровь приподнимается, словно передразнивая меня.

И тут меня словно молнией пронзает озарение: это молчаливое веселье и созерцательное выражение, я уже видела раньше. Я видела раньше этого парня. Я его знаю.

Он друг Грея и его бывший коллега по команде.

И словно он умеет читать мои мысли, здоровила медленно кивает в знак приветствия.

А я неудержимо начинаю хохотать. С себя самой. Он не пытался заигрывать со мной. Парень просто ждал, пока я его узнаю. Мой затуманенный разум пытается припомнить его имя.

Декс. Он — Декс.

Я тоже ему киваю. И он начинает подниматься. Парень встает. Все выше. И выше. И выше.

Ага. Он высокий, как дерево.

Теперь я вспоминаю, что он играет центром в NFL. И хотя у многих центров имеется бочкообразные животы, Декс не из их числа. Нет, он — тотальное сочетание точенных крепких мышц и сухожилий. Все это отлично просматривается под черной футболкой и выцветшими джинсами. Все это движется с профессиональной грацией спортсмена, пока парень шагает мне навстречу.

— Фиона Маккензи, — его голос низкий, уверенный и добрый.

Я не знаю почему, но кажется, он проникает ко мне в голову, расслабляет меня так, как не должен того делать голос едва знакомого мне парня в клубе, куда я пришла одна.

— Привет, Декс. Извини, не узнала тебя сразу. Я обычно сообразительнее, чем сегодня. — Я киваю на место рядом с собой. — Хочешь присоединиться ко мне?

Он смотрит на мой почти пустой стакан.

— Может сперва желаешь еще один коктейль?

— Ага. Спасибо. — Хотя бы ради того, чтобы было чем занять руки. Потому что таким образом я смогу передохнуть от его всепоглощающего присутствия.

Мой живот напрягается, когда Декс наклоняется ближе, словно собирается меня обнять, его огромное тело нависает над небольшим столиком. Но парень просто нюхает содержимое моего стакана. Кивая, он выпрямляется и идет к бару.

А я, конечно же, не гляжу на его неотразимый зад. Ну, ладно, может совсем чуть-чуть. Потому что, ну бля.

Он возвращается достаточно скоро, держа в одной руке коктейль "Манхеттен" и бутылку воды в другой. Воспоминание резко всплывает у меня в голове — этот парень всегда пил воду и никогда даже не пригубил ликера.

До того как он садится, к нашему столику подходит девушка, глядя на нас с мольбой.

— Вам нужен этот стул? — Она кладет руку на спинку единственного свободного стула возле моего столика. С другой стороны стола расположена скамья, на которой собственно сажу я.

Технически, Декс мог бы сесть возле меня.

Все мы очевидно это осознаем. Девушка смотрит то на меня, то на парня, словно пытается донести нам эту мысль. Было бы некрасиво отказать ей. Так что я киваю. И она тащит стул, прежде чем я могу передумать.

Выражение веселья не исчезает с лица Декса, когда он занимает место рядом со мной, а его бедро опускается на скамью так близко к моему, что я ощущаю его тепло. Не то, чтобы я думала, будто парень сделал это нарочно, просто он такой большой, а места здесь реально немного.

Едва улыбаясь, я делаю глоток своего коктейля.

— Ты понял, что я пью "Манхеттен" лишь по одному запаху?

Декс ставит бутылку воды на стол, привлекая мое внимание к рукам татуировок на обеих его руках.

— У моего дяди есть свой бар. Я помогал ему в течение нескольких лет. — Он смотрит на мой стакан. — Запах и вишенка сказали мне все.

И словно мой мозг идет на боковую от этих слов, я хватаю эту вишенку из стакана и, сжимая ее между губ, посасываю. Будто гребаная порно звезда. Его взгляд опускается к моему рту, и глаза прищуриваются.

Черт, я снова это чувствую. Это медленное сексуальное поглаживание между моих ног. Парень делает меня влажной одним своим взглядом.

Краснея и ругая себя за собственный идиотизм, я отрываю стебелек вишни и напряженно жую фрукт, а затем запиваю его внушительным глотком коктейля.

— Итак, Декс, — произношу я спешно — словно я и не пыталась только что привлечь его внимание к своим губам. — Давно не виделись.

Он моргает, и его взгляд поднимается от моих губ к глазам.

— Итан.

— Что?

— Мое имя, — говорит он. — Итан. — Уголки его глаз морщятся. — Итан Декстер.

— А. — Я делаю еще один глоток. — Итак, мне можно звать тебя Дексом? Или это дозволено только друзьям?

Он смеется и ерзает на месте, при этом не отрывая взгляда от моего лица.

— Я не имел в виду, что ты меня оскорбила. Можешь звать меня Дексом, если хочешь. — Прежде чем я могу спросить его, зачем он настоял на Итане, если дело не в том, как я его называю, Декс снова заговаривает. — Не видел тебя со свадьбы.

Свадьбы Айви и Грея. Теперь все это кажется мутным воспоминанием. Хороший был денек.

Если честно, я не часто пью. Но когда пью, то... Прячьтесь все. Вот почему я реально пытаюсь избегать этих моментов максимального безумия.

Воспоминания о свадьбе немного размыты, но я смутно помню, что танцевала с друзьями Грея, в том числе с Дексом. Айви тоже танцевала, а это всегда еще то шоу. Моя сестра, которую я люблю больше всех на Земле, ужасно страшно танцует. Так что по большому счету я была сосредоточена на том, чтобы помочь Грею сбежать и обеспечить безопасность окружающим от случайных ударов по голове, в то время как Айви билась в конвульсиях, как бы танцуя.

— Я помню, что ты почти всю ночь подпирал стены, — говорю я Дексу.

Он танцевал буквально под пару песен, а затем, конечно, выпил воды и, прислонившись к стене, наблюдал за остальными.

Сейчас он хватается свою бутылку с водой. В клубе слишком темно, чтобы разглядеть его татуировки, но могу сказать, они красочные и выглядят таинственно. И их у него явно за этот год стало значительно больше.

— Иногда веселее наблюдать. — Его взгляд не отрывается от моего лица, но, кажется, что парень разглядывает все мое тело. Грудь наливается еще сильнее, когда он продолжает говорить. — Ты разорвала свое платье и забросила его на дерево. — Румянец покрывает мои щеки. Свадьба проходила в тропическом отеле. И я хотела поплавать.

Все хотели. Я наклоняюсь вперед.

— Хочешь сказать, тебе понравилось наблюдать за тем, как я раздеваюсь, Итан

Декстер?

Его смех — тихий грохот.

— Я просто говорю, что это было запоминающимся. — Он опускает взгляд, и эти длинные густые ресницы прикрывают его глаза. — И забавно.

— Рада доставить тебе удовольствие. — Скрещивая ноги, я разглядываю его. Мне весело, и это странно, потому что я бы никогда не подумала, что молчаливый Декс может быть столь хорошим собеседником. — Что ты делаешь в Сан-Франциско? Ты вроде как не играешь за команду Грея.

— У меня неделя отпуска, как и у Грея... — Его широкие плечи приподнимаются. — Так что я подумал навестить их с Айви.

— Постой. Что? — Хреновая догадка зарождается у меня в голове, и невольно я наклоняюсь к парню. — Ты тоже остановился у них?

Он кивает, настороженность искажает его черты лица.

— Они отправили тебя сюда приглядывать за мной? — кричу я. Не могу поверить, что он просто так зашел в этот клуб. Не после того, как Грей и Айви пожаловались ему на то, что я отправилась сегодня ночью самостоятельно в клуб.

— И да, и нет. — Декс делает большой глоток воды. — Да, они сказали мне, что ты будешь здесь. Да, они волновались. Но оказалось, что мне нравится эта группа, так что я подумал прийти послушать и в процессе поздороваться с тобой.

— О, как удобно, — ворчу я, откидываясь назад на стену.

— Все не так, — говорит он сухо.

Я киваю, желая бросить в него стебельком от вишенки. Однако, не думаю, что его это как-либо заденет. Декс кажется слишком спокойным, чтобы отреагировать на подобное.

— Тебе не обязательно оставаться, — говорю я ему. — Можешь доложить инспекторам, что видел меня, и что я в порядке, а дальше заняться своими делами.

Он даже не шелохнулся.

— Я хочу посидеть с тобой.

Ладно. Верно. Большой футболист хочет слушать мрачные песенки ночь напролет.

Конечно.

Мое выражение лица, должно быть, отражает весь скепсис ситуации, потому что Декс одаривает меня полуулыбкой и передает свой телефон.

— Проверь мой список музыки.

На его телефоне нет пароля — глупо — так что все легко можно проверить. Flunk, Goldfrapp, Massive Attack, Portishead, Groove Armada, даже несколько песен Morcheeba... У него реально целая коллекция песен в стиле трип-хоп.

Я усмехаюсь.

— Знаешь, до этого я думала, что ты фанат тяжелого рока или, возможно, блюграсса.

— Это все из-за бороды, верно? — спрашивает он.

— Ну и из-за твоего хвостика.

Он смеется — краткий грохочущий звук.

— Хочешь, чтобы я распустил его?

Да. Возможно.

— Нет необходимости. Завязанные в хвостик волосы у мужчины — это сексуально. Я виню в этом Джейсона Момоа. Хватило лишь однажды взглянуть, как он вколачивается в Халисити, и все женское население сразу же захотело своего собственного Кхала Драго.

Дерьмо. Я и правда не знаю, какого черта творю. Потому что сказанное только что прозвучало как флирт. Инстинкт говорит мне, что флирт с Итаном Декстером не может быть столь непринужденным. К тому же я не заигрываю со спортсменами. Вообще. И меня не заботит то, насколько они симпатичны. Или уверены. Я не люблю спорт. Футбол нагоняет на меня скуку. О, и я знаю тонны всего о спорте — было бы невозможно ничего о нем не знать, учитывая семью, в которой я выросла — но я не желаю притворяться, что меня это заботит, тогда как с большим удовольствием предпочла бы поговорить о других вещах.

Глаза Декса снова прищуриваются, и он поворачивается ко мне, опираясь локтями о стол.

— А у Момоа разве нет бороды?

Я машу рукой.

— У женщин просто нет времени глядеть на его бороду, тогда как на экране столько мышц.

Несомненно в этот момент я бросаю взгляд на феноменальные руки Декса.

— Так, а каково твое отношение к бороде? — Его взгляд непоколебим, и я ощущаю его до кончиков пальцев ног.

Мое дыхание становится чаще.

— Не то чтобы я была ярой фанаткой. — И это правда. Но тем не менее я не могу отвести сейчас взгляд от его бороды. Она темная, обрамляющая его рот, что по сути должно вызвать у меня обратную реакцию. Вот только она привлекает к себе все мое внимание. Я гляжу на форму его рта — верхняя губа красиво изогнута, а нижняя полная, слегка надутая.

Есть что-то незаконное в производимом ими на меня эффекте.

Я откашливаюсь, поднимаю взгляд и понимаю, что все это время он смотрит на меня, прищурив глаза. Кажется, Декс особо не шокирован моей откровенностью.

— А что тебе в ней не нравится?

Он это серьезно?

Он смотрит прямо на меня.

Думаю, что так.

Делая глоток коктейля, я раздумываю над ответом.

— Она просто такая... колючая. Густая.

Он меняет позу, но не передвигается ко мне, просто складывает руки на груди. Однако от этого движения меня настигает его слабый аромат гвоздики и апельсина. Должно быть, это лосьон после бритья или одеколон, но я четко ощущаю этот запах. Он сбивает меня с толку, и я почти подпрыгиваю на месте, когда Декс снова начинает говорить.

— Ты знаешь это исходя из опыта или просто предполагаешь?

Мои глаза прищуриваются.

— А ты случаем не философ?

— Ты не ответила на вопрос.

— Ладно. Предполагаю.

Его губы искривляются.

— Ты обязана выяснить, правдиво ли твое предположение до того, как поставить крест на бороде.

— Это такой странный способ заставить меня потрогать твою бороду?

Вызов вспыхивает в его взгляде.

— Возле бара стоят пару парней с бородой. Можешь попросить потрогать их бороды.

Но думаю, так как мы знаем друг друга...

— Не настолько.

— Ты предпочтешь попросить об этом у незнакомца?

— Думаешь, меня это волнует настолько, чтобы что-то у кого-то просить, пройдоха. Его белые зубы выделяются в полумраке клуба.

— Я знаю, тебе любопытно. Ты реально с ума сходишь, так сильно хочешь знать.

Я хлопаю ладонями по столу и сердито гляжу на него. Это я к нему пододвинулась или он ко мне? Мы достаточно близко, чтобы я могла разглядеть, что его глаза оттенка лесного ореха, светлые вокруг роговицы с лучеобразным рисунком. Мне бы хотелось четко понять их цвет, но он опускает веки, и в тени от ресниц они кажутся бирюзовыми.

И к слову, парень смотрит на меня. Настоячиво. Расчетливо. Соблазнительно.

— Об этом обычно умалчивают, — бормочу я, прежде чем сделать глубокий вдох. — Ладно, я поглажу твое мохнатое лицо.

— Валяй. — Без колебания он тянется к моему стакану и делает глоток коктейля. — Жидкое мужество.

Сдавленный смех срывается с моих уст.

— Я же такааая ужасная.

— Ты даже не представляешь, Вишенка.

Думаю, я сейчас на него зарычу. Несомненно я собираюсь хорошенько потянуть за эту хваленную бороду. Но он просто приподнимает брови, глядя на меня.

— Так давай покончим с этим. — Этот наглый ублюдок играет со мной. А я ведусь на его приманки.

Потому что не могу сейчас отвести взгляд от этой чертовой бороды. Вернее того, как приоткрываются его губы. Приглашая. Бросая вызов.

Дерьмо. Я никогда не была равнодушна к брошенным мне вызовам.

Я ненавижу то, что моя рука дрожит, когда тянусь к лицу парня. Он же даже не шелохнется, его рука легкомысленно лежит на спинке кабинки за моей спиной, а все его тело повернуто ко мне. Но я не упускаю того, как едва заметно участилось его дыхание.

Я сомневаюсь, немного стесняясь. Ёшки-блошки, я собираюсь потрогать волосы на его лице.

Почему же кажется, будто мы двое ребятишек, забравшихся в темный угол, чтобы поиграть в "Покажи мне свое...."?

Злясь на себя, я сокращаю расстояние между нами.

Мягко. Его борода мягкая. И упругая. Я не ожидала подобного.

Осторожно, я прижимаю пальцы к этой упруго-мягкой массе, немного поглаживая ее. Его ноздри расширяются от резкого вдоха.

Я поднимаю глаза, встречаясь с Дексом взглядом. И не могу прочитать ни одной эмоции. Так что просто продолжаю вести пальцами вдоль его челюсти. Как и ожидала, борода немного колется.

Вот только это дарит приятные ощущение, посылает легкое покалывание по коже, доходящее до моих бедер.

Я напряженно сглатываю и сжимаю ноги вместе. Он заметил? Я слишком трушу, чтобы проверить это. Потому фокусируюсь на его лице, губах, выглядящих очень гладко по сравнению с бородой.

Мои собственные губы приоткрываются, неожиданно становясь чувствительными.

Когда это я передвинулась еще ближе? Очевидно, я плохо себя контролирую. Мой большой палец очерчивает контур его нижней губы.

Гребанная Мэри Джейн Уотсон, это было ошибкой. Контраст между мягкостью форм его рта и жесткостью волосков бороды вызывает волну абсолютной, крышесносящей потребности в моем клиторе.

В изумлении я снова глажу его губы, следуя линии их изгиба, продолжая соприкасаться при этом с его бородой. Черт, я не могу перестать представлять, как его губы скользят по моей коже. Ощущала бы я покалывание от его бороды, пока бы он сосал мои соски?

Теперь я дрожу. Соски ноют и молят об облегчении. Тепло Декса, словно стена напротив моей груди. Я становлюсь коленями на лавку прямо перед ним, даже не осознавая этого, моя свободная рука хватается для опоры за его плечо так, словно я боюсь, что он отодвинется назад.

Но он неподвижен. А затем его большая тяжелая рука опускается на мое бедро, вынуждая меня опуститься, его пальцы сжимаются немного по-собственнически и отчасти осторожно.

Я должна остановиться. Я говорю себе это, хоть и продолжаю поглаживать его губы, его подбородок. Легкое дыхание Декса пробивается через приоткрытые уста, и каждый выдох посылает поток тепла через мое тело.

Я хочу, нет, я нуждаюсь в большем. Словно у этой потребности есть свой собственный разум. Я чувствую его неровное дыхание за секунду до того, как наши губы соприкасаются. Боже. Боже, как же замечательно.

Шелковистые упругие губы и покалывающая мягкая борода. Я делаю это опять, прикасаясь на этот раз к уголку его рта так, что щетина щекочет мои губы.

Тихий стон срывается с уст. И я не знаю, с моих или его. Но это не важно. Я стала одержима его ртом, оставляя поцелуй за поцелуем, просто наслаждаясь этим.

Иисусе, есть что-то грязное в бороде. Офигенно озорное. Все, что я сейчас могу чувствовать — это секс. Во всех остальных местах с волосками, одновременно мягких и жестких.

Мой ум заполнен образами этой густой, ворсистой бороды, соприкасающейся с моим клитором, щекоча и раздражая. И это доводит до неистовства.

Я жадно и требовательно облизываю его губы, мои большие пальцы соприкасаются с уголками его рта.

Стон Декса вибрацией отдается по всему моему телу. Сильная рука прижимается к моему затылку, а длинные пальцы зарываются в мои волосы. А затем он наклоняет голову и целует меня в ответ, глубоко и страстно, словно я разбудила голодного зверя ото сна.

Невиданная доселе похоть переполняет меня. Она крадет у меня дыхание и рассудок. Я лишь могу гладить его лицо, прижиматься болезненной грудью к его груди и давать ему то, в чем мы оба так нуждаемся.

На вкус Декс напоминает виски и сладкий вермут, засахаренную черешню и некий аппетитный привкус, который, предполагаю, принадлежит ему самому. Я скольжу языком по его языку, желая получить больше.

И грудь Декса поднимается на вдохе, тогда как рот открывается шире, позволяя мне все, что хочу. Его большие руки накрывают мою попку. И вдруг я оказываюсь в воздухе, а голова идет кругом. Меня опускают на его колени, сажая на них верхом. Он настолько большой, что ноги приходится развести довольно широко. Я оборачиваю руки вокруг его головы,

прижимаясь своей киской к его твердой, словно камень, эрекции, которая на самом деле очень даже внушительная. Идеально.

Он реагирует на это гудящим звуком, сжимает мою попку, разводя ягодицы так пошло и столь возбуждающе, что я снова толкаюсь бедрами ему навстречу.

Сейчас меня волнует лишь то, что мы по сути сходим с ума и трахаем друг друга ртами. Но через секунду я слышу легко узнаваемый свист и громкий гогот.

— Да, черт, мужик. Задай ей жару.

Мы замираем, наши губы все еще соприкасаются. Мое сердце громко стучит в ушах.

Кладя руку на мой затылок в защитном жесте, Декс поворачивает голову и смотрит мне за спину. Не могу сдержаться и тоже оглядываюсь, обнаруживая столик с тремя парнями, наблюдающими за нами с невозмутимым интересом.

Один крикун снова свистит.

— Охуенно мило, дорогуша. — Дерьмо. Не в моем стиле устраивать шоу на публике.

Мышцы Декса напрягаются. Боже, а он сильный. Настоящая стена, к которой можно прислониться. Его голос сейчас такой низкий и уверенный.

— Достаточно.

Вот так. Одно слово. И что странно, парни слушаются его. Они тут же отворачиваются и принимаются пить свои напитки.

Я поворачиваюсь к Дексу, стремясь увидеть его устрашающе сердитый взгляд до того, как он превратится в обычно нейтральный.

Некоторые парни — рычащие альфа-псы. Но Декс скорее похож на гориллу, тихо расхаживающую по своим делам, пока кто-то не расстроит его, и тогда он посылает им предупреждение.

И я задумываюсь, а что бы произошло, разозлился он на самом деле. Он бы с легкостью мог выбить дерьмо из почти всех мужчин в этом баре. Думаю, эти парни прекрасно это осознают.

Но они меня больше не волнуют. Сейчас, когда мы не лапаем друг друга, я немного стыжусь, что так далеко зашла и запрыгнула верхом на Декса.

Однако его выражение лица сочтется самодовольством. Заботой и даже немного нежностью.

— Итак, все еще не фанатеешь от бороды?

Запишите меня в ряды новобранцев.

— Скажи мне правду. Ты проделал все это, просто чтобы я поцеловала тебя?

— Нет. — Он тянет меня за волосы — которые сейчас зажаты в его руке — удерживая на расстоянии, так, чтобы мог разглядеть мои губы. — Я просто хотел, чтобы ты ко мне прикоснулась. — А затем он снова накрывает мои губы своими. На этот раз поцелуй неспешен.

И когда Декс отстраняется, мое дыхание прерывистое, и мне требуется более чем секундочка, чтобы собраться с мыслями и слезть с этого парня. Я даже не знаю, чем теперь себя занять. Не поймите меня превратно, мне нравится секс, и я не стыжусь встать и уйти после случившегося. Однако почему-то не делаю этого. Я не связываюсь с парнями, которые не в моем вкусе. И несомненно, я не трахаюсь с друзьями моих родственников, это просто неловко, когда дела заходят на юг, если вы понимаете, о чем я.

— Поехали домой, — говорит Декс тихо.

Мой взгляд встречается с его, и он кривится.

— Я не намекаю на кровать. Просто предлагаю вернуться к Айви и Грею. — Он смотрит на наручные часы на толстом черном кожаном ремешке, более похожие на наручники. — Сейчас два ночи. В любом случае, бар скоро закрывается.

— Хорошо, конечно. — Поехать домой кажется сейчас хорошим планом. Вот только я хочу поехать туда одна и больше не сталкиваться с Дексом. Это был самый горячий поцелуй в моей жизни — или не самый, но я точно не смогу повторить это. Итан Декстер может стать моей зависимостью, если я попробую его вкус еще раз.

Глава 2

Декс

ПО ХОДУ СВОЕЙ жизни я наделал много глупостей. А кто их не делал? Но поцелуй Фионой Маккензи приблизил к топ-позициям этого списка. Иронично то, что это было одной из лучших вещей, которые я делал в своей жизни. До боли хорошей.

Так что мне все еще мучительно. Моя эрекция никак не сойдет на нет, болезненно бугрять под хлопком джинсов. Я бы поправил член, но знаю, Фиона заметит. Не то чтобы это много для нее значило.

Опять же, она предпринимает стоящие восхищения попытки игнорировать меня, ее взгляд направлен в окно, пока девушка сидит на стороне пассажира, и мы едем домой к Грею на его же грузовике.

Я люблю Грейсона. Мужик стоит свыше 25 миллионов долларов, и он все еще ездит на грузовике времен старшей школы. Но сейчас я думаю о том факте, что мой язык был во рту младшей сестры его жены, и это вызывает у меня неумемное желание поморщиться.

Мне не следовало этого делать. Но мой мозг, кажись, ушел в отпуск. Я знаю, насколько хорош в манипулировании ситуацией, и в тот момент я увидел любопытство в глазах Фи. Так что я по сути ее умаслил ради того, чтобы она пододвинулась ближе и прикоснулась к моему лицу. Ожидал ли я, что она меня поцелует? Черт, нет.

Но глядя на нее в том клубе, я хотел, чтобы она ко мне прикоснулась, чтобы увидела во мне нечто большее. Я желал этого с того момента, как впервые ее увидел два года назад на рождественской вечеринке ее сестры.

Даже тогда, я знал, что Фиона не для меня. Я — тихий парень, мне нравится быть наедине с самим собой. Фиона же воплощение жизни — подвижной, активной, шикарной жизни. И все это завернуто в крошечную идеальную упаковку.

Я часто слышал, что Айви сравнивает Фи с Тинкер Бэлл. Предполагаю, ей это подходит. Вот только я всегда считал эту маленькую фею из мультика раздражительной, а за Фи могу наблюдать хоть весь день. Один только ее звонкий голос восхищает меня. А когда ее нос морщится, и она смотрит на вас? Словно острое гребанное копьё в сердце.

Ага, я понимал, что дела мои плохи. И это не к добру. Я отлично знал, она не хочет иметь ничего общего с профессиональными спортсменами. Я слышал, как она говорила это на свадьбе. Девушка, которой я интересовался во времена колледжа бросила меня по той же причине, и я не хочу, снова испытать то же самое.

Вот почему я не должен прикасаться к Фи, тем более целовать. Потому что не смогу перестать проигрывать это у себя в голове. Теперь я знаю, какая она на вкус. И этот вкус подобен зависимости.

Сжимая руль, я поворачиваю на подъездную дорожку дома Грея и Айви. Они купили огромный таунхаус в районе Пасифик Хайтс. Должен признать, я завидую. Это место я бы рад был называть домом. Мой дом — пустой таунхаус в Новом Орлеане. Что мне нравится в нем, так это высокие потолки, пол из старого дерева и естественное освещение. Но по ощущениям он не напоминает мне дом. Но опять же, возможно это потому, что я живу там один и никого не зову в гости.

Мы молчим, пока заезжаем в гараж и поднимаемся на первый этаж. Я лишь немного удивляюсь, увидев шаркающего Грея, направляющегося к нам из кухни с бутылочкой в одной руке и горшочком в другой. Он кажется заспанным, а белокурые волосы друга сплющены на одну сторону, а спортивные штаны надеты наизнанку и задом наперед. Темные круги залегли под его глазами.

— Привет, — бормочет он. — Повеселились?

Кажется, в данный момент он не волнуется ни о чем, кроме того, как бы поспать.

— Для чего тебе горшочек, мужик-гора? — спрашивает Фи до того, как осторожно забирает вещь из рук Грея.

Он моргает, глядя на горшок.

— Верно. Я собирался поставить его в раковину. — Со второго этажа доносится резкий плач ребенка.

— Мини-босс интересуется, где это его подношения, — говорит Грей. Но тем не менее он останавливается и целует Фи в щеку. Его выражение лица становится чуть светлее, когда друг отстраняется. — Ты пахнешь одеколоном, Фи-Фи, — яркий румянец заливает щеки Фионы.

— Я пахну ночным клубом.

— Одеколоном, — возражает Грей и плетется к лестнице. Его взгляд останавливается на мне.

— Одеколоном Декса. И даже не смей отрицать это. Я тусил с этим парнем несколько лет. — Сложно скрыть что-то от Грея. Может парень и любит шутить, но он реально гений, поэтому я не удивлен, что ему удалость так легко меня подловить.

Однако, он не говорит больше ни слова на данную тему. Его плечи опускаются, и он направляет вверх по лестнице.

— Клянусь богом, заплачу пять — нет, десять — миллионов долларов тому, кто прямо сейчас позволит нам с Айви выспаться сегодня ночью. — Мы с Фи обмениваемся сочувственными взглядами. Между нами быть может и возникла неловкость, но по крайней мере мы все еще можем сбежать к себе в кровать и поспать.

— Значит сегодня я заработаю десять миллионов долларов, — говорю я Фи и направляюсь к лестнице на второй этаж.

Она следует за мной.

— Я должна на это посмотреть.

Мы находим Грея в детской, которая словно сошла со страниц дизайнерского журнала. Я знаю, что это место декорировала Фи, и она неоспоримо талантлива. Грей сидит в кресле-качалке, сгорбившись, и пытается всучить плачущему сыну бутылочку. Но малыш продолжает орать, его крошечные кулачки ударяют о руку Грея.

— Сейчас моя очередь его кормить, — говорит Грей, не глядя на нас. — Это грудное молоко в бутылочке. И он его ненавидит. Я знаю, чувак, — говорит Грей, теперь обращаясь к малышу. — Я тоже люблю грудь мамы, но ей нужно поспать.

Из соседней комнаты слышится приглушенный стон.

— Материнское чувство вины убивает мой сон, — говорит Айви лишенным эмоций голосом. — И не обсуждай мою грудь с нашим сыном, Кексик.

Я гляжу через открытые двери в смежную комнату и вижу, как ее длинные ноги свисают с массивной кровати. Фи очень невысокого роста, но рост Айви составляет добрых шесть футов. И в этот момент она абсолютно в разбитом состоянии.

— Передай мне его, Грейсон, — говорю я.

Грей смотрит на меня так, словно я безумец, а затем качает головой и передает мне сына. Его доверие — это то, что я никогда не смогу воспринимать, как должное. И вина за то, что я прикоснулся к Фи, ударяет меня камнем в грудь. Но сейчас для меня важнее раскачивать орущего месячного парня.

Подходя к пеленальному столику, я вытягиваю одно из одеял, которые ребята положили на полке. Когда я пеленаю малыша, туго прижимая его руки к телу, Лео кривит лицо от злости и краснеет в самой милой манере, что я когда-либо видел. В результате у меня в руках оказывается сверток, с торчащей из него головой.

Грей с Фи подходят взглянуть, явно любопытствуя. Но когда я беру маленького Джи на руки и громко шикаю на него, они разом вздрагивают.

— Декс, чувак, что...

Я бросаю на Грея возмущенный взгляд и вновь шикаю на плачущего малыша, прямо ему на ухо.

Наконец-то он слышит меня и внезапно успокаивается, пока я легонько качаю его маленькое тельце, продолжая уже негромко шикать.

Из-за дверного проема выныривает голова Айви. Ее темные глаза широко открыты от шока.

— Что...

Грей иступленно машет ей рукой, чтобы помолчала, но я качаю головой и возвращаюсь к креслу-качалке.

— Не бойтесь шуметь, — говорю я им. — Малыш слышал шум с самого своего зарождения. Ну, до того, как родился, и вы двое начали ходить на цыпочках. — Я даю ребенку бутылочку, и он начинает пить, пока я раскачиваюсь.

Фи подходит и становится рядом со мной.

— И откуда ты знаешь столько о детях?

— Мой младший брат был неожиданным ребенком. Родители завели его, когда мне было семнадцать. Так что я кое-что знаю о младенцах.

Я бросаю взгляд на Айви и Грея, которые изумленно смотрят на меня.

— Если у вас есть запись белого шума, то рекомендую вам сейчас ее включить и так, чтобы он звучал довольно громко. — Грей поднимается, чтобы сделать, что я попросил, а Айви подходит ближе.

— Декс, я вот-вот расплачусь у твоих ног прямо сейчас. Никогда не покидай меня.

— Мы можем им делиться? — спрашивает Грей, когда возвращается с проигрывателем.

Я встаю и передаю Грею ребенка.

— Держи его завернутым в одеяло. Тихо шикай и качай, если начнет просыпаться. А я пока пришлю тебе несколько ссылок на видео.

Айви бросается ко мне.

— Я люблю тебя, Декс.

— Он наполовину мой, — напоминает ей Грей. Его затуманенные глаза встречаются с моими. — Я выпишу тебе чек, мужик, когда приду в себя.

— Я просто заберу твой X-Vox к себе в комнату. Этого будет достаточно в роли оплаты. Грей машет рукой и располагает сына ближе к своей груди.

— Можешь забрать себе чертову штуку. И я все еще хочу тебя расцеловать.

— Обещания, обещания. — Я целую Айви в макушку. Она пахнет грудным молоком и новорожденным младенцем. Но глубоко под этим есть запах, чем-то похожий на аромат Фи. Не сильный, но этого достаточно, чтобы напомнить мне, что она ее сестра.

Так же я знаю, что Фи следует за мной, когда выхожу из комнаты. Мы молча идем вверх по лестнице к гостевому этажу. Вместе. Только мы двое.

Каждое прикосновение, каждое медленное скольжение губ, языков и кончиков пальцев. Каждый хриплый вздох. Все, что она делала со мной, воспроизводится в моей голове, словно видео ролик.

Сейчас ее щеки покрыты румянцем, ее соски торчат под тонкой шелковистой тканью топа цвета слоновой кости. Я хочу провести большим пальцем по одну из этих бугорков. Стянуть ее майку через голову и...

Я откашливаюсь, когда мы достигаем дверей по обе стороны небольшой лестничной площадки.

Фиона колеблется, явно подыскивая нужные слова.

Я знаю, что хочу сказать. "Поцелуй меня снова. Впусти меня. Просто... позволь мне". Но держу рот на замке. Фиона Маккензи не для меня. Черт, я не могу даже сказать ей, что сделанное нами сегодня было самым эротичным случаем моей жизни. Уверен, для нее это было просто странной встречей с бородатым парнем.

Я провожу рукой по губам, а затем сжимаю пальцами затылок. Вдруг я резко начинаю ненавидеть свою бороду. Словно Фи хотела ее сильнее, чем меня самого, и я не могу это вынести.

— Ну, — говорю я до того, как она успевает произнести хоть что-то. — Спокойной ночи.

— Декс, — завет она, когда я открываю дверь.

Я останавливаюсь, сердце с шумом ударяется о ребра. Но я не поворачиваюсь. Не хочу, чтобы она видела мое выражение лица.

— А?

— Спасибо. — Она шумно втягивает воздух. — Что помогаешь моей сестре и Грею. Это многое для них значит.

Разочарование кулаком врезается мне в грудь с силой нехилого лайнмена. Но мне удается кивнуть.

— Это ничего. — И данные слова, как нельзя хорошо, подытоживают всю сегодняшнюю ночь.

Глава 3

ФИОНА

ЗАВТРАК ДОМА У Айви и Грея начинается в 11 утра. Мне это по душе. После того как отправилась спать прошлой ночью, я довольно долго вертелась в постели, ноющая боль в

сосках и непрерывающаяся пульсация между ног требовали моего внимания, которое, к слову, я не была настроена им предоставлять. Не тогда, когда Декс находится в комнате напротив. И точно не тогда, когда думаю о нем в процессе. Это бы только все усложнило.

В результате я раздражена и жую кусок хлеба с маслом так, словно пытаюсь его не съесть, а истребить. Что хуже всего? Айви наблюдает за мной. Взгляд её темных глаз неустанно преследует каждое моё движение, пока завариваю кофе и делаю первый глоток бодрящего напитка.

— Ты глазеешь.

— Ладно, хм.

— Это ты так просишь меня треснуть тебя куском хлеба? — говорю я, прежде чем откусить ещё кусочек и продолжить разговаривать с полным ртом. — Потому что я могу.

Сегодня она кажется почти что отдохнувшей. По крайней мере её волосы помыты и уложены. И сестра ухмыляется, перед тем как выпить глоток апельсинового сока.

— Грей говорит, ты пахла так, словно весь вечер терлась об Декса.

— Грей может засунуть своё мнение в зад. — Клянусь, эти двое худшие сплетники.

Она фыркает в свой стакан.

— Красочно. Но давай на чистоту, Фи-Фи. Ты терлась о Декса прошлым вечером?

Как дешёвый костюм в солнечный день.

И будто слыша мои мысли, сестра наклоняется над столом и хитро улыбается мне.

— Он такой горячий, словно плохой мальчик-рокер. Что странно, учитывая его профессию.

— Врезаться в людей? — я невесело смеюсь. — Ага, крайне дивно, что он выглядит, как плохой парень.

— Сарказм тебя не красит.

Я показываю ей язык.

— Балаболка, Фиона Мэй.

— Дерьмо, — вставляю я. — Ты упустила моё среднее имя. Это грубо.

Она скрещивает руки на груди и ждёт.

— Нечего и сказать.

В отличие от Айви, я отлично умею делать покер-фейс. Одна из немногих вещей, которых я научилась у нашего отца. Не позволяй им увидеть, что тебя передергивает.

Но Айви хорошо меня знает, так что, возможно, мне её не обмануть. Или, быть может, она просто решает устроить мне перерыв, так как вдруг пожимает плечами и хватает ломтик хлеба, намазывая его ежевичным джемом.

— Декс типа... — она выдерживает паузу, держа нож в воздухе, — другой.

— Другой? — Ладно, я знаю, что он молчалив. И очевидно остроумен, он манипулирует мной так ловко, что это даже пугает. Но другой?

Айви опускает хлеб на стол и говорит тише.

— Он очень чувствителен. В хорошем смысле, но... Грей думает, что он типа как Тибоу (известный квотербэк родом из баптистской семьи).

— Что ты, на фиг, подразумеваешь под этим? И почему я так раздражаюсь? Ты же говоришь о чем-то вроде преклонения и вознесения молитв?

Она снова наклоняется вперёд.

— Нет, я о девственности.

Клянусь, вся все краски сходят с моего лица.

— Нет. Да, ни за что. Он такой... Чертовски горячий. — Ладно, это просто сорвалось с языка. — И он... — Я прикусываю губу, чтобы не заявить, что он целуется явно не так, как девственник.

Конечно, я давненько не целовалась с девственником, и не уверена, на что похож подобный поцелуй, или как вообще сексуальный опыт сказывается на данном вопросе. То есть, секс представляет собой гораздо большее, чем просто продвижение одной части тела из точки А в точку Б второго — по крайней мере так должно быть. Я прикрываю рот, когда с уст слетает ещё одна истина.

— Ему же 24. Какого хрена он может быть девственником? Он религиозен?

Она качает головой.

— Не думаю, что он вообще имеет отношение к религии. Честно, я не знаю, почему он вообще мог бы оставаться девственником. Да и Грей с коллегами не обсуждают данную тему, а это уже что-то значит.

— Тогда может нам тоже не стоит об этом сплетничать. — Знаю, я веду себя грубо, и это несправедливо к Айви, так как мы всегда и обо все сплетничаем. Но почему-то кажется неправильным обсуждать Декса с этой стороны.

Айви моргает, словно я задела её, и от этого мне ещё хуже. Но спустя секунду она кивает, соглашаясь.

— Послушай, — говорит она тихо. — Я упомянула об этом лишь потому... Черт. Если ты дурачилась с ним вчера вечером или, что вы там делали, просто будь с ним поосторожнее.

Я не могу не засмеяться, по ходу давясь хлебом.

— Что? Это я теперь поедаю мужские сердца?

— Нет. Конечно, нет. Но Декс не склонен к интрижкам.

— Думаю, тебе стоит позволить Дексу решать за себя, взглянуть на него, как на зрелого мужчину и все такое. И прежде чем снова начнёшь катить на меня бочку, скажу, что не намерена ничем таким с ним заниматься. Иисусе. Мы всего-то зависали вместе около часа. — И немного более чем страстно целовались. — На этом все.

Врунишка!!

И Айви это знает. Я вижу это в её глазах. Возможно, материнство делает её мягче, потому что сестра не давит на меня, просто пьёт кофе и молчит.

В течение нескольких минут я тоже сижу молча.

А затем начинаю постукивать пальцами по столу.

— Как ты это терпишь? — выпаливаю я.

— Что? Твою слабость к немного невинным действиям? — спрашивает она, ухмыляясь.

Я показываю язык.

— Обхохочешься. Я говорю о... Как ты держишься, когда Грей уезжает в длительные командировки на все эти игры по стране?

Мы выросли с отцом, который постоянно покидал семью ради игры в профессиональный баскетбол, а потом — ради работы спортивным агентом. И мы с сестрой справлялись с этим по-разному. Она пыталась все исправить, сгладить острые моменты.

Я же? Я сбегала из дома и тусила по вечеринкам, травя тупые шуточки и затыкая рот каждому, кто пытался завести более глубокую беседу. Это работало до недавнего времени, но когда Айви вышла за Грея и стала жить такой жизнью? Я просто не понимаю, как она справляется.

Тонкие пальцы Айви крепче сжимают кружку.

— Было легче, когда я могла ездить вместе с ним. Отстойно быть в разлуке. Не стану лгать, но... — Она терзает нижнюю губу зубами. — Я не знаю, как это иначе объяснить, кроме как сказать, что Грей — это моё сердце. Жизнь — попросту не жизнь без него, так что... — Она пожимает плечами. — Во время сезона игры мы делаем, что должны.

— И это правда достаточно?

Её улыбка почти таинственная.

— Ага, — произносит сестра с нежностью. — Грея мне больше, чем достаточно.

Она произносить это так, словно он — радость, с которой начинается и которой заканчивается её день. И это поражает меня до глубины души, выбивая дыхание из легких. Одиночество сквозит холодом по моему телу, вызывая желание обнять себя покрепче.

Каково это? Быть частью кого-то другого? И отдать ему часть себя? Знать, что кто-то прикроет тебе спину, чтобы не случилось?

Мои костяшки прижимаются к столу. Мне надо быть довольной от собственного общества. Не следует чувствовать себя одинокой. Черт. Возможно, у меня гормональный сбой или что-то вроде этого.

К счастью, я не успеваю окончательно погрязнуть в этом странном депрессивном настроении, так как открывается входная дверь, и в дом заходят Грей с Дексом. Моё сердце делает кувырок от вида огромных плеч Декса в дверном проеме.

Грей же сразу бросается к Айви.

— Он спит?

— Уложила его двадцать минут назад.

Малыш Джи может не спать по ночам, но дремлет он, как чемпион, бывает даже по два часа. И Грей знает об этом лучше моего.

Он усмехается.

— Давай провернем махинации.

Ага, я даже не желаю знать, что это значит. Хотя могу предположить.

Особенно, когда Айви краснеет.

— Серьезно?

— Так же серьезно, как исполнение Аве Марии перед воскресным супер кубком. Вставай же, женщина. Время утекает.

Айви ворчит себе под нос что-то об испорченных кексиках — опять же, мне не хочется и не нужно это знать — и затем встаёт со стула. Через секунду она поднимает на ноги и Грея. Он тянет её к лестнице и затем мчится вверх, перепрыгивая через две ступени за раз.

— Я готова простить ему это, — говорю я оставшемуся на кухне Дексу. — Его выдержка впечатляет.

— Помогает мотивация, — отвечает он сухо. Боже, а у парня красивый голос. Плавный, глубокий. — Но теперь, знаешь, нам самим не помешает потренироваться в вопросе выдержки.

Блеск в его глазах отзывается дразнящим покалыванием у меня между ног. Я поднимаюсь со стула и наполняю свою чашку кофе, потому что не попадусь на эту уловку.

— Хочешь чашечку? — спрашиваю я.

Декс так и стоит в дверном проёме кухни. Полагаю, как всегда спокойный. Тогда как я бегаю кругами, словно дура.

Он кивает и подходит к увесистому сосновому столу, расположенному возле

панорамной стены. Столу, который вызывает у меня гордость, потому что именно я его сделала.

Меня никогда не тянуло к созданию мебели, но два моих друга — Джексон и Хел, дизайнеры мебели, уговорили меня попробовать. Мне нравится создавать что-то своими руками, переходить от концепции к решениям.

Этот стол был моей первой пробой, и пока что я вижу, что могу усовершенствовать вещи, подобрать подходящий дизайн, например, этот стол здесь контрастирует отлично с дизайном в стиле модерн, блестящими белыми поверхностями с медными вставками, потому что Айви посчитала сталь скучной.

А так как в этом доме живут гиганты, стулья возле стола большие и крепкие. Но даже несмотря на это, когда Декс садится на стул, то кажется слишком огромным для него.

Я приношу ему чашку кофе и только тогда замечаю, что он не укладывал сегодня волосы. Святое дерьмо. Они ниспадают кверху его воротника густыми каштановыми прядями. Солнце оставило свой след на нескольких прядках, сделав их золотистыми. И если вы думаете, что борода в сочетании с его струящимися волосами это слишком — что это по иронии вещей схоже с Иисусом или что-то в этом роде — это не так. Это выглядит очень сексуально. Дико. Так, что руки чешутся от желания прикоснуться.

Я сажусь за стол и оборачиваю пальцы вокруг кружки. Он делает то же самое, и утреннее лучи света, проникая через окно, высвечивают его татуировки. Чёрную и белую розы, часы, калаверу, голубого дракона, морской бой 1940-х годов — здесь есть на что поглазеть. Тату покрывают его руки, скрываясь под рукавами и заставляя меня гадать, покрыты ли ними его грудь и живот.

— У них есть какое-то значение? — спрашиваю я, так как понимаю, что мои разглядывания очевидны.

— У некоторых. — Его богатый голос вызывает практически шок у моего организма, словно говоря, он задевает мои самые чувствительные точки. Но Декс кажется не замечает этого. — Другие просто пришли мне на ум, когда я рисовал.

— Ты их нарисовал?

Он кивает, делая глоток кофе.

— Это меня расслабляет.

— Я тоже люблю рисовать. Последнее время в основном дизайны.

— Ты проделала отличную работу с этим домом, — говорит он, не утруждаясь даже оглянуться. Но у меня нет сомнений, что Декс уже осмотрел весь дом.

— Спасибо.

Мне бы хотелось думать, что мы тут просто болтаем. Что мы такие же, как и любые другие обычные знакомые, которым довелось гостить в одном и том же месте в одно время. Но между нами происходит сейчас не это. Потому что взгляд Декса не отрывается от меня. Нервируя. Возбуждая. Словно за этой ненавязчивой беседой он спрашивает у меня: "Тебе это понравилось, не так ли? Посасывать мой язык, тереться о мой член. Хочешь это повторить, а?"

Жар разливается по моему телу, и я стараюсь не начать ерзать на сидении.

Я осознаю, что мы оба замолчали и просто глядим друг на друга. Каждый сантиметр моего тела, которого он вчера не коснулся — каждое место, куда я хочу, чтобы он прикоснулся — горит и ноет.

Я делаю глубокий вдох. Наблюдая, как он повторяет за мной. Я уже готова сбежать,

когда он наклоняется вперед, скользя мускулистыми предплечьями ближе ко мне.

— Сходи со мной на свидание.

— Что? — я отодвигаюсь от стола. Но не могу заставить свои ноги поднять меня. — Я думала, прошлая ночь была...

— Ошибкой? — Он медленно качает головой. — Не для меня.

Я знаю, что тупо глазею на него, но кажись, не могу прекратить.

— Но, но...

Его глаза прищуриваются. И в свете солнца я замечаю, что они поразительного сочетания голубого, зеленого, золотого и карего цветов, словно полированный агат.

— Нет слов? — спрашивает он. — Мне это нравится.

Мой рот захлопывается. Но тут же открывается.

— Тебе нравится, когда я лишаюсь дара речи? Ну, это отличная мотивация, чтобы пойти с тобой на свидание.

— Мне нравится то, что я лишаю тебя дара речи. Что смущаю тебя. — Наклоняя голову, он смотрит на меня. — Ты делаешь со мной то же самое. Провоцируя меня. Только я, кажись, от этого наоборот начинаю разговаривать больше обычного.

Новая волна жара прокатывается через меня.

— Декс...

— Итан, — поправляет он мягко. — Сможешь называть меня Итаном? По крайней мере какое-то время?

— Итан, — произношу я шепотом, и его имя кажется таким интимным. Особенно, когда Декс облизывает нижнюю губу, словно это я ласкаю его кожу, обращаясь по имени. Я напряжённо сглатываю. — Не пойми меня превратно, но ты не похож на склонный к интрижкам типаж.

— Да, я не такой. — Он снова сжимает кружку. — И не думаю, что тебя тоже можно отнести к этому типу.

— Нет, — признаюсь я, улыбаясь — Не совсем. Сейчас я ищу от отношений чего-то большего.

Декс — Итан — кивает.

— Так вот, мы оба оказались здесь на несколько недель. Айви и Грей сейчас не в том положении, чтобы развлекаться. Ты мне нравишься. Сильно? Так почему бы нам не потусить где-то вместе?

— Ээм... Ты вроде как не это предлагал. Ты сказал свидание.

Его полные губы изгибаются. Нет, не смотри на его рот. Я глазею на то, как движутся его губы.

— Сказал. Я хочу поцеловать тебя снова, Фиона. Простой ночью я не мог уснуть, потому что слишком сильно хотел этого.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

— Так что да, я сказал свидание. Потому что если ты мне позволишь, я поцелую тебя снова столько раз, сколько смогу.

Мой голос покинул меня и требуется приложить усилие, чтобы его восстановить.

— Мы оба ищем чего-то большего. Но сам подумай, мы живем в разных городах. Я не встречаюсь со спортсменами. Или друзьями моей сестры. Или...

— Почему бы нам не начать с того, что ты делаешь, а не наоборот? — перебивает он, уверенно и спокойно глядя на меня. — Ты хочешь поцеловать меня снова, Фиона?

Почему он произносит моё имя вот так? Словно вызов. И почему он такой чертовски пронизательный?

Его глаза пронизывают меня.

— Ты думала обо мне прошлой ночью? Лёжа в своей кровати?

Со мной никто не разговаривал столь прямолинейно. Никогда. Это проникает в мою голову, не даёт возможности скрыться.

— Я прошу лишь об искренности, — говорит он, отклоняя своё большое сильное тело назад.

Облизывая губы, я пытаюсь дышать. Искренность? Я могу ответить искренне. Это не сложно. Верно?

— Да.

Одна темна бровь Декса поднимается.

— Да, что?

Если мне придётся объясняться, я лучше растаю прямо на этом месте.

— Разве это важно, если ответ положительный?

Он улыбается, и это как рассветное солнце над морем.

— Когда дело касается тебя, Фиона, ответ всегда важен. Но я приму твоё да, как согласие со всем вышесказанным.

Ножки стула скрипят о пол, когда он встаёт, и моё сердце угрожает выпрыгнуть из груди. Но Декс направляется не ко мне. Самодовольный мудака просто залпом допивает кофе и ставит свою кружку в посудомоечную машину.

Перед тем как уйти, он оглядывается на меня через плечо.

— Будешь готова через час?

— Хей? А что насчёт всего, что я сказала?

Он даже не моргает.

— Это все страхи. Я уважаю их. Но давай решать проблемы по мере их поступления и посмотрим, что из этого выйдет. Ладно?

— Ладно. — Вот и все, что удаётся мне вымолвить. От этого парня у меня голова идёт кругом. Он такой логичный. У меня просто нет что и сказать против его доводов. Против него и его чертовой естественной сексуальности. Черт бы её побрал.

— Хорошо. — Он снова улыбается мне. — Оденься потеплее. Сегодня на улице прохладно.

— Тебе, кажись, нравится командовать, — кричу я ему вслед. — Знаешь это?

Он останавливается и оглядывается на меня.

— Только с тобой, Вишенка.

Я больше не говорю ни слова, просто наблюдаю за тем, как движется его крепкий зад под тканью джинс, пока парень удаляется.

— Ну, стукнете меня кто-нибудь, — бормочу я. Мне снова придётся сыграть в эту игру.

ДЕКС

ЗАЯВЛЯЮ ОФИЦИАЛЬНО: Я потерял весь чертов здравый рассудок. После ночи, что провел, глядя в потолок без сна, я решил оставить Фиону в покое. Быть толерантным. Отступить.

Безопасный и здоровый план действий.

Вот только он выгорел как торф на солнце в ту секунду, когда я увидел сидящую на кухне Фиону. Утреннее солнце словно нимб освещало её золотистые волосы. Она была так прекрасна, что моё сердце болезненно замерло.

Пить с ней вместе кофе, наблюдая, как движутся её манящие пухлые губы, пока девушка ведёт со мной непринуждённый разговор, было больше, чем я смог бы вынести.

Я хочу Фиону.

Сильно.

Достаточно сильно, чтобы игнорировать определенные страхи и тянуться к ней. Но сейчас мне настолько не по себе, что мои пальцы дрожат, когда провожу ними по волосам, собирая те в узел.

Хмурясь, я приглаживаю бороду и смотрю в зеркало. Теперь моя борода — часть меня самого. То, как другие видят меня. Черт, из-за неё Фиона меня и поцеловала. А меня все мучает желание сбрить ее. Голову я тоже думаю побрить. Если честно, даже не представляю, на что тогда будет похоже моё отражение.

Дверь открывается, и Грей вразвалочку заходит в комнату. Словно он владеет этим местом. Так и есть. Но все же.

— Стучаться, Грей-Грей, это ценный навык.

— Я слишком устал для этого. — Он плюхается в кресло у окна и со стоном откидывает голову назад.

— Ты разве не должен удовлетворять жену?

— Я уже её наудовлетворял. — Он проводит рукой по лицу. — И теперь она спит.

Я фыркаю, и он бросает на меня сердитый взгляд.

— Уснула прямо на волне пост блаженства, — объясняет он, прежде чем отвести взгляд. — Собираешься прогуляться, большой парень?

По факту, Грей на два дюйма выше меня. Но он создан для скорости, тогда как я для блокировки, что объясняет мои массивные мышцы.

— Я иду с Фионой в Японские сады.

Наступает длительное молчание.

— Итак... Фиона, гм? — Грей кажется задумчивым.

Опуская руки на комод, я подпоясываюсь для сражения.

— Я хочу её.

Тишина оглушает. Я поворачиваюсь. Он тупо разглядывает меня.

— Был бы ты Джонсоном или Томпсоном, или Маршаллом, кем угодно из этих акул, я бы свернул тебе шею. Но это же ты. Думаешь, мне не стоит доверять тебе Фи? Да я за тебя готов под пули, мужик.

Черт. Моё горло смыкается и приходится откашляться перед тем, как заговорить.

— Тебе стоит пойти поспать. Выглядишь дерьмово.

Он откидывает голову на спинку кресла.

— Это без толку. Малыш вот-вот проснётся.

— Я заберу его с нами, — предлагаю я, засовывая бумажник в задний карман.

Грей странно фыркает.

— Серьезно?

Мои губы изгибаются.

— А зачем, по-твоему, я к вам приехал?

— Гм, потусить с нами?

— Поэтому и потому, что ты выглядел замученными и нуждался в передышке. Так что вот я здесь.

— Ты приехал, чтобы выручить нас? — его голос хриплый и надломленный.

— Я же говорил, что лажу с детьми. Так что позволь мне сегодня дать тебе перерыв.

Клянусь, Грей сейчас разрыдается. Он часто моргает, а затем делает вдох.

— Я люблю тебя, мужик. И прямо сейчас нахожусь в одном шаге от того, чтобы расцеловать тебя. Но знаешь, мне неловко от того, что я буквально только что мечтал о снотворных для детей.

Я тянусь за ботинками.

— Вскоре он научится нормально спать. И тогда ты тоже сможешь отсыпаться. Так что иди и собери его вещи.

Грей почти вываливается из кресла, с трудом поднимаясь на ноги. Он реально едва живой. Я переживаю за парня.

На полпути к двери, он останавливается.

— Декс, мужик... Просто... Присматривай там за собой и Фи.

— Ты же сказал, что не против.

— А я и не говорю о тебе. — Он подмигивает и ударяет кулаком о дверной косяк. — Она типа капризная капризуля. А я никогда не видел, чтоб ты обхаживал девушку, поэтому...

Он не хочет, чтобы меня ранили. Ну, я тоже этого не хочу. Но на данный риск я готов пойти. К тому же...

— Думаю, Фи более зрелая, чем ты о ней думаешь.

Он кивает, но очевидно не согласен с этим. К счастью, с нижнего этажа доносится гневный, пронизывающий звук. Маленький Лео проснулся. Грей наклоняет голову.

— Ты точно уверен?

Я знаю, что он спрашивает о малыше. И должен задуматься о том, нахожусь ли в здравом уме. Но все мои мысли о Фионе и том, как её губы исследуют мои. О лучшем ощущении во всем мире.

— Как и во всем остальном.

Глава 4

ФИОНА

— Я ГАДАЮ, О чем ты думаешь, — говорит Декс, расслабленно сидя на лавочке напротив. Он привел меня в Японский Чайный сад. Место настолько нереально красивое и спокойное, что как только мы вошли, у меня на глаза навернулись слезы.

Сейчас мы сидим в чайном доме — я на перилах, тупо уставившись в зеркало водной глади окружающего нас бассейна, а Декс с блокнотом и карандашом в руках. Выражение его лица расслаблено, а в глазах мерцает улыбка.

Я не могу сдержать ответную улыбку.

— Я думала о том, что ты храбрец, Итан Декстер.

Он тихо смеется.

— Ну вот и зачем ты это сказала? — Он не опускает взгляд на крошечного малыша, заботливо устроенного возле своей груди.

— Уверена, сама не знаю, — отвечаю я.

Признаться, когда он встретил меня в коридоре дома Айви и Грея, усаживая Лео в детское кресло, я была шокирована. Я люблю своего племянника. Безумно. Но не знаю ничего о младенцах. Мне никогда не доводилось сидеть с детьми, у моих друзей нет малышей. Так что сама идея заботиться о Лео устрашает меня.

Но Декс? Я знаю, он бы не стал за это братья, если бы был не уверен, что справится. Не многие мужчины хотели бы провести разгар дня, присматривая за месячным малышом. Эта мысль вызывает во мне ощущение тепла.

И мои яичники чуть ли не начали завывать песню, когда Декс вытащил один из слингов и устроил в нем моего племянника напротив своей огромной груди.

И в этом я не одинока. Мы не могли и шагу сделать по саду, чтобы какая-то дамочка не начала распинаться о том, какой милый и красивый малыш! И какой замечательный мужчина его несет. В частности, последние слова принадлежали даме около восьмидесяти, которая кокетливо шлепнула Декса по заднице, чем и вогнала парня в краску.

Сейчас же, пока Лео спит, Декс рисует набросок того, как я пью зеленый чай.

— Клянусь, ты проделал все эти соблазнительные штуки ради того шлепка по заду, — говорю я, борясь с желанием поерзгать на месте. Я не осознавала, что он собирается меня рисовать, пока он собственно не приступил к работе. Сейчас же мне кажется, что я выставлена на обозрение. Обнажена. И даже немного возбуждена от того, как пристально его красивые глаза изучают каждый дюйм моего тела.

Губы Декса изгибаются, но карандаш не прекращает скользить по бумаге блокнота.

— Соблазнительные штуки?

— Ну, знаешь, младенец, прекрасный сад, то, что ты меня рисуешь. Что дальше? Достанешь гитару и споешь серенаду?

Он смеется.

— Нет никакой гитары. Возможно, а быть может и нет, у меня в кармане есть губная гармошка, и я сыграю на ней немного позже. Но мне нравится держать тебя в напряженном неведении.

— Так тебе мало просто видеть меня. Приятно знать.

— Остришь?

— Ладно, это была ужасная шутка. — Я наклоняюсь вперед. — Ты и правда меня рисуешь? Или нет? Или же ты просто рисуешь там всякие непристойности, а?

Его низкий гортанный бас творит что-то нереальное с моим телом внизу живота, посылая дрожь удовольствия. Мне нравится вызывать смех у этого парня. Не думаю, что он часто смеется, и потому каждый раз похож на маленький приз.

Он поворачивает блокнот и показывает мне результат работы. И у меня буквально перехватывает дух.

Его рисунок не милый или сентиментальный. Мое лицо нарисовано крупным планом, голова наклонена, а улыбка почти таинственна.

Он не приукрашал меня. Мои светлые волосы длиной до подбородка торчат во все стороны. На носу не упущена маленькая горбинка, к сожалению, доставшаяся мне в наследство от отца, и едва заметный шрам у меня на скуле, полученный в результате падения с кровати родителей и удара о комод, еще когда нам с Айви было восемь и шесть, и мы любили прыгать на матрасе.

Я сосредотачиваюсь на своем выражении лица на рисунке. Что-то между

соблазнительным и алчным, словно я голодна. Жар заливает мои щеки. Боже, он видит меня вот такой?

Я поднимаю на Декса взгляд. Он терпеливо ждет.

— Ладно, — говорю я, и голос кажется немного хриплым. — Итак, ты все-таки умеешь рисовать.

Он проводит рукой по бороде, разглядывая меня, а затем бросает блокнот на колени и начинает снова рисовать.

— Я же говорил тебе, что умею рисовать. — Он бросает на меня быстрый взгляд. — Тебе так сложно доверять мужчинам?

— А ты часто скрываешься за разоблачением слабостей других людей?

Он замирает. Морщинки образуются у линии его рта. Я не хочу смотреть на эти губы. Но они манят меня каждый раз.

Мгновение мы молчим, а затем Лео издает тихий непонятный звук. Декс возвращается к рисованию.

— Туше, — говорит он себе под нос, но его тело напряжено.

Я делаю еще глоток прохладного чая.

— Я вообще не доверяю мужчинам.

Его рука продолжает двигаться по странице, но плечи заметно расслабляются.

— Когда я анализирую других, то оказывается, это помогает мне разобраться в собственной фигуре.

— Так ты сидишь здесь и разбираешься в моих слабостях, тем временем думая о собственных?

— По типу того.

Заканчивая пить чай, я встаю.

— Давай, Итан. Пойдем прогуляемся.

Глава 5

Декс

ЕСТЬ ЧТО-ТО ТАКОЕ в Фионе Маккензи, что вынуждает меня говорить вслух то, что не следует. Делать то, что не стоит делать. Своими зелеными, словно трава, глазами она видит меня насквозь.

Несмотря на рост в метр шестьдесят и крошечное телосложение, она наводит на меня непостижимый ужас. И то, что это меня возбуждает, лишь сильнее беспокоит.

Мы идем по алее кленов, листья которых уже алые и коричневые. Голова Фи даже не достигает моего плеча. Я — великан по сравнению с ней, а мои ступни ударяются о дорожку, издавая глухой звук. К моей груди прижат Лео, он теплый и такой легкий. Я поддерживаю рукой его маленькую попку, пока мы идем по пешеходному мосту.

— Почему ты стал играть в футбол? — спрашивает Фи, ее голос кажется нежным в тишине сада.

— Из-за боли, — отвечаю я, не думая, и затем морщусь. Дерьмо. Снова она вытянула из меня признание.

Ее оленьи глазки смотрят на меня снизу вверх, а губы кривятся в хмурой гримасе.

— Агрессия, разрядка, — вынужденно добавляю, словно меня мучит словесный понос

от одного взгляда Фи. — Это способ выйти за пределы моей натуры. Показать себя на физическом уровне.

Я вытягиваю руку, поддерживая ее, пока девушка идет по камням вокруг пруда. Она берет меня за руку — хоть я и знаю, что Фиона не нуждается в моей помощи — и мы не отпускаем друг друга, пока не возвращаемся обратно на тропинку.

— Центр не просто прикрывает квотербэка, он также задает линию игры. Он хорошо понимает происходящее на поле и то, что планируют игроки нападения и обороны. Он беспристрастен, легко адаптируется и защищает слабые стороны команды.

— Идеально тебе подходит, — бормочет она.

Новая волна тепла приливает к моей груди.

— Ага.

Большинство девушек, с которыми я встречался, можно было разделить на два лагеря: те, кто хотели меня, потому что я футболист. Я мог быть уродливым как крот или полнейшим мудаком, но они все равно хотели со мной трахнуться. И вторая часть — те, которые интересовали меня, но, по иронии, их не волновало то, чем я занимаюсь или чего на самом деле хочу.

Эми была именно такой. Она, как и я, увлекалась искусством и выбрала его основным предметом. Я влюбился в нее очень сильно в самом начале первого курса. Но она не ответила мне взаимностью. Для нее я был просто придурком, одержимым жестоким видом спорта.

Фи сразу сказала мне, что не встречается со спортсменами. Но вот она здесь. И она со мной. И, что важно, она мне нравится. Всегда нравилась. Она честная, но при этом не жестокая, столь чистая и настоящая. Это так освежает. Рядом с ней я начинаю по-настоящему дышать.

Ее рука в моей кажется такой маленькой, кости изящные и хрупкие. Я осторожно держу ее ладонь, позволяя своему большому пальцу поглаживать запястье девушки. И хотя именно я ласкаю ее кожу, дрожь распространяется по моему телу и стекается пульсациями к члену. А все из-за простого прикосновения к ней. И она позволяет мне касаться себя.

Я хочу пробежать пальцами по ее маленькому красивому телу. Мой живот напрягается от этой потребности, а сердце гулко ударяется о грудь, потому что я такой охуенно испорченный. Я не знаю, что на хрен делать с женщинами — я избегал близости с ними годами.

И сейчас это аукается мне.

Фи замечает мое затянувшееся молчание и заглядывает в мои глаза.

— Выбирайся из своей скорлупы, Итан.

— Но я в ней живу, — говорю я, пытаюсь прозвучать легкомысленно. — Не так-то легко сбежать от самого себя. — Она отлично понимает, о чем я, но, слава богу, не знает, почему я застрял в своей скорлупе.

— Прошлой ночью, — говорит она обыденным тоном, — я пошла спать, гадая, как бы твоя борода ощущалась на внутренней поверхности моих бедер.

Я спотыкаюсь о брусчатку. Малыш фыркает, но я быстро возвращаю равновесие.

Фи же даже не смотрит в мою сторону. Она идет в нескольких шагах от меня, а ее голос тихий и естественный.

— Я гадала, было бы мне щекотно, если бы ты сосал мои соски. — Жар заливает мои легкие. Я не могу дышать. Мой член пульсирует под ширинкой джинс.

Возможно, я издаю какой-то звук, потому что Фиона поворачивается и смотрит на меня через плечо.

Не знаю, что за выражение она не видит у меня на лице, но ее улыбка увядает, а румянец заливает щеки.

Ее шаги замедляются, но мои — нет. Я шагаю вперед, не отрывая от нее взгляда.

Она все еще румяная и идет задом наперед. Думаю, я усмехаюсь. Но не уверен. Моя цель ясна.

Я веду ее к лавочке, расположенной под покровом плакучей ивы. Мои руки хватают ее за талию и с легкостью приподнимают вверх. Фи становится на лавочку передо мной. Ее дыхание теперь более поверхностное и частое, а шикарная грудь оказывается на уровне моих глаз.

Она не говорит ни слова, когда моя рука проскальзывает под ее свитер. Атласно-гладкая кожа приветствует мою ладонь. Я веду рукой по ней вверх, по ее плоскому животу и ребрам, все это время глядя девушке в глаза. Я люблю то, как они расширяются, как в них отражается шок и пламя вождения.

Она по-прежнему молчит, пока я касаюсь пальцами ее груди и сдвигаю вниз кружевной лифчик. Тихий звук срывается с ее уст, когда я медленно приподнимаю одну сторону ее свитера.

— Малыш...

— Спит. Не буди его. — Я так близко, что могу видеть, как трепещет пульс у нее на шее. Ее теплый запах заполняет мои ноздри. Запах женщины, сладостей и зеленого чая.

Мягкий кашемир скользит вверх по ее телу, высвобождая грудь, отчего та немного кольшется, и мой член еще пуще врезается в джинсы. Я сглатываю стон. Боже, какая же она красивая. Кремовая упругая плоть и розовый сосок размером с монету.

— Подержи свитер. — Мой голос кажется гортанным.

Но Фи делает, как я велел, и ее грудь немного вздрагивает от каждого быстрого вдоха.

Моя рука тоже дрожит, когда накрываю ладонью ее теплую кожу, сжимая эту сладкую грудь.

А затем я целую сосок, захватывая губами кончик и щекоча ее кожу бородой.

— Итан... — Ее рука опускается на мое плечо для поддержки.

Мне так жарко, кожа буквально горит. Я целую ее грудь, словно это ее уста, облизывая и посасывая, покусывая онемелый бугорок и лаская его своими губами. И делаю это неоднократно. Теряюсь в происходящем, поклоняясь ее груди, как она того заслуживает.

Тихое хныканье срывается с ее уст, когда Фи сжимает мои плечи двумя руками, а ее свитер немного съезжает вниз, мне на нос. Но мне без разницы. Я медленно вожу языком по ее соску, смакуя его, и девушка стонет. Протяжно и громко. Звук отражается напряжением в моем члене.

И моя свободная рука опускается к ее бедру, притягивая Фиону вперед.

На этом моменте Лео просыпается и пищит в знак протеста.

Вот же отстой. Я вынырываю из-под ее свитера и делаю шаг назад, заботливо держа руку на ее бедре, тем самым не давая упасть.

Закрывая глаза, делаю вдох и еще один. Иисусе, я никогда не творил ничего подобного, никогда не позволял себе думать и тем более просто брать, что захочу. И сейчас я желаю сделать это снова и снова, потерять чертов здравый смысл, доставляя удовольствие Фионе Маккензи.

Я почти восстанавливаю дыхание, когда поворачиваюсь и сажусь на скамью так, чтобы понять, чего там хочет маленький человечек.

Рядом со мной Фиона поправляет одежду и спрыгивать на землю. Стоя ко мне спиной, она проводит рукой по волосам. И когда наконец-то поворачивается, то не кажется смущенной или сожалеющей о случившемся. Словно ничего и не было, она просто помогает мне сменить малышу подгузник.

Не знаю, должен ли я радоваться или ощутить разочарование. Но прямо сейчас я склоняюсь к последнему.

Глава 6

Фиона

— ДУМАЕШЬ, НЕПРАВИЛЬНО ТО, что я подумываю нанять кого-то себе помощь? — Айви поднимает флакон с духами, нюхает его и затем, морща нос, ставит на место.

— Я склонна сказать, в данном случае неправильно то, что ты до сих пор никого не наняла, — отвечаю я.

Она вздыхает и проводит рукой по своим темным волосам. Они длиннее, чем были за все предыдущие годы, и покрывают ее плечи, обрамляя лицо.

— Материнское чувство вины. Мне кажется, стоит стыдиться того, что я хочу выделить немного времени для себя. И для нас с Греем.

— Долговязая Айви, я пробыла в твоём доме всего два дня и хочу рыдать, глядя на тебя. Дети — тяжкий труд. У тебя есть возможность нанять человека в помощь, так сделай это. Счастливы мама и папа, счастлив и ребенок.

Я не упоминаю наше с ней детство. Это не к чему. Наша мама оставалась дома и не просила ни у кого помощи, даже несмотря на то, что у нее были возможности. Она была ходячей сдавленной пружинной. Наша вина в этом тоже есть. Что крайне отстойно.

Я гляжу в маленькое зеркальце на стеклянной столешнице и крашу губы пробником красной помады. Оттенок слишком насыщенный для моей бледной кожи и светлых волос.

— Держи, тебе она больше пойдет.

После нашего с Дексом возвращения домой, Айви атаковала его объятиями благодарности. Довольно неплохо отдохнув за несколько часов без малыша, она почувствовала желание выйти прогуляться и позвонила няне. Так что вот мы здесь, проводим время как сестры за шопингом. И я стараюсь со всех сил не думать о случившемся в Чайном саду.

Айви качает головой.

— Грею не нравятся помады. Говорит, они неприятные на вкус. — Я смеюсь и перемещаюсь к следующей стойке.

— К слову о работе, — говорит она, когда мы выходим из магазина. — Как твои дела? Боб Шугар все еще доставляет тебе неприятности?

Я смеюсь над тем, какое имя Айви с Греем дали Елене Форд, моей маленькой тупице коллеге. По крайней мере, Боб Шугар не скрывал того, что крал клиентов у Джерри Магуайера. Елена же гораздо коварнее. Около двух месяцев назад она начала работать в той же дизайн студии в Нью-Йорке, что и я.

Сначала, я думала, мы подружимся. Елена была милой, немного невежественной и сразу же обратилась ко мне за наставлениями.

— Ты здесь уже шесть месяцев, — сказала она, милым и умоляющим голосом. — И ты столь талантлива. Я же? Я в ужасе от того, что пойму все неверно и сяду задницей в грязь.

Я знакома со страхом неудачи. В конце концов, моя семья развалилась, и мне всегда приходилось метаться то туда, то сюда. Так что я помогла Елене, показала ей свои дизайн-проекты, рассказала о том, что меня вдохновляет, чего, на мой взгляд, ищут клиенты.

Откуда мне было знать, что на нашу встречу в понедельник для жилого комплекса Гринберг она принесет точь-в-точь похожие на мои макеты дизайна.

Конечно, было отличие. Достаточное, чтобы эскизы не показались точной копией. Но общий стиль и темы были абсолютно одинаковыми. Меня почти стошнило. Но, эй, это же могло быть чистым совпадением. К тому же Елена была как и раньше милой и благодарила меня за помощь. Шутила со мной в комнате для отдыха персонала.

Однако, наш босс, Феликс, выбрал именно Елену для помощи в оформлении жилого комплекса. Так что она выиграла. И я смирилась с этим. Но все повторилось снова.

Рука Айви переплетается с моей, возвращая в настоящее.

— Ты что-то притихла.

Я вздыхаю и наклоняюсь к ее плечу, пока мы направляемся к Эмбаркадеро.

— Я не хочу ни с кем конфликтовать, но начинаю активно ненавидеть эту женщину.

— Что она снова сделала? — спрашивает Айви, хмурясь.

— Это моя вина, — бормочу я, ощущая, как сжимается желудок. — Я рассказала ей, что планирую для Парка 44...

— Фи, — восклицает Айви. — Ты не сделала этого!

— Дай мне сказать. Это случилось до того, как я осознала, что она, ну понимаешь, подлая воровка.

— Творческая пиявка, — услужливо вставляет Айви. У нас есть и другой вариант имени для Елены, и он рифмуется со словом "звезда". — Апп, эта сука манипулирует тобой.

— Ага. — Я вздыхаю. — Я чувствую себя так тупо. — И тошнотворно. Подавлено. — Она сделала это снова. На этот раз все было еще хуже. Она использовала стиль Арт-деко, смешав его с необработанным деревом и индустриальными элементами. Использовала ту же чертову цветовую схему.

— Как же, черт подери, Феликс не заметил этого? — Темные брови Айви почти соприкасаются, так сильно она хмурится.

— Он сделал один комментарий насчет сходства. Елена просто усмехнулась и ответила какую-то чушь о том, что великие умы мыслят одинаково.

Айви фыркает.

— Блестяще.

— Да, не так ли? Ее мать — креативный директор журнала Elle Decor. У нее есть много полезных контактов. Зачем Феликсу волноваться, если дела идут хорошо? — Как обычно я колеблюсь между яростью и горем. Работа с Феликсом — моя воплотившаяся мечта. Он — один из главных игроков на рынке дизайна в Нью-Йорке. И я была его звездной ученицей. До прихода Елены.

Теперь же я вторая скрипка. Наблюдаю, как она взбирается по моей карьерной лестнице. Это угнетает. Особенно из-за того, что она считает своим долгом всякий удобный раз остановиться возле моего стола и просветить меня насчет всего того дерьма, что она

делает с Феликсом. Злобная ведьма.

— Ну, — говорит Айви. — Теперь ты в курсе. Не давай ей больше ни грамма информации, и тогда ей придется придумывать что-то самостоятельно.

— Надеюсь, что так. Просто думаю, что я здесь, а она там, работает над своим ведьменным вуду. — Часть меня не хотела ехать в отпуск. Но я согласилась на это и забронировала билеты.

— Хочешь вернуться? — спрашивает Айви, сочувственно глядя на меня.

— Неа. — Я сжимаю ее руку. — Мне нужен этот перерыв. И я скучала по тебе, Грей-Грею и малышу Лео.

— Мы тоже скучали по тебе. — Она целует меня в щеку.

— И думаю, все могло быть и хуже. — Я улыбаюсь. — Я могла бы работать с отцом. — Айви — ученица и партнер папы.

— Ха! — Она закатывает глаза. — Хотя он, по факту, не так уж и плох.

— Спорю, что жизнь на разных побережьях улучшает картину.

— Ты права. Давай пойдем поедим. Я голодна.

В конце концов мы оказываемся в испанском ресторане на набережной Эмбаркадеро и заказываем столько еды, что, вероятно, она весит столько же, сколько мы обе. Я засовываю кусочек сыра Мэнчего в рот и вздыхаю.

— Возможно, мне следует переехать в Сан-Франциско, — говорю я. — Мне здесь нравится.

Она морщит нос.

— Не дразнись. Это не мило.

— Я серьезно. Я живу в папиной квартире, словно какая-то халевщица. Нью-Йорк выматывает. Возможно, мне следует переехать сюда.

Даже говоря это, я знаю, что делаю. Мечтаю о побеге. Краски сгущаются, и я так устала. Я не горжусь этим. Но кажется, не могу остановиться.

Айви грустно улыбается мне, словно все понимает. Но она не произносит этого вслух, так как ее внимание привлекает кто-то у меня за спиной, кто-то, кому она машет, приглашая подойти.

Я оглядываюсь и вижу, как к нам направляется огромный сексуальный парень. Он одет в дымчато-серые слаксы и бледно розовый кашемировый свитер, который выглядел бы ужасно на большинстве парней, но только не в контрасте с этой смуглой кожей и крепкими мышцами.

— Привет-привет, миссис Грейсон, а я-то думал, куда ты пропала. — Он наклоняется и целует ее в щеку.

— Привет, Джейден. — Айви смотрит на меня. — Это — Фиона, моя сестра. Джейден Уиллингем.

Он усмехается мне.

— Лучший в своем деле лайнмен защиты.

— А еще и скромный, — говорю я, будучи отлично знакома с самооценкой спортсменов. И хотя я стараюсь не вникать в тему спорта, невозможно держаться совершенно в стороне, учитывая род деятельности моего отца и Айви.

Так что я знаю, Джейден играет в команде Грея.

— И ты права, — соглашается он счастливо.

— Пообедай с нами, — приглашает Айви, жестом указывая на место между нами.

— Круто. — Как только он садится, то поворачивается ко мне. — Итак, Фиона... Сестра Айви.

— Подожди. — Я поднимаю руку. — Не говори этого. Ты понял, что мы сестры в тот момент, как увидел нас. Мы могли бы сойти за близняшек.

Он смеется и пристально долго глядит на меня.

— Великолепные однойцевые близняшки. — Мы с Айви, как и инь и янь. Но дразниться весело.

Джейден берет тарелку, которую Айви заказала для него.

— Итак, где твоя ленивая половинка?

— В спортзале, — отвечает она, усмехаясь.

После прихода няни, Грей с Дексом ушли на тренировку. Ну знаете, веселья ради.

Брррр. Я таскаю свой зад по три раза в неделю на тренировки в зал. Но то, что делают они? Спасибо, нет. Хотя я могу оценить результаты.

Делая глоток сангрии, я отбрасываю мысли о Дексе. Хоть это и сложно. Клянусь, я все еще чувствую его рот на своей груди.

Каков ответ на вопрос, ощутила ли я его бороду, когда он пососал мой сосок?

Да. Черт, да. До кончиков пальцев ног.

Я все еще испытываю шок от того, что он сделал со мной, чувствую пульсацию и потребность между ног.

Черт. Парень слишком сексуальный, и до добра это не доведет.

— Чем занимаешься во время недели отпуска? — спрашивает Айви у Джейдена. — Все время играешь? — Он делает глоток воды, которую официант поставил перед ним минутой ранее, а затем наклоняется ко мне.

— Вот, что я люблю в твоей сестре, она словно воспитатель и тренер в одном лице.

Я понимаю, что он имеет в виду. У Айви есть подход к парням. Они всегда в конце концов немного влюбляются в нее.

Она смеется, когда Джейден по-дружески ее обнимает и звучно целует в щеку, но затем сестра хмурится, и ее взгляд мечется по ресторану.

— Черт, — бормочет она.

Джейден следует за ее взглядом.

— Что? Тот чувак с камерой? — Он качает головой. — Маленькие пиявки.

Папарацци. Мы с Айви выросли бок о бок с ними. Однако, по большому счету, они интересуются спортсменами не так сильно, как актерами или певцами.

Что в целом не мешало нам рассматривать их в роли врага.

С тех пор, как я стала далека от этого, то даже ленилась замечать их. Но Грей здесь большая звезда. Он один из лучших игроков NFL и до нелепого сексуален, чем, в том числе, обязан своей популярности. Айви же, как агент, дочь нашего отца и жена Грея тоже привлекает внимание СМИ.

— Думаю, они сделали фото того, как ты меня целуешь, — говорит она Джейдену.

— И завтра все газеты напишут, что у нас с тобой дикий роман, — говорит он, раздраженно вздыхая. — Не позволяй этому расстраивать тебя, Айви.

— Я и не позволяю. — Она пожимает плечами. — Это просто раздражает. Грей заслуживает лучшего, чем данное дерьмо.

— Ладно. — Я бросаю салфетку и поворачиваюсь к Джейдену. — Давай дадим им что-то более стоящее разговоров. Чмокни меня, лайнмен.

Блеск появляется в его глазах.

— Мне нравится твой стиль, Фиона. — Я знаю, Джейден понимает, что мы просто дурачимся ради помощи Айви. Я всегда любила флиртовать. Так что притвориться целующейся с парнем для меня плевое дело. Но крохотная часть моего разума задается вопросом, зачем я предложила это, и почему сейчас вдруг данная затея кажется неправильной.

Однако уже слишком поздно отступить. Джейден сжимает ладонями мой затылок и наклоняется вперед.

Его поцелуй длится считанные секунды — черт, он практически смеется, пока это делает — но момента достаточно, чтобы фотограф заметил происходящее и сделал кадр. И хотя Джейден красив, я не чувствую ни малейшего удовлетворения от того, что отвлекла внимание СМИ от Айви и Грея.

Джейден откидывается на спинку кресла и широко улыбается. Айви смеется и качает головой. Но ее улыбка увядает, превращаясь в тревожное выражение, когда она смотрит мне за спину.

И я чувствую холодок внизу своего живота. Потому что уже знаю. Я поворачиваюсь, и взгляд Декса встречается с моим. Холод во мне превращается в горячий мучительный свинец. Его выражение лица невозможно понять. В отличие от Грея, который явно расстроен.

Вместе, они идут к нашему столику.

— Айви Мак, — говорит Грей нежно, когда наклоняется, чтобы поцеловать жену. Он крадет стул из-за соседнего пустого столика и садится рядом с ней. Декс занимает свободное место рядом со мной.

Дерьмо. Черт. Дерьмо.

Мое горло сильно сжимается, но некая мрачная инфантильная часть меня хочет восстать.

Мы разделили всего один поцелуй и, ладно, довольно горячую историю с участием моей груди, но мы ведь не пара. Мы даже не живем в одном городе. Но потом я думаю, как отреагировала бы сама, если бы увидела Декса, целующегося с кем-то. Я бы хотела хорошенько ему врезать.

Вина и смущение сливаются воедино, пока я ощущаю Декса рядом, его рука расположена на столе так близко, что я могу прикоснуться.

— Грей — мой человек. — Джейден и Грей обмениваются рукопожатием, а затем Джейден смотрит на Декса. — Декстер. Последний раз я видел тебя, когда повалил вашего квотербэка на тридцатой минуте. — Рот Декса дергается в намеке на улыбку. — Ага, то преимущество в два очка, что мы заработали во время следующей игры, должно быть, нехило раздражает.

Грей начинает смеяться.

— Тот проигрыш был охуенно отстойным. К слову об этом, Джей. — Он дает Джейдену подзатыльник.

Ребята смеются.

— Забыл о той части, — признается Джейден, качая головой.

— Так бывает со слишком настороженными лайнменами, — говорит Декс, будто бы сочувствуя. — Их так легко запутать.

Во мне нарастает раздражение. Я чувствую свою вину за фальшивый поцелуй с

незнакомцем, а Декс ведет себя так, словно ничего не случилось. Ну, так и есть. Но он-то, этого не знает. Он игнорирует меня.

Словно слыша мои мысли, его взгляд встречается с моим. Все еще ничего. Никаких эмоций, кроме обыденного дружественного радушия.

— Так ты обедаешь с моей девушкой, — говорит Грей Джейдену.

— Неа, — отвечает тот до того, как закидывает руку мне на плечи и дружески сжимает. — Я обедаю с моей девушкой, Фионой. — Чудно. Прекрасно. Идеально.

Если бы взгляд мог убивать, я была бы уже мертва. Проткнута взглядом Грея в самое сердце.

Я выдавливаю из себя смех и легонько толкаю Джейдена.

— Ты можешь заплатить по счету. — Он возвращает внимание к Грею и Дексу, которых лично я игнорирую в пользу очередного мексиканского блюда.

— Я собираюсь сегодня вечером пойти поиграть в покер, — говорит Джейден Грею. — Дин, Джамал и Монро тоже идут. Даже милый мальчик Джейм в деле. Ты пойдешь? — Грей даже не моргает. — Ни за что. Я останусь дома и посплю, если будет такая возможность.

— Твое право. Я забыл, что ты сейчас недосыпаешь из-за ребенка. Как он там? — Отвлекаясь от беседы, я гляжу на Декса. Он сосредоточен на Джейдене и Грее и не смотрит в мою сторону. Профиль его носа и подбородка напоминает изображение на романских монетах. Я могу представить его центурионом, сражающим другие войска.

Мне правда стоит перестать чувствовать к нему всю эту чушь. Я знаю себя. Мне плохо даются разрывы с кем-либо.

Интрижки же на одну ночь не сулят никаких проблем, так как я могу просто взять и уйти. Но если полюблю парня, то нужно будет нечто большее. А я не собираюсь отдавать это большее отношениям с Дексом.

Его глубокий голос вырывает меня из тумана.

— Ага, конечно, я пойду, — говорит он Джейдену.

Предполагаю, речь идет о покере.

— Круто. — Джейден встает из-за стола. — Начало через час. Почему бы нам не пойти уже вместе?

— Конечно.

Итак, Декс уходит. Так и не сказав мне ни слова. Он встает, ножки его стула скрипят о пол. И ощущение потери заполняет мой живот.

Я хочу извиниться. Хочу накричать на него за то, что игнорирует меня.

Но не произношу и слова. Декс и Джейден прощаются с Айви и Греем.

Мне достается поцелуй в щеку от Джейдена.

— Был рад познакомиться, Фиона. — Его темные глаза сверкают. — Если захочешь потусить вместе, звони. У Грея есть мой номер.

Я натянуто улыбаюсь в ответ. Но все мое внимание приковано к Дексу.

— Это мило, но я провожу время с Айви, Греем и Дексом.

Слыша свое имя, он наконец-то поднимает на меня глаза.

— Спокойной ночи, Фи. — Вот и все.

Мне удастся кивнуть, а затем решить не позволять этому больше меня беспокоить. В любом случае у нас не могло ничего получиться. Но через мгновение он подходит к моему креслу, и кончики его пальцев пробегают по моему затылку.

От этого прикосновения мое тело пронизывает дрожь, а на лице расцветает улыбка.

После чего он уходит.

Как только Декс оказывается на улице, Грей поворачивается ко мне.

— Что за чертовщина это была, Фиона?

— О, ты бы расслабился, — восклицаю я. — Это была просто шутка.

— Думаю, я пропустил кульминационный момент. — Грей сердито смотрит на меня перед тем, как схватить мой стакан с водой и выпить ее, все это время глядя на меня поверх края стекла.

— Папарацци сделали фото Джейдена, целующего меня в щеку, — объясняет Айви. — Фи с Джейденом просто дали им другой повод посплетничать.

— Я догадался. — Грей пожимает плечами, но затем снова сердито глядит на меня. — Тем не менее, Фи, это было не круто. Ты нравишься Дексу и... — он вздрагивает, откидываясь назад, и в следующую секунду ему в лоб летит оливка. — Ты бросила в меня этим?

— Ты забыл упомянуть, что я бросила ею в твою большую голову? — мило спрашиваю я, а затем хмурюсь. — Не читай мне нотаций, словно я идиотка, Грей. Я не знала, что вы, ребята, придете сюда. Я бросаю взгляд на Айви, потому что она могла бы предупредить меня. — Я и так чувствую себя достаточно дерьмово от всего этого.

— Ладно... — начинает Грей.

Но я перебиваю его.

— Однако мы с Дексом... — Я машу рукой. — Я даже не знаю, кто мы, черт побери, друг другу. Мы ходили на одно свидание. Я уезжаю через неделю.

Грей дует губы, скрещая руки на своей огромной груди.

— Тогда, возможно, тебе стоит держаться от него подальше.

Боль пронизывает мою грудь.

— Вау. Спасибо. Для меня так много значит то, что ты считаешь необходимым столкнуть меня с пути Декса.

Напряженные губы Грея слегка расслабляются.

— Я не имел этого в виду. Ну, ладно, может совсем чуть-чуть. Дерьмо.

— Нет, нет. — Я поднимаю руку. — Я все поняла. И возможно, ты прав. Но это мое дело, а не твое.

Напряженная тишина повисает за столом.

Айви кладет ладонь на руку Грея.

— У нас остался час до того, как няне нужно будет уходить. Давай не будем тратить его на ссоры, Кексик.

Он смотрит на нее в течение длительного мгновения, а затем кивает. Его голубые глаза широко открыты и серьезны, когда парень поворачивается в мою сторону.

— Извини, Фи. Мне не следовало говорить тебе этого.

— Извини за оливку. Это дерьмо могло тебя запачкать, — говорю я нехотя. — В следующий раз я использую орешек.

В ответ он бросает мне в лицо салфетку. И мы оба смеемся. Но мои внутренности напряжены. И хотя я и злюсь на Грея, все же знаю, что парень прав. И это так охуенно отстойно, правда?

Фиона

ДЕКС НЕ ПРИШЕЛ ДОМОЙ. Ни тогда когда Айви с Греем отправились спать. Н спустя несколько часов, что я читаю, лежа в постели. В конце концов, около двух часов ночи я отключаю свою электронную книжку.

В тишине уютной гостевой комнаты я смотрю в окно, частично задернутое тяжелыми занавесками из розового шелка. Я декорировала эту комнату. Мой первый проект. Я предпочла белые стены, сусальный комод в стиле Рококо, белую кровать в духе Луиса XVI с бельем лаймового цвета и украсила одну из стен несколькими гравюрами Уорхола с королевой Елизаветой. Я называю этот стиль захудало-шикарным в духе Британии. Тем самым я вроде как отдаю должное маме, так как останавливаясь у Айви, она будет занимать именно эту комнату.

Комната напротив, которую занял Декс, я обустроила под папу — цветовая гамма немного мрачная и мужеподобная. Серая фланель на стенах, кровать из эбенового дерева, черно-белые фото и серые в тонкую полоску занавески. Прямо сейчас она пустует. С болью в душе я осознаю это.

Декс избегает меня? Он злится? Ему больно?

Я провожу пальцами по своей коже, там, где он касался меня, прежде чем покинуть. Его касание казалось в некотором роде беседой. Может даже обещанием.

Но что я, мать вашу, понимаю?

И почему это вообще важно? Почему все случилось так стремительно? Прошлой ночью я говорила себе, что он не мой тип мужчины. Потом мы безумно целовались.

Шумно выдыхая, я отбрасываю простыни, моя кожа горячая и зудит так, словно по ней ползет рота муравьев.

Возможно, мне стоит прислушаться к словам Грея и обрубить все это — чем бы оно ни было — на корню. Декс ушел на всю ночь? Ладно. Я буду избегать его утром. Вот так мы решим этот вопрос. Каждый пойдет своим путем, и на следующей неделе я уеду.

Через час я все еще на фиг не сплю. Черт подери.

ДЕКС

ЕСТЬ ОДНО ПРЕИМУЩЕСТВО в том, чтобы жить одному, — вам не нужн прокрадываться в свой же дом. Однако, как гость, я пытаюсь изо всех сил подняться по лестнице, не разбудив никого — особенно малыша.

Мое тело устало и пахнет сигаретным дымом. Некоторые парни настояли на том, чтобы им разрешили курить в помещении. Клянусь богом, у этих играющих в покер псов есть много полезных связей.

Потому что не думаю, что витающий в комнате густой дым хоть как-то влияет на выигрыш в покер.

Хотя я определенно не нуждался ни в какой помощи. У лайнмена защиты все никак не получалось сохранять выражение лица нейтральным. Я мог прочитать его, словно книгу, а я вроде как выше всего этого. Улыбка искривляет мои губы, когда вспоминаю о матерящемся и раз за разом проигрывающем Джейдене.

Моя улыбка увядает. Я испытал нездоровое удовольствие, надрав ему зад в карты. И как не убеждаю себя, что это не имеет отношения к той маленькой сцене в ресторане, и что все

это лишь из желания не дать лайнмену другой команды обыграть хорошего центра, знаю, что просто лгу себе.

подавляя вздох, я прокрадываюсь в комнату. И замираю.

Маленькая бронзовая прикроватная лампа включена, отбрасывая теплое свечение на всю комнату.

Света немного, но этого достаточно, чтобы довольно ясно видеть обстановку.

Свернувшись под одеялами, все еще с электронной книгой в руке, лежит Фи. Она крепко спит, а ее волосы разметались по моей подушке.

На секунду я оглядываюсь на дверь. Может, она случайно перепутала комнату? Нет. Я видел ее комнату. Она светлая, красочная и довольно женская.

К тому же в углу стоят мои ботинки, а на спинке кожаного кресла висит пара джинс.

Мой взгляд возвращается обратно к Фи, которая кажется такой крошечной на этой большой кровати. Я словно попал в сказку, потому что чувствую себя медведем, который нашел Машу у себя в кровати.

Черт.

Я пытался не думать о ней всю ночь. Она поцеловала Джейдена. Я не знаю почему. Казалось, это был мимолетный поцелуй. Они смеялись и валяли дурака. Но тем не менее данное осознание не унимает моих чувств и боли в груди.

Когда она смотрела на меня, ее зеленые глаза были полны вины и сожаления. Так что, что я мог сказать?

Фи не принадлежит мне. Я хочу ее. И боюсь этого желания. Но не имею права что-либо требовать.

Мягкий звук слетает с ее уст, когда она переворачивается на кровати.

Фи. В моей постели.

Возможно, теперь у меня и есть некое право.

Я растягиваю пряжку пояса и как можно тише снимаю джинсы. Мне хотелось бы принять душ. Но сейчас я не стану так рисковать, уходя на пять минут, через которые могу уже не найти ее здесь. Я снимаю футболку, но оставляю белье, не доверяя себе оказаться с ней в кровати полностью обнаженным.

Выключая свет, я пробираюсь на пустую сторону постели и поскользываюсь на одеяле.

Фи не просыпается, но поворачивается в мою сторону, будто бы встречая меня. Да пошло оно. Я притягиваю ее к себе, прислоняя спиной к своей груди. И она лишь сонно вздыхает. А я позволяю себе вбирать тепло ее тела и дышать ароматом ее кожи. Она дарит мне такие охренительно замечательные чувства, что мое сердце болезненно ноет.

Я притягиваю ее еще ближе, оборачивая руку вокруг ее узкой талии и накрывая ладонью мягкую грудь. Это кажется столь правильным, что все во мне расслабляется. Ага, я возбужден, но усталость и облегчение от того, что Фи ждала меня, перевешивают. Так что я засыпаю раньше, чем сам понимаю это.

Глава 8

Фиона

ЗНАЕТЕ, КАК НЕЛОВКО просыпаться в чужой постели и даже не помнить, как вы там уснули? Еще более неловко, когда вы просыпаетесь в чужой постели одной.

Солнце освещает мое лицо, и я вытягиваю руки над головой. Моя шея болит от столь длительного чтения в постели. Не знаю, какое такое глупое стремление подтолкнуло меня к тому, чтобы подождать Декса в его комнате. Очевидно же, что это было не к добру.

Глядя на смятые простыни рядом со мной, могу с уверенностью сказать, что он спал здесь. Черт, если бы я могла все вспомнить. Меня до чертиков раздражает то, что сейчас он не рядом.

Но, вероятно, это к лучшему. Мое дыхание несвежее, а волосы спутаны и торчат с одной стороны. Момент перебежки в мою комнату похож на те, когда вы крадетесь утром домой после интрижки на одну ночь, вот только на мою долю так и не перепало преимуществ ночных походов. Ага.

Горячий дух и чашка кофе не улучшают мое настроение. Дом безмолвен и пуст, что в некотором роде сводит меня с ума. Думаете, хоть кто-то оставил записку? Как бы не так.

Я возвращаюсь в свою комнату и просматриваю странички в социальных сетях на своем телефоне, чувствуя себя так, словно застряла в какой-то сумеречной зоне, пока все, кого я знаю, исчезли с лица Земли, когда в дверном проеме появляется Декс.

От одного его вида моя кожа натягивается, а сердце стучит быстрее. И не важно, что на мне старая футболка и штаны для йоги, а на лице нет ни грамма косметики. Он смотрит на меня, и я ощущаю себя красивой.

— Привет. — Декс прислоняется к дверному косяку, скрещивая руки на широкой груди. Он не предлагает мне ничего больше.

Я бросаю телефон на кровать.

— Где, черт побери, ты был? Где, на хрен, все остальные? И что за чертовщина? — Его губы растягиваются в причудливой усмешке, а борода вздрагивает. Тем не менее его золотисто-зеленовато-голубые глаза не выражают эмоций, как будто парень видит меня насквозь.

— Вижу, кое-кто в хорошем настроении.

— Просто в замечательном. Хотела бы я посмотреть, как бы ты радовался, проснувшись в одиночестве и гадая... — Кричу я, но затем захлопываю рот. Мерзкий Декстер всегда вынуждает меня сказать больше, чем я собиралась.

Его улыбка становится шире и сексуальнее. Он отталкивается от двери. Его шаг уверен и тверд, вызывая во мне ответную реакцию, сжимая мышцы внизу моего живота, разжигая пламя и настойчивую пульсацию между ног.

Матрас скрипит, когда он ставит на него одно колено и подползает ко мне. И несмотря на то, что я раздражена, улыбка озаряет мое лицо, а дыхание становится частым и поверхностным. Он тоже улыбается, отчего в уголках глаз появляются морщинки.

Не останавливаясь, парень целует меня — нежно, чувственно и основательно. Мои руки поднимаются к его щекам, а упругие волоски его бороды щекочут мои ладони. Боже, какой же он приятный на вкус, как здорово чувствовать его рядом. Я проскальзываю языком в его рот и дрожу.

Декс издает гортанный стон и прикусывает мою нижнюю губу, легонько посасывая ее, словно он проголодался. Но затем парень отстраняется и заглядывает мне в глаза.

— Я оставил тебя одну сегодня утром, чтобы не сделать вот этого.

Мой большой палец скользит по его нижней губе, сейчас немного припухшей от поцелуя.

— Ты правда думаешь, что я была бы против?

Его веки опускаются, когда Декс разглядывает мои губы и нежно проводит кончиками пальцев по скулам и подбородку.

— Я принес тебе бейглы. Вероятно, не такие вкусные как в Нью-Йорке, но они свежие.

— Итан, — говорю я тихо. — Ты избегаешь ответа на вопрос.

Он садится рядом, опуская голову на руку.

— Грей сказал, что ты поцеловала Джейдена, чтобы помочь Айви.

Мои плечи напрягаются.

— Клянусь, Грей сплетничает больше, чем толпа старушек на котильоне. Где, кстати, они с Айви?

— Поехали с малышом в Мюир лес, чтобы прогуляться среди красных деревьев.

— Дерьмово. Я тоже хотела туда поехать.

— Я отвезу тебя. — Его выражение лица спокойное, но взгляд сосредоточен на моей лице.

Я прижимаю к груди подушку.

— Грей был прав. Это был просто поцелуй, тупая шутка.

— Мне это не понравилось. — Морщинки образуются между его бровями. — В смысле, мне не понравилось наблюдать за этим.

— Понимаю. — Мои пальцы сжимают одеяло, чтобы не потянуться к Дексу. Сейчас мне кажется, что у меня нет права прикасаться к нему. — Прости. Мне бы тоже не хотелось увидеть, как ты целуешь другую женщину.

— А я и не хочу целовать другую.

Мы смотрим друг на друга, сейчас находясь почти что нос к носу. И это кажется чем-то... комфортным, робким, новым, странным.

— Я не знаю, что с этим делать, — шепчу я. — Я не ожидала, что ты появишься в моей жизни, Итан.

Его взгляд скользит по моему лицу.

— Я ждал два года, чтобы ты меня заметила. — Он говорит эти слова четко, не сомневаясь, но я все же не могу в них поверить.

Ком встает у меня в горле.

— Но мы лишь дважды пересекались до этой встречи в баре.

— Вообще-то, четыре, не считая свадьбы. Ты была на нашем с Греем выпускном. И на Дне Пива.

— Ты поставил высокую планку в первом раунде, — говорю я, вспоминая. — Это необычно, как для центра.

— А на тебе был надет белый сарафан с вишенками в день выпускного и серое вязаное платье с черными сапогами до колен в День Пива.

Моя грудь так сильно напрягается, что приходится откашляться, прежде чем заговорить.

— Почему я не замечала тебя раньше? — Потому что он был прямо передо мной все это время. Большой, красивый мужчина, не стыдящийся честности.

Большим пальцем он нежно убирает прядь волос мне за ухо.

— Я не пытался выделиться.

— Почему нет? И почему ты сделал это сейчас?

Он хмурится, наблюдая, как его большой палец скользит вдоль моей скулы к губам.

— На этот раз я просто не смог держаться от тебя подальше.

До того, как я могу спросить, что он имеет в виду, Декс накрывает второй рукой мой

затылок и притягивает меня ближе. Его губы клеймят мой рот — требовательно, настойчиво, абсолютно противоположно тому, как осторожно он удерживает меня. Страстные уста и нежные руки.

Он сводит меня с ума, и я прижимаюсь к его крепкой груди, запуская пальцы в волосы парня и отвечая на его поцелуй.

Довольный стон грохочет в его груди, когда Декс перекатывает меня на спину и нависает сверху. Он такой огромный, а плечи настолько широкие, что мне почти не видно за ним света. Со спутанными волосами и густой бородой он кажется столь диким — чистейшим воплощением мужчины, а не тех мальчишек, с которыми я обычно встречалась.

В повседневной жизни Декс держится в стороне, может, даже он немного стесняется, но со мной парень ведет себя абсолютно иначе. Прямо сейчас весь контроль находится в его руках. Он поворачивает голову и углубляет наш поцелуй, исследуя языком мой рот и тем самым вызывая у меня отчаянную жажду большего.

И Декс настолько проникателен, что, конечно же, замечает это. Медленно и уверенно, он перемещает руки вниз по моим бокам к ягодицам, поглаживая их и успокаивая меня. В это время он продолжает меня целовать, словно это самое захватывающее занятие во всем мире.

Его прикосновения, то, как он пробует меня на вкус, будто я выдержанное вино или взбитые сладкие сливки, проникает до мозга костей, возбуждая мою плоть. От его нежности я таю.

Кончик языка Декса касается уголка моих губ. И я так чувствительна прямо сейчас, что лишь от этого прикосновения дрожь пробегает по коже и сосредотачивается прямо в моей киске. Тяжело дыша, я поворачиваю лицо к нему, открываю губы и безмолвно молю о еще большей пытке. Его рука обрамляет мое лицо, удерживая меня неподвижно, пока губы парня снова накрывают мои.

Грубая щетина бороды щекочет мое горло, когда Декс перемещается ниже, останавливаясь там, где шея переходит в плечи, и посасывает это место.

— Ты такая приятная на вкус, Вишенка. — Он снова лижет мою кожу. — Словно заветная мечта. — Его мускулы перекатываются под моей рукой. Я притягиваю парня ближе, раздвигаю бедра и предлагаю ему лечь между них. Декс что-то бормочет, когда его огромный член прижимается ко мне.

Мне же нужно больше. Еще больше.

И думаю, ему тоже. Его рука хватает мою футболку и стягивает ее с меня через голову.

— Дай мне взглянуть на тебя. — Его палец расстегивает переднюю застежку лифчика за секунду до того, как грубая ладонь накрывает мою грудь. — Позволь прикоснуться к тебе.

Я стону и выгибаю спину, отчаянно пытаюсь окончательно освободиться от лифчика. Он помогает мне снять его.

А затем целует меня, но всего раз, сбивая с толку, после чего его взгляд опускается к моей груди, а локон волос падает ему на лоб.

— Ммм, — гудит он через нос, потирая круговыми движениями мою грудь. — Вот так. — Его пальцы сжимают твердый сосок и слегка дергают. Я стону и ощущаю, как от этого действия жар струится прямо к моему клитору.

— Тебе нравится? — Он делает это снова, но сжимает дольше, пока не наклоняет голову и не всасывает торчащий сосок в свой теплый рот.

Боже. Мои руки зарывается в его волосы, удерживая его возле груди, пока Декс сосет и

потягивает мою плоть, щелкая по ней влажным языком. Его руки снова присоединяются к пытке моей груди.

Он увлечен мной, так сосредоточен, словно весь мир может рухнуть вокруг нас, но Декс не останавливается. И это невероятно сексуально, настолько, что я едва могу дышать.

Большие ладони накрывают мою грудь, массируя и играя с нею. И все это время он лижет мои соски. Сосет и кусает их, пока я не начинаю извиваться под ним, отчаянно нуждаясь в облегчении, в его члене внутри меня. Я издаю нетерпеливый стон, но Декс лишь поднимает голову и внимательно смотрит на мою грудь.

— Боже, ты так охуенно великолепна, — хрипит он. — Такая красивая, румяная и вдохновляющая. — Он прижимает кончик большого пальца к моему соску, и я хнычу. — Хочешь кончить вот так? Пока я играю с твоей грудью? — Вероятно, я могу.

— Декс...

— Итан, — говорит он. — Когда я играю с тобой, я — Итан. — И затем его губы снова накрывают мои, клеймят меня, заявляют свои права на мое тело. Я дрожу, облизывая его верхнюю губу перед тем, как поцеловать парня. Он тоже вздрагивает.

— Итан, — говорю я, давая ему то, чего он хочет. — Итан. — И он целует меня, его язык медленно проскальзывает в мой рот и так же медленно покидает его, следуя некому ритму, пока пальцы мучительно и почти что грубо щелкают и дергают мои соски.

Это слишком.

— Прикоснись к моей киске, — прошу я напротив его губ. Хотя я и готова кончить только от поцелуев и его рук на моей груди. — Прикоснись.

Я чувствую, как он улыбается.

— Она влажная? — Его рука скользит по моему голому животу.

— Охуенно мокрая, — выдыхаю я, целуя его в щеку, уголок глаза и снова в губы.

Он скользит рукой под мои трусики, и я так возбуждена, так заведена, что, когда его пальцы касаются моей влажной плоти, я выгибаю спину, и стон срывается с моих губ.

Мир кренится. Одурманенная, я хватаюсь за его твердые как скала плечи.

Его дыхание ласкает мое лицо, а наши губы едва соприкасаются, пока Декс наблюдает за мной. Я замираю, не в силах двигаться или дышать, пока его пальцы скользят по моим складочкам и кружат над клитором. Его прикосновения хаотичны. Нет никакой стеснительности, лишь чистая, методичная жажда.

— Думаю, ты почти что садист, — говорю я сквозь стиснутые зубы, толкаясь бедрами навстречу его руке.

И хотя Декс дрожит, а пот выступает у него на лбу, глаза парня улыбаются мне.

— Почему это?

— Ты наслаждаешься этим. Тем, что сводишь меня с ума... — Мои слова прерываются срывающимся с уст стоном, когда его толстый и длинный палец погружается резко и глубоко в мою киску. — Ох, блядь. — Издавая ответный стон, он вынимает палец и снова толкает его в меня. Я двигаюсь навстречу его ладони, пока мои руки тянутся вверх и хватаются за подушки.

— Итан... — Я хочу, чтобы он меня трахнул. Мне нужно это. Мои зубы сжимаются от нетерпения.

Но вместо этого он добавляет еще один палец. И это так приятно. Офигенно.

— Вишенка, — шепчет он, облизывая мой сосок. — Дай мне то, чего я хочу, Вишенка. — Мой оргазм накрывает меня так сильно, что требуется время, чтобы прийти в

себя — ощутить его тяжелое твердое тело, скомканные простыни под моей потной кожей и восстановить дыхание.

Ошеломленная, я моргаю, глядя на него. Декс тоже кажется немного потрясенным, его глаза широко распахнуты, а губы приоткрыты.

— Ты прекрасна, — говорит он.

— Как и ты. — И я правда имею это в виду. Я хочу раздеть его догола и провести языком по каждому сантиметру этого тела. Но он уже встает, перед этим оставляя нежный поцелуй у меня на животе.

Парень полностью одет, тогда как я без футболки, с влажными и возбужденными сосками и наполовину съехавшими с моей задницы штанами для йоги. И хотя я не стесняюсь своего тела, все равно сажусь и натягиваю футболку. Потому что очевидно, Декс не собирается раздеваться, даже несмотря на выпуклость под его джинсами.

— Пойду поджарю бейглы, — говорит он. Прямо перед тем как взять и уйти.

Глава 9

Декс

Мои руки немного дрожат, когда режу ножом кунжутный бейгл. Я сжимаю рукоять покрепче, тогда как на самом деле хочу швырнуть через всю кухню и нож. И бейгл.

Потому что я оставил Фи — прекрасную, очаровательную Фи — в спальне.

Иисус Христос, какой же я идиот. Она лежала там, румяная и задыхающаяся, а кончики ее сосков блестели от моей слюны. А я взял и оставил ее.

Сладкие звуки ее оргазма, хриплые вздохи, все еще звенят у меня в ушах.

Бейгл распадается на две части, и я кладу нож на стол, а затем медленно вдыхаю. Я довел Фиону Маккензи до оргазма. Сильного оргазма.

Она-то даже не подозревает, что ее киска стала первой киской, которой я коснулся. Я даже не представлял, что она окажется такой влажной, теплой и тугой. Мои зубы сжимаются от воспоминания.

Я до боли хочу ее трахнуть. Мой член чертовски ноет. И хотя мне не чуждо подавлять свою потребность, это — новый уровень. Сейчас я так заведен, что мои бедра толкаются к краю столешницы, словно действуя по собственному велению.

— Блядь.

Но это проблема, не так ли? Она была готова к тому, чтобы я ее трахнул, практически молила об этом. И я тоже хочу этого. Вот только не мог. Так что я сбежал, словно трус.

Я не ожидаю, что Фи спустится на кухню. Вероятно, она расстроена. Возможно, даже испытывает ко мне отвращение. И у нее есть на то причина.

Мои глаза зажмуриваются, и я делаю еще один медленный вдох через стиснутые зубы. Так облажаться.

— Так какие булочки ты купил?

Я почти что подпрыгиваю от звука ее веселого голоса. Она влетает на кухню, раскачивая бедрами. На ней надеты облегающие черные джинсы и тесный серый свитер, который доходит девушке до середины бедра и кажется мягким на ощупь.

А я лишь могу смотреть на ее розовые припухшие от поцелуев губы. Потому что у меня пропала способность говорить.

Фи останавливается рядом и берет разрезанный бейгл, а затем отходит от меня и сует его в тостер.

— Ты купил к ним крем-чиз? — Она смотрит на меня глазами цвета свежей зелени. Никакого осуждения или злости. Кажется, девушка просто ждет, что я передам ей крем-чиз.

— Фи... — Мой голос срывается, и я напряженно сглатываю. — Я... гм... — Но тут открывается входная дверь. Грей и Айви дома.

— Привет, — кричит Айви, заходя на кухню и ставя детское кресло на кухонный стол. — Вы купили бейглы? Слава богу. Я голодна. — Она наклоняется и отстегивает Лео. — Мой очень злобный муж думает, что ездить гулять нужно в чертовы 7 утра. — Грей заходит в дом и кажется более отдохнувшим, чем я видел его в любую из наших встреч после рождения малыша.

— Мы все равно проснулись, и я уже начал сходить с ума в стенах этого дома. Ох... это семечки мака?

Я пытаюсь встретиться с Фи взглядом, выглядывая из-за Грея, но она уже хватается племянника из рук Айви и целует его в маленькую мохнатую головку.

Груз оседает в моей груди. Мне кажется, что я упустил момент. Словно она ускользает из моих рук.

Но затем ее голова поднимается. И яркие глаза смотрят прямо на меня.

— Давай прокатимся, после того, как поедим.

Я ВЕЗУ ЕЕ в Поинт Рейес, нахожу место на парковке, и затем мы идем к утесам Скалистая часть парка, покрытая одеялом коричневого, зеленого и багрового цветов тянется к самому Тихого океана. Солнечный свет отражается в глубинах его голубизны. Тем не менее, все, что я могу видеть, это девушку рядом со мной.

Она глядит на все это широко открытыми глазами, пока морской бриз раздувает ее волосы. Верхушка ее головы едва достигает до моего плеча. И хотя мы даже не близко к краю утеса, меня переполняет неумное желание, притянуть ее к себе и крепко обнять, тем самым защитив от всех невзгод.

Черт, разве не здесь умер один из туристов, когда несколько лет назад обвалился край утеса? Это дождь капает? Я готов сказать Фи, что нам стоит уехать, когда она счастливо вздыхает.

— Боже, как же здесь прекрасно.

— Ага. — Я внимательно гляжу на тропинку.

Фи поворачивается, и ее кожа блестит под нежным калифорнийским солнцем.

— Ты бывал в Сан-Франциско до этого много раз?

Я срываю шалфей с ближайшего куста и растираю бархатистый лист между пальцами.

— Я вырос в Санта-Круз.

— Правда? — Она улыбается. — Калифорния, ха? Так ты был одним из тех парней, которые зависают под променадом и серфят весь день? — Она усмехается, словно это ее забавляет.

— Ну, не весь день. Обычно перед тренировкой или когда у меня выдавалось свободное время. — Ее зеленые глаза округляются от удивления. Предполагаю, я и правда не похож на серфингиста. Я смеюсь про себя на том, что Фи, должно быть, теперь пытается представить меня с дредами на голове.

Я легонько стучу по кончику ее носа.

— Это хорошо развивает равновесие, силу, фокусировку и выносливость. В некотором роде схоже с тренировками по футболу. Только веселее.

— Спортсмены, — бормочет она, качая головой, а затем снова смотрит на меня. — Ты не похож на калифорнийского мальчишку.

Я смеюсь над этим.

— А откуда ты думала я родом?

— Я не знаю. — Она пожимает плечами. — Откуда-то, где парни связывают быков.

Монтана или Вайоминг, ну, может, Техас.

Я снова смеюсь.

— Единственное бычье дерьмо, с которым я знаком, это то, о котором парни говорят на поле.

Фи широко усмехается и тоже срывает лист шалфея, поднимает его к носу и вдыхает аромат.

— Почему-то я не могу представить тебя, разговаривающего о дерьме.

— Нет. Но я отлично разбираюсь в лайнменах команды противников и том, что они пытаются выбить из меня.

— Однако ты уваливаешь от них так, словно маслом намазан, верно?

— И это злит ребят сильнее, чем любые слова.

Я люблю звук смеха Фионы. Он громкий, свободный и вызывающий. Все ее лицо светится, когда девушка смеется. И мне приходится сжать руки в кулаки, чтобы не схватить ее и не накрыть губы девушки своими, глотая этот прекрасный звук. Я представляю, как меня наполняет ее смех, согревая все холодные уголки моей груди.

Фи подходит ко мне, и ее тонкая рука берет мою. Мгновенно я переплетаю наши пальцы.

— Так твои родители живут недалеко? — Ее пальцы немного напрягаются. — Или они развелись?

— Нет, они все еще вместе. Наш дом находится почти в часе езды вдоль побережья. Но прямо сейчас они в Европе с моим младшим братом. Просто в туристической групповой поездке.

— Ему исполнилось... сколько? Восемь?

— Ага. Они обучают его дома, так что могут путешествовать по миру. — Уголки моих губ вздрагивают. — Вероятно, они прямо сейчас пробуют различные немецкие сосиски. А Дилан, мой брат, ноет, что хочет американский хот-дог.

— Думаю, это круто. — В ее голосе слышится вздох.

Я знаю, что родители Фи и Айви развелись несколько лет назад. Шон Маккензи проводит почти все время в Нью-Йорке или Атланте, а их мать живет в Лондоне.

— Ты скучаешь по маме? — спрашиваю я.

Она прищурится от отражающегося в океане солнца.

— Ага, иногда. Я провела почти все летние каникулы с ней, либо в Лондоне, либо путешествуя. Но это было скорее вынужденным мероприятием. — Ее светлые волосы развиваются от бриза, и Фи убирает их с лица свободной рукой. — Не знаю... мы с ней просто не похожи. Она сосредоточена, организована. Я же...

Фи не заканчивает.

Я сжимаю ее руку, притягивая девушку к своему боку.

— Творческая. Полная жизни.

— Сладкие речи, — смеется она, но ее голова откидывается на мое плечо.

В течение минуты мы молчим, наблюдая за океаном, пока я обнимаю ее за плечи. Я провожу большим пальцем по ее ладони, обнаруживая мозоль. Она замечает это и криво улыбается мне.

— Не очень нежная кожа, я знаю.

Неспешно я исследую пальцем свежие царапины и незначительные шероховатости ее ладони. Ее руки все в ранках.

— Что ты делаешь с собой? — Она пытается отстраниться, но я не даю, встречаясь с девушкой взглядом.

— Ничего такого, — говорит она, сдаваясь в этом небольшом перетягивании каната. — Я... — Ее щеки краснеют. — Я делала мебель. Для некоторых процессов я надеваю перчатки, но в данном деле ты должен чувствовать дерево.

— Мебель? — Я невольно улыбаюсь. — Это... Ну, это реально охуенно круто. — Ее румянец становится насыщеннее.

— По правде, я не говорила ни с кем об этом. Это то, что я делаю ради релакса. Но мне нравится.

— Так твои шрамы на ладонях это результат? — Я поднимаю собственную руку, глядя на свои опухшие костяшки, коротко стриженные ногти, чтобы их не вырвали во время сражения на поле.

Фи наклоняется ближе ко мне.

— Ага. Думаю, да. — На секунду она смолкает. — Я сделала кухонный стол Айви и Грею.

Я не обратил внимания на стол, потому что в комнате находилась Фи, но сейчас все равно могу довольно хорошо его вспомнить.

— Это большой кусок работы. И красивый. — Я опускаю на нее взгляд, мой подбородок оказывается рядом с ее щекой. — Ты должна гордиться.

— Спасибо. — Ее голос тих, почти застенчив, и Фи смотрит на океан.

Она поделилась со мной секретом. Тем, которым явно не спешит делиться с другими. Я не знаю, поступила ли Фиона так, чтобы я смог ей доверять, или просто захотела рассказать мне. В любом случае это повергает меня в шок.

Фи такая нежная, женственная и теплая рядом со мной. Она дарит мне ощущения, которых я до этого не испытывал. И я знаю, что должен ей все рассказать и не упустить шанса сделать девушку своей. Так что я глубоко вдыхаю сладкую смесь шалфея, эвкалипта, соли и солнца.

— Фи...

Но она перебивает меня.

— Я слышала, здесь недалеко есть молочный ресторан, где продают сыр.

Я хмурюсь, глядя на пространство перед нами. Мне легко распознать выражение лица других людей.

И Фи не исключение. Я понимаю ее до мозга костей. Проблема в том, что она так же легко читает меня. А я не привык к этому. Никого никогда особо не волновало мое душевное состояние.

Весь день я ожидаю, что девушка потребует от меня объяснений. Но она даже не заикается о моем побеге этим утром. Сперва я не знал, что с этим делать.

Теперь же думаю, что Фи сознательно избегает данной темы, так как чувствует мой

страх.

В общем, она продолжает идти, но я тяну ее за спину.

— Я знаю, что облажался, оставив тебя сегодня утром. — Холодный пот выступает на моей коже, и я напряженно сплываю, проводя руками по волосам, чтобы не сжимать так сильно пальцы.

Ругаясь, я гляжу на океан.

— Я...

— Эй. — Она касается моей руки, и я чувствую это основанием позвоночника. — Тебе не обязательно что-либо говорить.

— Нет, обязательно. — Я вынуждаю себя взглянуть ей в глаза.

— Это связано с девственными штучками?

Мое дыхание замирает.

Но она не замечает этого и продолжает разговор.

— Потому что меня это не волнует. Совсем.

Черт, мои щеки точно пылают.

— Ты права, Грей сплетничает больше старух. — Я сжимаю затылок рукой. — Ага, технически, я и правда девственник. Не то, что бы я специально скрывал это. Просто раньше как-то не заходил разговор.

— Ну а почему ты вообще должен был об этом упоминать? Твоя сексуальная жизнь — твое личное дело.

Я смотрю на нее сверху вниз.

— Мне бы хотелось, чтобы она была и твоим делом.

Фи моментально краснеет. Сладкую девочку так легко взволновать. Я люблю тот факт, что могу вызвать у нее румянец, могу украсть у Фи дар речи.

— Послушай, — говорю я, — я не хотел делать из этого событие, но подумал, что должен рассказать тебе, потому что знаю парней, которые сходят с ума, когда у девушки нет опыта, а их об этом не уведомили и...

Фи закрывает мне рот. Ее поцелуй уверен, словно девушка пытается сказать мне, что все в порядке, но в то же время он нежен, отчего мое тело сжимается в каком-то странном волнении.

Она становится на носочки и смотрит на меня серьезным взглядом. Ее крошечная теплая ручка снова берет мою.

— Я имела в виду именно то, что сказала. Тебе не обязательно рассказывать об этом, если не желаешь. Но я вижу, что данный вопрос тревожит тебя. Так что если хочешь рассказать мне, я выслушаю.

Последнее, чего мне сейчас хочется, — это разговоров. Но я делаю глубокий вдох и пытаюсь. Ради нее.

Глава 10

Фиона

Бормочущий и краснеющий Декс — это что-то новенькое. То, как этот большой, крепкий парень, который с легкостью может поднять меня над головой и покрутить одной рукой, краснеет, кажется почти что милым.

Ну если не брать во внимание то, что мне не по душе его расстроенное состояние. Так что я не улыбаюсь. Я просто держу его за руку и жду, что же он скажет.

Потому что знаю, он собирается рассказать мне все. Хотя, он и девственник — к слову, я просто не могу поверить, что этот роскошный великан был всю свою жизнь неприкасаемым — и довольно тихий человек по натуре, Итан Декстер — самый прямолинейный мужчина, которого я встречала. Я привыкла общаться с ребятами, притворяющимися всю свою жизнь, неся ложную браваду и несусветные небылицы. Теми парнями, которых если загнать в угол, они тут же набросятся на вас с обвинениями. Или теми, которые лгут обо всем, о чем им не удобно говорить.

Но Декс? Нет, он просто делает вдох и признается, что в свои двадцать четыре года все еще девственник. Опять же, данная мысль волнует меня и почему-то даже немного возбуждает, особенно учитывая перспективу стать единственной девушкой, доводящей его до оргазма.

Черт возьми, я хочу увидеть, как сильный, молчаливый Итан распадется на куски и потеряет рассудок.

Подавляя в себе похоть, я прислоняюсь к нему ближе, оправдываясь наличием здесь сильного ветра и используя большое тело парня для защиты от непогоды, тогда как на самом деле мне попросту хочется окунуться в его тепло и вкусный запах.

Декс тянет меня за руку, и мы садимся на широкий плоский валун, оказавшийся в небольшом ущелье на склоне. Высокие, ароматные травы колышутся на ветру, а солнечные лучи согревают мою кожу.

В уголках глаз Декса образуются морщинки, когда парень опускает руки на свои крепкие бедра. Но затем он тянется к заднему карману джинс и вытягивает оттуда бумажник, из которого достает старую ламинированную фотографию. Не глядя на снимок, он передает мне его.

— Я познакомился с Дрю и Греем в футбольном летнем лагере в первый год учебы в старшей школе. — Он откашливается. — На фото я слева. — Мне не нужно было это пояснять. На снимке всего трое парней. Они одеты в грязную спортивную форму, обнимают друг друга за плечи и улыбаются на камеру.

Я сразу же узнаю Грея. Он самый высокий, и его светлые волосы выгорели на солнце, и он так широко улыбается, словно на седьмом небе от счастья. Дрю стоит по центру, он квотербэк и сейчас является клиентом Айви. Я познакомилась с ним на свадьбе сестры и Грея. Он был шафером Грея, а я подружкой невесты. Благодаря светло-каштановым волосам, пронзительным глазам и кривой почти лукавой улыбке, он очень красивый, словно модель.

А слева стоит Декс.

Если бы не его серьезный взгляд карих глаз, я бы, может, и не узнала его. На фото у него нет бороды — что не удивительно, учитывая, что снимок времен старшей школы — и его гладкие щеки такие пухлые и округлые. Весь Декс пухлый и округлый. О, конечно же заметны начинающие формироваться крепкие мышцы, но все же нужно признать, что Дексу пришлось побороться с детским жирком.

Его улыбка не такая широкая, как у друзей, она почти осторожная, но все же радость отражается в глазах парня. Ему явно нравилось быть в лагере. Очевидно, что он любил своих друзей.

— Я всегда был склонен к полноте в детстве, — говорит он тихо. — Знаешь, большой парень, которой, если поставить его рядом с остальным классом, кажется, будто пару раз

остался на второй год.

У меня в горле встает ком.

— Девушки никогда меня не замечали. — Декс забирает фото, когда я протягиваю его ему, и убирает в бумажник. — И так было до начала старшей школы, когда я начал играть в футбол, а затем меня замечали только в разрезе "Эй, Декс, хорошей тебе игры".

Он смотрит на океан.

— Лишь тогда они стали проявлять ко мне интерес. В первый год в старшей школе я попал в состав команды по футболу. А во второй вошел в состав сборной. — Он пожимает плечами. — Я был все еще скорее жирным, чем мускулистым, но черлидерши были готовы дарить свою любовь игрокам. Включая даже меня.

Ну, а почему бы нет? Декс красив. И я правда не думаю, что он очень сильно изменился с детства.

— Я тусовался с несколькими девчонками. Но проблема в том, что всегда знал, они интересовались мной только потому, что я играю в футбольной команде.

— Почему ты так думал? — Я не могу не спросить.

Он смотрит на меня так, словно хочет сказать "будь реалисткой".

— Вне круга своей школы ни одна девушка не проявляла ко мне ни разу интереса. Никогда. И... — Он чешет бороду. — Одна из тех, с кем я встречался, признала это. Лиза Ангер сказала мне "Не волнуйся, Декстер, мы позаботимся о тебе. В конце концов, ты же в команде".

— Сука.

Он кривит губы.

— Думаю, она просто честная. В любом случае, после этого я не хотел с ними тусоваться, обжиматься и так далее. Я закрылся. Черт, я не желал быть с девушкой, которая хочет меня только потому, что я играю в футбол.

— Ладно, но что насчет колледжа? Во время учебы явно было множество девушек, которые не были такими меркантильными суками.

На это Декс фыркает и прищуривает глаза. Но очень быстро его лицо снова расслабляется, а кожа становится бледной, даже несмотря на загар.

— Ко второму году в колледже я сбросил жир и почувствовал себя немного более... уверенно. Но затем... — Он выдыхает и опирает локти о колени.

— Итан. — Я касаюсь его спины и понимаю, что рубашка Декса с длинными рукавами влажная от пота.

— Что случилось?

Его большие руки сжимаются в кулаки.

— Я не горжусь этой частью своей жизни.

Мой живот напрягается, но я все равно держу руку на его спине.

— Все в порядке. — Я правда не знаю так ли это, но не понимаю, что еще могу сказать, чтобы успокоить парня.

— Что ж... Я... Гм... Весной на втором курсе часть нашей команды отправилась в Мексику. Это была дикая поездочка. Девочки повсюду. Повсеместный секс. Я никогда не видел ничего подобного. Мы только закончили сезон, выиграли свой первый Национальный Чемпионат, и к нам относились так, словно мы — боги.

Его плечи очень сильно напряжены, а тело под моей рукой, кажется твердым как гранит. Дрожь пронизывает его, и я тру парню спину, отчаянно пытаюсь его успокоить.

Когда он снова начинает говорить, его голос грубый и хриплый.

— В первую ночь мы все очень сильно напились и покурили травки. Я никогда не пробовал ее до этого, и меня нехило пробрало. Мы были на вечеринке, и ко мне подсели две девушки. На них были надеты только крошечные бикини, и они охренеть как хотели доставить мне удовольствие. Но дело даже не в этом. Эти девушки, они словно хотели превзойти друг друга, ведя себя нереально дико.

Ага, мне знаком данный типаж. Я выросла рядом со спортсменами и знаю подобных женщин, даже несмотря на то, что тогда была слишком мала, чтобы понять, что такое секс. Мой отец был звездой NBA до того, как стал агентом, и он трахал таких женщин, чем и разрушил свой брак.

Феминистка во мне хочет закричать, что это мужчины используют женщин, словно одноразовые секс игрушки. Но правда гораздо отвратительнее, потому что некоторые женщины сами охотно играют эту роль. Фактически, они соревнуются за шанс быть использованной.

— Я был пьян и под кайфом настолько, что меня ничего не заботило, — медленно произносит Декс, будто каждое слово дается ему с трудом. — Следующее, что помню, мы втроем в темной комнате, одна из них сосет мой член — хотя я был настолько убит, что едва ощущал это — а вторая тычет голую грудь мне в лицо. Я подумал, ну наконец-то. Но это казалось таким неправильным. Затем одна из них начала умолять меня трахнуть ее грязно, потому что она любит именно "грязно". Черт, если бы я только знал, что значит это ее "грязно", но в следующую минуту она уже стояла на четвереньках и просила меня трахнуть ее в зад.

Декс смолкает, проводя рукой по лицу. Он кажется таким расстроенным, что мне не хочется, чтобы парень продолжал свой рассказ. Но тем не менее я молчу, потому что если он решил довериться мне и рассказать свои тайны, то я выслушаю их.

— Я был девственником. Что я на хрен в этом понимал? Но вторая девушка уговаривала меня "Трахни же ее. Я хочу посмотреть на вас. О, это будет так сексуально, детка". — Он пожимает плечами. — Мы были пьяные в доску и глупые. Я не... Помню, что пытался толкнуться в нее, и это было неприятно, неудобно. Но вторая девушка наблюдала за нами и восклицала что-то типа "Оттрахай ее по полной". А первая, которую я, ну ты понимаешь, пытался... Она кричала "Давай же, засунь его в меня наконец-то". Но у меня в голове все вертелся вопрос, должна ли она быть влажной и гладкой как шелк?

Я чувствую тошноту, слушая его историю, такую извращенную и грустную. Когда Декс опускает голову и прочищает горло, я хочу заплакать и крепче его обнять. Но я не двигаюсь, не хочу нарушить что бы там не подталкивало парня довериться мне — потому что очевидно, он нуждается в том, чтобы отпустить это.

— И затем я ощутил некую шелковистость. И когда опустил взгляд то... увидел кровь... на моем... — Из его уст срывается прерывистый вздох. — Я увидел ее, и все вокруг просто начало вращаться. Меня вырвало. Девушки ушли, матеря меня и ругая за то, что я оказался самым худшим трахом за весь их опыт общения с футболистами... ну и всякое подобное дерьмо. Но девушка, которую я...

Широко открытые глаза цвета земли и моря глядят на меня.

— Она вела себя так, словно ей это понравилось. Она хотела, чтобы я делал с ней это. Почему? По моей вине у нее шла кровь. Почему же она хотела этого? Потому что желала рассказать потом, что это с ней сделал футболист?

— Итан. — Сейчас я без колебаний притягиваю его ближе. Его тело онемело, но голова опускается на мое плечо, а дыхание становится шумным и частым.

— После случившегося я не мог сделать это. Это казалось чем-то отвратительным. Испорченным. То, что я делал, было неправильным.

— Нет. — Мои ладони накрывают его щеки, и я поднимаю лицо парня, чтобы заглянуть ему в глаза. — Тебя втянули не в лучшую сцену. Люди часто делают глупости по пьяни.

Он пытается покачать головой.

— Если бы я был опытнее, то знал бы достаточно и отказался бы. Или использовал что-то типа... — Его щеки краснеют. — Смазки или чего в этом роде.

— Да? А что насчет той девушки? Если бы я попросила парня сделать что-то подобное, то поверь, потребовала бы использовать смазку.

Не то, чтобы раньше я практиковала анал. Но факт есть факт.

— Послушай, — говорю я, когда становится очевидно то, что Декс собирается спорить со мной, — ты был глуп. Она была глупа.

Он обнимает меня за талию и смотрит в глаза.

— Я не говорю, что данная история душтрепещущая. Если логично подумать, я все понимаю. Но тем не менее я помню, что почувствовал себя виноватым во всем. И после я просто не мог избавиться от этих мыслей. Я не мог заниматься обычным сексом. Я был готов к отношениям. Но не хотел, чтобы кто-то желал меня из-за того, чем я занимаю, а не потому, кем являюсь.

Мое сердце надкалывается.

— Декс, у нас не может быть отношений. Ты живешь в Новом Орлеане, а я — в Нью-Йорке.

Его глаза буравят меня.

— Я хотел тебя с момента, как впервые увидел, Вишенка. Ты говоришь, что думаешь и не фильтруешь это...

Я морщусь.

— Я работаю над своими фильтрами речи.

Он снова посылает мне мимолетную нежную улыбку.

— Это хорошее качество. Я доверяю тебе. Меня нереально к тебе тянет. И я хочу тебя трахнуть. Я хочу узнать тебя. Хочу быть с тобой. Если ты хочешь всего этого от меня тоже, я не дам чему-то столь незначительному, как место жительства, помешать нам.

Святое дерьмо. Я даже не могу и слова вымолвить.

Отпуская мои запястья, он заглядывает мне в глаза, выглядя таким серьезным, почти строгим.

— Я хочу тебя настолько сильно, что выкладываю все свои карты на стол, показывая тебе, кто я на самом деле. Так что думаю, сейчас твой черед. И я пойму, если все сказанное мной вызвало у тебя отвращение, и ты не захочешь иметь с этим дела.

Его губы сжимаются в тонкую линию, словно парень сдерживает желание сказать больше, но его глаза ни на миг не покидают мои.

Я протягиваю пальцы к уголку его рта, возле линии роста бороды так же, как делала это в первый раз, когда прикоснулась к нему.

— Я думаю, Итан, что теперь хочу даже большего, чем ранее. Но отношения? Мне нужно подумать об этом. Понимаешь? — Он моргает. А затем уголок его притягательных губ приподнимается, а взгляд становится таким жарким, что может расплавить шоколад.

— Просто скажи, и ты получишь меня, Фиона.

Глава 11

Декс

ТЕРПЕНИЕ. У меня его с избытком. Я практиковал терпение, словно инструмент, зная что наступит момент, когда это мне пригодится. Однако, прямо сейчас, мое терпение на исходе. Потому что Фиона так и не дала мне ответа.

В Поинт Рейесе она поцеловала меня в щеку и сказала, что должна подумать, хочет ли быть со мной. По ее словам, не из-за моего прошлого, а скорее потому, что боится начинать то, у чего есть четкий срок действия.

Разочарование наполняет меня. Я не вижу для нас счастливой концовки, просто знаю, что вместе нам могло бы быть хорошо. Мне следовало рассказать ей о своей симпатии много лет назад, когда мы только познакомились.

Когда жили в одном городе. Вот только тогда у нее был парень. А я был слишком осторожен, чтобы сделать этот шаг. Глупо с моей стороны.

Возможно, наши жизненные графики всегда будут не совпадать. Но, черт подери, я не сдаюсь. Ни за какие на хрен коврижки. Не тогда, когда познал ее вкус. Не тогда, когда открыл ей отвратительную правду о себе, а она приняла ее без осуждения. Мы можем быть настоящими друг с другом, а это редкость, это ценно. Так что я просто перегруппируюсь.

Для начала мы идем перекусить с Айви и Греем. Если я не могу пригласить ее на свидание, то на данном этапе сойдет и двойное свидание. Няня одного коллеги Грея согласилась присматривать за Лео.

Так что мы идем на обед.

Айви и Фи развлекают нас историями своего детства и рассказывают о том, как отец приводил домой своих коллег, которые на данный момент стали спортсменами мирового масштаба.

— Расскажи им, как ты выиграла пари с Джорданом, когда тебе было шесть, — говорит Айви Фи.

Зеленые глаза моей девочки светятся, когда она смеется.

— О, боже. — Она делает глоток коктейля. — Я поспорила с ним, что смогу подпрыгнуть выше, чем он.

— Да, ладно, ты не могла поспорить с Джорданом, — настаивает Грей, качая головой.

— Но я поспорила! — Ее щеки заливаются нежно-розовым румянцем. — Выигравший получил дюжину пончиков. Сначала прыгнул он. И поверьте, он прыгнул высоко.

Мы все киваем. Фи наклоняется вперед, понижая голос.

— Я знала о его впечатляющих умениях и прыгнула после него.

Айви перебивает сестру:

— Маленькая засранка направила на кухню, так что мы пошли за ней следом. И, что вы думаете? Фи взобралась на столешницу, глядя Джордану в глаза, и прыгнула.

— Что? — восклицает Грей. — Это же жульничество.

— Так и Джордан сказал. — Фи пожимает плечами. — Я ответила ему, что мы и не договаривались прыгать только на полу, и так как я технически прыгнула с более высокой точки, то выиграла.

Я смеюсь над этим.

— И ты говоришь, что это я пройдоха.

Она усмехается, не чувствуя ни капли раскаяния.

— Эй, он признал поражение и купил мне пончики. Сказал, что уважает мою решимость одержать победу любой ценой.

Так и проходит обед — за разговорами, поеданием еды и весельем. Давно я так не проводил время. Если я становлюсь слишком молчалив, Фи втягивает меня в разговор, иногда прикасаясь к локтю и глядя так, словно спрашивала моего мнения.

Иногда она говорит что-то столь возмутительное, что я не могу промолчать.

Так что у меня внутри зародилось странное ощущение, словно я стал человеком, которым должен быть. Это одновременно вызывает облегчение и некое волнение.

Сидеть рядом с Фи, достаточно близко, чтобы ощущать запах ее волос, чувствовать, как ее рука касается моей, когда девушка поворачивается сказать что-то Грею, опирается на меня и вызывает во мне тем самым желание большего.

Я хочу положить руку на спинку ее кресла, так же как Грей кладет свою на кресло жены. Хочу наклониться и поцеловать ее улыбающиеся губы, когда она скажет что-то милое, что случается довольно часто.

Мы заканчиваем кушать и перемещаемся в бар, сегодня здесь ночь караоке. А это значит, что помещение набито кучей пьяных и крайне энергичных певцов, которые толком не умеют петь. Нам удастся занять столик перед сценой. Думаю, это из-за того, что владелец — футбольный фанат. Уверен, что столик был занят на момент нашего появления в баре.

Но хостес настояла, чтобы мы сели сюда и поспешила доставить нам напитки.

— Прекрасно, — говорит Грей, потирая руки, его глаза блестят. — Кто сплет хуже всех — заплатит за выпивку.

Айви широко усмехается.

— Вперед, Кексик. Я тебя уделаю. — Мы все смолкаем, наши взгляды мечутся взад-вперед, когда знакомое чувство ужаса пропитывает атмосферу нашего столика.

Айви смотрит на нас и хлопает ладонью по столу.

— О, ради бога. Я знаю, что вы, звездюки, думаете! Если я отстойно танцую, то так же отстойно и пою? Ну, так вот. Вы ошибаетесь. Я бесподобна.

Следует неловкое молчание, и Айви фыркает.

— Что? Думаете, я не знаю, что отстойно танцую? Меня это просто не волнует. — Она сердито смотрит на Грею, хотя в ее взгляде нет ни грамма злости. — Так что отныне ты можешь больше не танцевать как осел.

Сдавленный звук срывается с его уст.

— Ты знала?

— Конечно. — Она отбрасывает волосы за плечи. — У тебя слишком хорошая координация на поле, и ты забываешь танцевать так же отстойно, когда исполняешь победные танцы.

Грей изумленно смотрит на нее в течение полминуты, а затем наклоняется вперед и хохочет.

— Я охренеть как тебя люблю, Специальный Соус. — На этом он тянет Айви к себе на руки и целует.

Фи, однако, наконец-то выходит из транса, в котором находилась с момента признания Айви.

— Ты хитрая сволочь, — выкрикивает она громче музыки. — Все эти годы я покрывала твои дерьмовые танцы, а ты, оказывается, знала! — Она грозит кулаком. — Клянусь богом, Долговязая Айви...

— О, прошу, — возражает Айви. — Ты претворялась, что отстойно готовишь, чтобы не принимать участие в подготовке семейных праздников.

Фи фыркает, выглядя чертовски виноватой.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

Айви наклоняется и прищуривает глаза.

— Тебе напомнить о полуночном печенье, Тинк?

Щеки Фи краснеют, и она разглядывает ногти, пока бормочет себе под нос что-то о сестрах-предателях.

— Это — бздик во время ПМС, вот и все. Я пекла только потому, что у меня был жор.

— Значит сейчас, — встречается Грей, решив прервать этот спор до того, как сестры сойдут на кривую дорожку и станут обсуждать свои месячные. — Мы споем дуэтом, Мак.

Айви подпрыгивает.

— Я выберу песню!

Она убегает, а Грей схватывается с места.

— Ни за что, Айви Мак. Мак!

Фи закатывает глаза.

— Она выберет для тебя что-то из репертуара Бьйонсе.

Я сильно смеюсь, представляя, как ребята поют "Drunk in Love".

— Я все сниму.

Достаю телефон и включаю камеру. Но они не поют "Drunk in Love". Все гораздо хуже. Намного. Или возможно даже ужасно.

— О. Мой. Бог. — Глаза Фи расширяются до того, как она разражается смехом.

Грей и Айви решили спеть "You're the One That I Want" из фильма "Бриолин". О, они неплохо знают слова, но местами не попадают в тональность — ну, Грей вообще-то совсем не попадает — но ребята работают на аудиторию, им хлопают и кричат, а также люди снимают все это на телефоны. Очевидно, Грея узнали.

Но это все еще ужасно.

Мы с Фи воем со смеху, пока наши бока не начинают болеть, и мне приходится выпить полбутылки воды, чтобы успокоиться.

— Не могу поверить, что она знала о своем отстойном умении танцевать, — бормочет Фи, наблюдая за ними и все еще улыбаясь.

— Ну, сама подумай, она ведь не слепая, чтобы не знать об этом, — возражаю я. — То есть, ее руки так размахивали... — Я неестественно вздрагиваю, и Фи смеется, как и ожидалось.

— Посмотри на это, — говорит она, ее взгляд устремлен на сцену, а в глазах мерцает веселье. — Ты же говоришь о моей сестре.

— Эй, я тоже люблю ее, как сестру. Это считается?

Фи поворачивается, и ее зеленые глаза ловят меня в плен.

— Только если это не делает из нас брата и сестру.

Я наклоняюсь, пока мои губы не касаются ее.

— Даже и близко нет, Вишенка. — Я ворую у нее быстрый и нежный поцелуй, радуясь тому, что ее дыхание сбивается.

И эта радость лишь увеличивается, когда отстраняюсь, и ее глаза следят за мной немного потрясенно. Я провожу подушечкой пальца вдоль плавного изгиба ее нижней губы. Мой член наливается от жара и потребности.

— Ты собираешься дать мне ответ?

Ее ресницы порхают вниз, и девушка тянется к своему коктейлю.

— Наши отношения сейчас на паузе, верно? — Зеленые глаза обращаются ко мне. — Или это двойное свидание?

— Ага.

Ее губы поджимается, словно Фи пытается сдержать улыбку.

— Ловко.

— Не совсем. — Я наклоняюсь ближе, прижимая свою руку к ее. — Послушай, я знаю, что прошу тебя выйти из своей зоны комфорта...

— Да, насчет этого? — противостоит Фи. — Я о том, часто ли ты выходишь из своей зоны комфорта? Потому что с моей точки зрения кажется, ты ничем не рискуешь.

Мои брови поднимаются.

— Уверен, что следовать за тобой очень даже рискованно. — Она улыбается, качая головой. — Но ты же знаешь, что меня к тебе тянет. — В этих словах слышится намек на любовь. Я откидываюсь назад и наблюдаю за тем, как Грей опускается на колени, пародируя Джона Траволту. Проводя рукой по бороде, я поворачиваюсь обратно к Фи. — Ладно. Как насчет такого? Я ненавижу быть в центре внимания. Если я подниму свою задницу на сцену и спою, ты дашь нам шанс?

Она смеется.

— Ты это серьезно? Подкупаешь меня песнями ради секса?

— Во-первых, я не говорил ни слова о сексе. Я бы никогда не стал скрывать своих намерений на этот счет. — Я усмехаюсь, прикасаясь своим лбом к ее. — Мы можем пойти домой прямо сейчас и трахнуть, Вишенка, если ты так этого хочешь.

Черт, скажи, что хочешь именно этого. Я буду только рад. Я большой мальчик. Часть меня увеличивается в ту секунду, как думаю о сексе с Фионой.

Она настолько краснеет, что я замечаю это даже в тусклом свете клуба.

— Я прошу тебя об отношениях, — говорю я. — Или по крайней мере о том, чтобы испытать судьбу. — Фи смотрит на меня так, словно пытается понять, сумасшедший я или нет.

Я позволяю ей это, откинувшись на спинку кресла и устроившись поудобнее. Ее медленный осмотр вызывает мурашки по коже. Меня снедает безумное желанием притянуть ее к себе на колени и поцеловать в знак согласия, потеряться в этой сладости ее губ. Но я остаюсь неподвижен.

— Ты правда поднимешься туда? — Она кивает в сторону сцены, где Айви и Грей кланяются под аплодисменты толпы.

— И спою, — добавляю я. Мой желудок скручивает от самой идеи устроить шоу перед всеми этими людьми. Это точно не то, что я хотел бы сделать. Но сделаю.

Я игнорирую маленький приступ вины, следующий за злобной улыбкой Фи. Знаю, она ожидает увидеть, как я себя опозорю, и они посмеются надо мной, так же как мы только что смеялись над Айви и Греем.

— До того, как ты ответишь, — произношу я прежде, чем еще больше аплодисментов раздастся для наших друзей. — Я предупреждаю тебя сейчас. Я никогда не буду тебе лгать,

Фиона. Но и сражаться честно не собираюсь.

Ее улыбка становится только шире.

— Снова хочешь меня обыграть, пройдоха?

— Возможно.

Ее рука накрывает мой затылок, и затем девушка быстро и страстно меня целует.

— Сделай это, Декстер.

Глава 12

Фиона

КАПЕЦ, я пропала с этим мужчиной. Он одаряет меня мимолетной озорной улыбкой, пока поднимается с места, выпрямляя свое большое мускулистое тело, обтянутое потертыми джинсами и облегающей серой футболкой. Он даже не представляет, насколько сексуален, и это делает парня еще горячее.

Но Декс отнюдь не дурак. Ему известно, что его смелость привлекает меня. Он ударяет один раз кулаком по столу.

— Да начнется игра, Вишенка.

Грей и Айви как раз возвращаются, их лица покрыты потом и светятся счастьем.

— Мы охуенно непревзойденны, — объявляет Грей, как раз когда Декс уходит.

Мое внимание приковано к тугой заднице Декса. Так сильно хочется последовать за ним и шлепнуть по ней.

Серьезно, эта задница — произведение искусства. Уверена, если когда-то увижу его голым, то непроизвольно загорюсь.

Жар ползет вверх по моим бедрам. Я хочу увидеть его голый зад. Хочу его. Настолько сильно, что готова рискнуть и вступить в опрометчивые отношения на расстоянии?

Грей наконец замечает Декса на сцене.

— Да не может этого быть! — Он смотрит на меня, его глаза округлены. — Он же не станет?...

Мои щеки болят от широкой улыбки.

— Станет.

Айви плюхается рядом со мной и делает большой глоток пива.

— Кто-то должен выйти на улицу и проверить, не летают ли над нами свиньи.

Глаза Грея все еще широко открыты и удивлены, когда он садится рядом с женой.

— Без шуток. Что происходит, Фи-Фи?

— Почему ты смотришь на меня? — Я моргаю, имитируя невинную дурочку.

— Дело точно касается тебя, если говорить о Дексе.

Я не собираюсь подтверждать тот факт, что данное чувство согревает меня. Вместо этого просто наблюдаю за тем, как Декс выбирает песню и говорит несколько слов оператору караоке. Мои нервы воспаляются, натягиваясь как струна. Он же выглядит довольно расслабленно, хотя плечи все же немного напряжены.

Дерьмо. Я заставила его подняться туда.

Ну, не заставила. Это же была его идея.

Чтобы впечатлить тебя.

И я впечатлена. У него больше смелости, чем у меня. Я бы ни за что не стала петь на

публике.

Кошки, оружие в полнолуние, и то лучше поют, чем я.

Я ерзаю на месте, наклоняясь вперед, а затем откидываюсь назад, пока Грей достает свой телефон и готовится снимать, как ад замерзнет, и Декс прыгнет в глубокие воды сумасшествия.

Возможно, мне стоит это остановить?

Декс берет микрофон и поднимается на сцену.

Через аудиторию пробегает волна шушуканья. Они узнали и его.

Дерьмо на палочке. Он возненавидит этот день.

Мои кулаки сжимаются, пока Декс становится в центре сцены, его голова опущена, а микрофон напряженно зажат в руке.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Я почти схватываюсь со стула, желая остановить его, но тут начинается музыка. И я узнаю песню с первых нот. Он выбрал “Gold on the Ceiling” группы The Black Keys.

— Смелый выбор, — бормочет Грей.

Мое сердце так гулко колотится, что едва могу дышать.

Но затем Декс начинает петь. И клянусь, моя челюсть ударяется об пол.

Аналогично, как и у Айви с Греем.

— Святое дерьмо, — говорит Грей до того, как встать на ноги, вскинуть кулаки вверх и громко радостно вскрикнуть. — Декс! — кричит он, прыгая вверх и вниз под звуки музыки.

Потому что Итан Декс взрывает зал, исполняя песню так, словно она на хрен его собственная.

Его глубокий, неистовый голос проносится через мое тело, отчего соски твердеют и ноют. Я тоже вскакиваю с кресла и кричу в знак поддержки, танцуя и подпевая вместе с толпой припев.

А Декс? Он держит микрофон двумя руками, его глаза закрыты, а крепкие ноги расставлены. Одна нога постукивает в такт музыке. Загорелый, бородатый, мускулистый, он невероятно сексуален, и женщины из толпы орут для него.

Но кажется, он даже не замечает этого.

И когда его глаза открываются, парень смотрит прямо на меня. И этот самодовольный улюлюкание усмехается, распевая слова песни, говоря нам, что все в порядке, если мы хотим украсть что-то у него, в его доме нет сигнализации. Но я знаю, что он обращается ко мне. Ожидая моего ответа.

И потому усмехаюсь, раскачиваясь из стороны в сторону и виляя бедрами. До этого я была на бесчисленных вечеринках в сотне клубов и на множестве концертов. У меня были парни и перепихи на одну ночь. Я выросла среди славы. И только теперь я на самом деле понимаю, какой скучной была моя жизнь. Возможно, такова жизнь в целом, вы словно ползете вперед, проваливаетесь в ямки, пока не случится что-то, от чего все вокруг вас сотрясется.

Декс никогда не надоест мне. Ни на грамм. Жизнь никогда не утратит смысл, пока он рядом.

Песня заканчивается, и он кланяется, передает микрофон оператору и спрыгивает со сцены, направляясь прямиком ко мне.

Пот блестит на его лбу, а футболка облегает грудь. Люди похлопывают его по плечам и спине, пытаюсь дать ему пять, включая и Грея, который буквально ликует. Но Декс не

останавливается, его взгляд не отрывается от меня.

Каждая клеточка моего тела свистит, воспаляя мою нервную систему желанием и радостью.

Когда парень подходит на расстояние в пару шагов, я бросаюсь к нему, и он ловит меня в объятия.

Мои ноги оборачиваются вокруг его талии, когда запрыгиваю на него и встречаюсь губами с его ртом.

Накрывая ладонями мою попку, он крепко удерживает меня, скользя языком в мой рот.

Мы оба задыхаемся, когда наконец-то отстраняемся друг от друга.

— Я знала, что ты обыграешь меня, — говорю я напротив его губ.

Он смеется, низко и раскатисто.

— Я никогда не говорил, что отстойно пою, просто мне не нравится внимание. К тому же, Вишенка, я сказал, что не стану бороться честно.

Я прикусываю его нижнюю губу.

— Отвези меня домой и позволь наброситься на тебя, большой мальчик. — Он замирает, и я откидываюсь назад, чтобы взглянуть на него. — Это было избито? — Декс качает головой, словно просыпается ото сна. Его руки крепче сжимают мой зад.

— Я просто не уверен. Это и есть "да" на мой вопрос?

Мои пальцы зарываются в его волосы, которые завязаны в узел на его затылке.

— Я тоже не стану лгать тебе, Итан. Несмотря на мои... эм... смелые выходки, мне также не нравится находиться на виду у окружающих. Мне пришлось слишком часто иметь с этим дело в детстве.

Его взгляд прикован ко мне.

— Я не стану втягивать тебя в центр общественного внимания, Фи. Никогда.

Я киваю, потому что знаю, он защитит меня. Это в его характере. К сожалению, свой характер мне тоже известен.

— И я не знаю, удовлетворят ли меня отношения на расстоянии. — Он открывает рот, собираясь что-то ответить. Но я целую его, не давая ничего сказать. — Но я постараюсь, Итан. Ради тебя.

Его ответ состоит в том, что парень выводит нас из клуба.

Глава 13

Декс

НЕСМОТРЯ НА ТО, что мы покидаем клуб, как можно быстрее, желая оказаться в кровати, где я смогу провести время с Фи, нам все же приходится ехать вместе с Греем и Айви, сидя на заднем сидении просторного внедорожника Айви.

Пока Грей ведет себя крайне активно.

— Чувак, ты был там словно какая-то рок-звезда, — восклицает он, оглядываясь через плечо, пока ведет машину, отчего Айви морщится.

— Тише, Кексик.

Он игнорирует ее просьбу и продолжает.

— Ты никогда не говорил, что можешь так петь! Иисусе, я не знаю, что и думать теперь. Моя любимая знает, что танцует хуже всех, а Декс — словно чертов рок-бог. — За это он

зарабатывает подзатыльник от Айви и закатывание глаз от меня.

— Я не так уж хорош.

Я ощущаю всем телом близость Фи. Она такая теплая и нежная, когда прислоняется к моему плечу, полностью доверяя.

Я собираюсь ее трахнуть. Эта мысль перманентно всплывает в моем разуме. И благодаря ей я все еще не лезу из кожи вон. Мое сердце иступлено колотится, тревожно стуча, а член пульсирует напротив ноги, крича о своей неудержимой потребности. Он хочет оказаться внутри и выскользнуть наружу. Я делаю вдох, игнорируя его требования.

— Это просто имитация.

— Имитация? — спрашивает Фи. Ее лицо обращается к нам и снова отворачивается к окну, пока мы проносимся мимо фонарей.

— Ага. Я могу спеть хорошо, но по сути притворяюсь Дэном Ауэрбахом, используя его стиль и интонацию. — Я пожимаю плечами. Это ведь несложно. Так что я пел немного схоже с солистом группы The Black Keys. Это было весело. — Легко быть кем-то другим на сцене.

Фи смотрит на меня, ее взгляд пронизывает.

— И тем не менее тебе это нравится?

Я невольно начинаю улыбаться, вспоминая мощный прилив энергии и радости, переполнявшей меня и зная, что развеселил ее.

— Ага, — произношу я тихо, — нравится.

И поскольку вдруг ощущаю себя выставленным на обозрение, так как в машине слишком тихо, обращаюсь к Айви:

— Эй, а что случилось с Fiat?

Айви с Греем встретились, когда Грей одолжил ее крошечный розовый Fiat. Ребята много смеялись над этим и устроили Грею еще те деньки, когда он втиснул свой зад в это авто.

Носик Айви морщится, когда она усмехается.

— Он все еще у меня. Не думаю, что когда-то смогу ее продать.

— Лучше не делай этого, — говорит Грей. — Это наша машина любви. — Рядом со мной Фи корчит рожу, суя палец в рот так, словно хочет вызвать рвоту. Я смеюсь и пододвигаюсь к ней ближе, беря ее худенькую руку в свою.

— В любом случае, — говорит Айви, все еще улыбаясь. — Когда родился Лео, я подумала, что стоит завести семейное авто.

— И я сказал ей, что лишусь левого яичка, если мы купим минивен. — Грей корчит рожу.

Айви хлопает по колену.

— А так как я люблю его яйца...

— Ииии мы закончили, — перебивает Фи. Слава богу. Слово "яички" обращает внимание на мои собственные. И прямо сейчас они охренительно болят.

Машина снова погружается в тишину. Грей прибавляет громкости стереосистеме и едет дальше. Так что в результате я остаюсь окутанным темнотой рядом с Фи. Расслабляющие мелодии Flunk струятся вокруг нас, и я сосредотачиваюсь на тихих звуках ее дыхания. Слабый запах девушки становится все сильнее.

Женский шампунь и легкие нотки мускуса — осознаю я, ощущая возбуждение внизу живота.

Я собираюсь ее трахнуть. Вероятно, мне стоит придумать более милую формулировку — заняться с ней любовью или боготворить ее тело своим членом. Что-то в этом духе. Но уверен, что мой первый раз будет по-настоящему жестким и чертовски иступленным. Я просто молюсь о том, чтобы продержаться дольше минуты. Чтобы суметь ее удовлетворить.

Страх от того, что не сумею, сжимает в тиски мою грудь. Я хочу доставить удовольствие Фи. Это больше простого удовлетворения. Я хочу, чтобы она забыла каждого парня, с которым была до меня. Но при том, что я смотрел порно и читал о некоторых техниках, у меня полностью отсутствует опыт, отчего мои шансы падают ниже плинтуса.

Зачем я ждал все это время? Я прекрасно знаю, насколько важна практика. Мне следовало просто перестать переосмысливать все это и сорвать пластырь еще в колледже. Послать к черту бывший опыт и набраться некоторых навыков, занимаясь сексом правильно.

Большой палец Фи едва ощутимо скользит по моей ладони, но кажется, каждый нерв моего тела следит за его прикосновением. Эта крошечная ласка лучшее из всего, что я чувствовал. Я лгну к этому прикосновению, зарываясь носом в ее волосы. Никто на Земле не пахнет так, как Фи. Никто больше не издает этот неповторимый звук, когда дышит. И факт в том, что я рад тому, что не был никогда ни с кем другим близок. Я не хочу касаться никого, кроме нее.

Кончики ее пальцев бродят по внутренней поверхности моей руки. Вверх и вниз. Я чувствую поглаживания, похожие на прикосновение призрака, вдоль основания моего члена. Ощущение ее взгляда заставляет осознать, что я закрыл глаза, мои зубы сжимаются от сильного сдерживаемого желания притянуть ее к своему члену и взять прямо здесь и сейчас.

Выдыхая, я встречаюсь с Фи взглядом. В темноте машины ее огромные глаза блестят. Я медленно вдыхаю, пока грудь не вздымается, растягивая каждую мышцу торса, а затем выдыхаю, напрягая каждый кубик пресса.

Но она все еще поглаживает мое тело, ее прикосновение легки поверх моих бицепсов, задерживаются возле косточки на моем запястье. Иисусе. Она немного сжимает мой указательный палец, но ощущения, словно девушка схватила мой член. Я бормочу под нос, сглатывая громкий стон.

И Фи наблюдает за этим, выглядя увлеченной происходящим. И когда она говорит, ее голос словно чары, околдовывает меня — тихое бормотание, доносящееся лишь до моих ушей, но я чуть не лезу из кожи вон.

— Я не могу перестать к тебе прикасаться, — говорит она.

— Ты слышишь мои жалобы?

Ее губы изгибаются. Но улыбка исчезает так же быстро, как появилась, когда Фи тихо вздыхает.

— Это самая длинная поездка всех времен и народов.

Я не могу сдержаться. Мне нужно к ней прикоснуться. Моя рука скользит вверх по ее бедру. Я знаю, что под этими узкими джинсами ее кожа мягче шелка, нежная и гладкая. Она дрожит под моим прикосновением, и когда накрываю ладонью ее киску, бедра девушки толкаются навстречу моей руке. Я слегка сжимаю в ответ. И ощущаю ее влагу, даже через толстую ткань джинс. Черт возьми.

— У тебя здесь ноет, Вишенка? — шепчу я, наблюдая, как ее глаза тускнеют, а веки с трепетом опускаются.

Маленькие белые зубки прикусывают нижнюю красивую губу, пока она едва заметно кивает.

Моя грудь сжимается. Я сильнее нажимаю на ее пах, и в результате меня ждет награда — ее губы слегка приоткрываются, а брови хмурятся, словно девушка борется с хныканьем.

Она хватается за мое запястье, и думаю, собирается меня оттолкнуть, но вместе этого Фи лишь ускоряет темп моей руки поверх ее джинс.

Я медленно вывожу круг пальцами.

— Я хочу оказаться только здесь, — говорю ей, мой голос, словно призрак во тьме.

Она прислоняется ко мне, открывая губы и касаясь ими моего плеча, задыхаясь и оставляя влагу на моей футболке. Под ее мягким свитером соски девушки затвердевают, и мне так хочется прикусить их, всосать в рот.

Я наклоняюсь ниже, сосредотачиваясь на том, что хочу сделать, когда машина останавливается, разрушая волшебство. Грей включает яркий свет в салоне, открывая свою дверцу. Фи встречается со мной взглядом. Ее щеки румяные.

Мы на месте. И все вот-вот случится.

Фиона

КЛЯНУСЬ, МОЕ СЕРДЦЕ пытается вырваться из груди, когда беру Декса за руку молча поднимаюсь по лестнице, отлично ощущая на себе взгляд сестры и Грея, но игнорируя это. Декс следует за мной, его рука уверенно сжимает мою, а шаг ни на секунду не колеблется.

Правда в том, что, возможно, я и иду первой, но именно он ведет нас, взглядом прожигая мне спину так, что я физически ощущаю его сексуальность и желание. Лишь это двигает мои ноги шаг за шагом. Поднимая все выше и выше.

При этом все мое тело трепещет. Это будет первый раз для Декса. И он оказывает мне эту честь.

Странно, но для меня это очень много значит. Он значит для меня очень много.

Когда я с Дексом, то не волнуюсь о том, достаточно ли я хороша. Вместо этого я прислушиваюсь к своему телу, к его ощущениям, движениям, реакции на Итана. Он вводит меня в состоянии эйфории, с примесью напряженного ожидания. Этот парень — зависимость, и я хочу от него все.

К тому времени, как мы входим в его комнату и закрываем за собой дверь, мои колени подкашиваются.

Я поворачиваюсь к нему лицом, возможно, чтобы убедиться в его намерениях — я не уверена на сей счет — но парень набрасывается на меня. Его рот такой горячий и чувственный, уверенно беря все то, чего он хочет. Мой пульс учащается. Втягивая воздух в легкие, я целую его в ответ, подпрыгивая ему на руки, когда Декс хватается за меня под попку и поднимает выше.

Комната идет кругом, и затем мы уже в кровати Декса, я сижу верхом на его крепких бедрах, а он прислонился к изголовью. Словно лежа на кровати, ему легче умерить себя, замедлиться, осторожно лаская мои плечи и бормоча что-то от удовольствия.

— Мне нравится то, как ты меня целуешь, — говорю я напротив его губ. Мы дышим одним воздухом, прерывисто вздыхая, и он наклоняет голову, щелкая языком по моей нижней губе.

— А мне нравится твой вкус, — бормочет он до того, как неспешно снова пробует меня на вкус.

Дрожь бежит вниз по моему позвоночнику и вверх по ногам.

— Ты целуешься не как девственник, Итан.

Он снова меня целует, немного глубже, прикусывая нижнюю губу. Издавая стон, сжимает мою попку и притягивает ближе.

— И точно не ведешь себя как будто это твой первый раз, — шепчу напряженно я.

— Думаю, я забыл прочитать инструкцию о том, как быть девственником. — Его хриплый голос посылает вибрацию по моей коже. — У меня была куча времени, чтобы подумать о том, что бы я сделал с тобой, будь у меня шанс. Очень яркие, детализированные планы, Вишенка.

Его рука накрывает мой затылок, а поцелуи перемещаются все ниже вдоль моей шеи. Я вздрагиваю в ответ, обнимая его и пододвигаясь чуточку ближе — потому что я фактически не могу притянуть его к себе. Он слишком большой.

Раньше я отшивала больших парней? Моя ошибка. Это тело можно очень долго исследовать. Мои руки скользят по его плечам, мышцам, которые будто бы выточены из камня.

— Сними это. — Я дергаю за его рукав. Мне хочется видеть и чувствовать его горячую кожу.

Декс втягивает в рот чувственную плоть у основания моего горла, а затем отстраняется. Хватая подол футболки, он тянет ее вверх, через голову, одним быстрым движением. Его волосы торчат, падая на лицо, когда парень снова садится и смотрит на меня затуманенным взглядом в тусклом свете лампы.

— Сладко-острые перчики, — говорю я, вздыхая.

Он усмехается, демонстрируя ряд былых зубов на фоне темной бороды.

— Никогда не слышал этого выражения.

Я даже не могу ответить. Слишком занята разглядыванием его торса. Потому что Итан Декстер без рубашки буквально лишает дыхания. Я знала, что он хорошо сложен — это сложно скрыть. Но видеть его во плоти — намного лучше.

Он не тощий или жилистый. Нет. Просто цельно-слепленный, крепкий и мускулистый. Его тело создано для сильных ударов и уверенной стойки. Выносливое. Широкие плечи, словно мини валуны, а грудные мышцы настолько большие, что по размеру могут сравниться с обеденными тарелками. Его живот — настоящая стена с небольшой красивой дорожкой золотистых волос, начинающихся на несколько сантиметров ниже пупка.

Рукава из татуировок покрывают его кожу от запястий до плеч. Изысканная роспись, шириной с мою ладонь, охватывает ключицу парня.

— Здесь обитают драконы, — читаю я вслух. — Ты — дракон?

Уголок его губ приподнимается. Руки Декстера ложатся на мои бедра, стискивая с такой силой, словно хотят сказать мне, что ему не очень комфортно от моего пристального взгляда на его тело, но в любом случае, Итан позволяет мне разглядывать себя.

— Создатели карт использовали эту фразу на границах мест, которые еще не исследовали. Ее можно перевести как неизведанная земля.

Я наклоняюсь ближе, разглядывая тонкие линии рядом с надписью, обозначающие широту и долготу. Карта тянется вдоль его плеча туда, где играют два морских змея.

Пальцем провожу по словам, и Декс вздрагивает, его соски твердеют и...

— Святое дерьмо. — На его левом соске есть пирсинг. — Я не ожидала этого. — Его щеки заливают румянец.

— У меня... гм... очень чувствительная кожа. Татуировки и пирсинг... было до чертиков больно делать. Но боль помогает мне сосредоточиться, когда я слишком... — Его голос становится глубже.

— Возбужден? — предлагаю я, проводя пальцем по его коже, потому что не могу прекратить к нему прикасаться.

— Ага.

— У тебя много татуировок, Итан.

Его глаза прожигают меня.

— Ага.

Для меня почти невыносимо размышлять обо всех тех возбуждении, похоти и потребностях, что он подавлял годами и том, как теперь все эти чувства нацелятся на меня. Я прикасаюсь к маленькой серебряной штанге пирсинга. Декс что-то бормочет, и его бедра вздрагивают. Полуприкрыв веки, он смотрит на меня, приоткрывая губы.

— Тебе нравится? — шепчу я, делая это снова, слегка сильнее дразня сосок.

Его пальцы сжимают мои бедра, а толстая эрекция толкается через ткань джинс.

Опираясь на его плечи, я ласкаю гладкую кожу парня.

— Ты хоть представляешь, насколько офигенно сексуален? — Я оставляю нежный долгий поцелуй на впадинке его горла.

Он напряженно сглатывает.

— Что бы ты сейчас не сказала, я поверю. — Его голос гудит, я снова целую, на этот раз область между его грудными мышцами, двигаясь вниз к так и манящему меня маленькому соску.

Стон покидает его уста, когда я всасываю в рот твердую прохладную штангу, теребя кончик соска языком. Он так напряжен, что его тело дрожит, а пальцы поднимаются и хватают мои плечи, словно парень не может решить, сдерживаться или поддаться.

Это мотивирует меня, подталкивает сжать его напряженную плоть зубами и прикусить, дергая за металл.

— Ох, блядь, Вишенка. — Он практически сбрасывает меня в сторону, дергая бедрами, а его спина выгибается напротив подушек. А я ведь даже еще не добралась до его члена.

А именно этого мне сейчас и хочется. Улыбаясь напротив его кожи, я прокладываю дорожку поцелуев вниз по его животу.

Декс задыхается, и я знаю, что он наблюдает за мной. Я становлюсь на колени и поворачиваюсь так, чтобы ему было лучше видно. Мой язык выскальзывает изо рта, облизывая кружок вокруг его пупка.

— Ты пытаешься меня убить, — произносит он хрипло.

— Лучшим из возможных способов. — Я провожу носом вдоль дорожки волос на его животе, пальцами расстегивая его ширинку. Его джинсы сильно натянуты поверх члена, и молния издает громкий звук, когда я тяну собачку вниз.

Мне нравится то, как Декс резко втягивает воздух, как выделяются кубики его пресса, словно парень боится моего прикосновения, но затем он толкается бедрами вперед, словно хочет сказать "пожалуйста, прошу, двигайся ниже".

Кончик моего языка скользит по упругой коже, по крепким мышцам, виляя и продвигаясь все ниже, пока рукой расстегиваю его джинсы. Меня встречают кудрявые коричневые волоски. И черт, под тканью джинс нет белья.

Так что его член выскальзывает на свободу, вздрагивая и требуя внимания.

— Иисусе, — хрипло шепчу я.

— Что? — Его тихие слова доносятся до меня, и я поднимаю взгляд, замечая румянец на его щеках и удивленное выражение. Сейчас он дышит очень медленно, а пот блестит у него на груди.

— Дай мне мгновение, — говорю я, протягивая руку, чтобы погладить его горячую кожу. Он такой охуенно твердый и пульсирующий. Декс сглатывает, а его член подпрыгивает от моего прикосновения.

Мне приходится глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться. Некоторые девушки не любят члены — или по крайней мере смотреть на них. Но это не про меня. Я люблю каждый кусочек мужской анатомии. И Декс прекрасен — достаточно большой, так что я знаю, мне будет непросто привыкнуть к его размеру, и настолько длинный, что я несомненно почувствую каждый его толчок. От этой мысли мои бедра сжимаются в предвкушении.

Но сейчас не это привлекает мое внимание. Нет.

На его члене имеется пирсинг. Серебряные шарики блестят на основании объемной головки. Один снизу и один сверху. Я никогда не видела пирсинг у парня на члене, но слышана об этом. Знаю, что эти маленькие шарики будут тереться в правильном месте внутри меня.

Большим пальцем я потираю шарик побольше на верхушке головки, и Декс резко вдыхает. Но он не двигается. Ожидает услышать, что же я скажу.

— А этот, — я снова тру его, упиваясь тем, как парень вздрагивает от удовольствия, — должно быть, больно было делать.

— Ты себе даже не представляешь, — говорит он, и его голос срывается.

— Когда? — И почему?

Декс облизывает нижнюю губу.

— После свадьбы. Ты разделась до того милого зеленого лифчика и крошечных трусиков. Моя ходячая заветная мечта. Стоило пойти тогда за тобой.

Тогда я не была готова к нему. Я все еще сходила с ума от вечеринок и с трудом заставляла себя вставать по утрам в универ. Я бы не оценила Итана так, как он того достоин.

Я провожу пальцем по горячей головке, касаясь более маленького шарика из стали. Он ерзает бедрами и испускает шипение, но разрешает мне поиграть с собой.

— Ты мог бы найти кого-то другого, — бормочу я. — Знаешь, сколько бы женщин убили за возможность быть с тобой?

— Думаю, я не хотел никого другого, — шепчет он. — Это должна была быть ты. — Боже, мысль о том, что он так сильно меня хотел, убивает. Вся подавляемая потребность скрывалась за столь спокойным фасадом. Это ужасает меня. И заставляет ухватиться за парня посильнее и никогда не отпускать.

Его серые глаза обрамлены густыми ресницами широко открыты, и их взгляд направлен на мое лицо, пока широкая грудь парня вздымается и опадает с каждым тяжелым вздохом.

— Они на хрен даже подозревают? — Мой голос — тихий шепот.

Декс замирает, мышцы его торса напрягаются, когда он смотрит на меня. Мне не нужно объяснять, о чем говорю, он точно знает, что я имею в виду, и едва заметно качает головой, тогда как его кадык вздрагивает.

Нет. Никто не видит его таким, как я. Потому что он им не позволяет. Его сущность прячется в тени, помогая другим, когда кто-то в этом нуждается, но никогда не прося ничего взамен. До меня.

Я вижу Итана Декстера, он сияет для меня. И я горю сильнее солнца, когда выхожу на его орбиту.

Глубоко вдыхая, чувствую горячий и сухой воздух в легких, и так нуждаюсь в этом парне. Но речь не обо мне. Не прямо сейчас.

Моя рука скользит по его длине, едва касаясь шелковистой кожи. И даже от этого легкого прикосновения все его тело трепещет, выражение лица искажается, словно от мучения и экстаза одновременно.

— Больше не думай, Итан. Покажи мне, как ты хочешь этого. — Я целую округлый кончик его члена, и он вздрагивает напротив моих губ. Декс такой невероятно жаждущий. Мой взгляд прикован к нему. — Мне нужно, чтобы ты мне показал.

Его ноздри расширяются, когда Итан втягивает в себя воздух, а затем тянется ко мне, накрывая большой ладонью мой затылок. Его длинные пальцы зарываются в мои волосы, сжимая их в кулак. Он держит меня достаточно крепко, чтобы я ощутила натяжение волос кожей головы. Черт, я чувствую это между своими бедрами.

Они сжимаются, когда он медленно направляет мою голову к своему члену. И эти серьезные глаза ни на миг не покидают меня. Его голос — тихий рокот.

— Открой. — Боже.

Мои губы раздвигаются, а дыхание тихо вырывается на свободу. Но он не толкается в мой рот.

Нет, Декс, пиздец как, отличается от других, потому что он оборачивает свою вторую руку вокруг толстого основания члена и медленно проводит его кончиком по моей верхней губе.

Прохладный металлический шарик касается контура моей губы, так ярко контрастируя с жаром его плоти, что из глубины моей груди вырывается стон. Не сомневаясь, я открываю рот шире, желая ощутить его своим языком.

Его глаза прожигают меня.

— Оближи его.

И я слушаюсь, дразня, щелкая по крошечной щелочке на его головке.

Его ноздри снова расширяются.

— Еще, Вишенка. Оближи его основательно и неспешно.

— Вот так? — Я провожу языком по ободку головки, облизывая его так, словно он — рожок мороженого.

Итан прикусывает нижнюю губу, и его ресницы трепещут, когда парню с трудом удается кивнуть мне. Так что я повторяю, на этот раз заслужив его стон.

— О, Иисусе, Фи... Возможно... ах... Боже, Вишенка, делай со мной, что хочешь. Я твой. Я весь твой.

Он откидывает голову, вытягиваясь на кровати, при этом забросив одну руку поверх лба и зажав губу между зубами так, будто ему больно. Все это время этот огромный парень смотрит на меня таким полным похоти и потребности взглядом, что кажется почти беспомощным.

Моим.

Целую кончик его члена, я улыбаюсь и затем всасываю его глубоко в рот.

Декс громко бормочет что-то по типу "унф", гортанно стонет и вжимает спину в кровать, почти выскальзывая из моего рта. Но я оборачиваю пальцы вокруг его основания и второй рукой глажу вверх и вниз по бедру парня, успокаивая, пока работаю языком над

областью его пирсинга.

— Ебать, черт, ебать. — Его руки сжимают простынь, стягивая ее с матраса, пока бедра ерзают и вздрагивают.

И я улыбаюсь, держа его член во рту. Скоро.

Изнывающий Итан — это и моя личная пытка. Моя киска такая горячая, бедра дрожат, а соски болят. Я склоняюсь над ним, опираясь на его крепкие бедра. Он такой большой и твердый у меня во рту, что челюсть буквально болит. Но мне без разницы. Я могу делать это каждый день.

Не торопясь, исследую каждый миллиметр его длины, накрывая его тяжелые яйца ладошкой и перекатывая их. О, а ему это нравится.

— Сожми их, — шепчет он так отчаянно.

Когда я слушаюсь, все его тело вздрагивает.

— Фи, Фи, я вот-вот... — Он облизывает губы и опускает на меня взгляд, словно теряет дар речи.

Но я и так все знаю. Я хочу, чтобы он получил впечатляющий оргазм. Сила в его теле движется под моими прикосновениями. Это пьянит. И когда Декс кончает, издавая страдальческий стон и изливаясь в мой рот, я окончательно сдаюсь воздействию его чар.

Глава 14

Декс

ФАНТАЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ — всегда разные вещи. Я фантазировал о Фион Маккензи, сосущей мой член больше раз, чем стоит признавать. Но ни разу не был прав.

Я не хотел вспоминать те смутные разрозненные воспоминания о той единственной другой девушке, которая продемонстрировала мне эту "услугу" много лет назад. Все девушки даже и близко не уровня Фи. Так что я тешился лишь своим воображением.

Но оно оказалось слабаком по сравнению с реальностью, с теплым и влажным ртом Фи; тем, как ее нежные ручки скользили по мне, поглаживая, обнимая так, словно мое удовольствие и потребность были важнее всего.

Это сразило меня. Я хотел упасть к ее ногам и поклясться в своей вечной преданности. Если это сотворил со мной минет, то даже не могу представить, что со мной сделает ее сладостное тело. Я, вероятно, заработаю чертову аневризму или что-то в этом роде.

Я и так задыхаюсь так, словно пробежал тридцать тренировок подряд. Пот покрывает мою кожу, отчего джинсы становятся влажными и облегают бедра. Я хочу их снять. Все снять. Сейчас ничего не должно быть между нами.

Но правда в том, что я — гребанное месиво. Мои руки неуклюжи и дрожат, когда тянусь к Фи, тяну ее вверх по своей груди, чтобы поцеловать. Она охотно пододвигается ко мне, приоткрывая губы и сплетая свой язык с моим. Она на вкус, как я, как она, как мы.

То, что я и она теперь стали мы, вынуждает меня пропустить ее локоны через свои пальцы, крепко хватаясь и удерживая. Теперь мой поцелуй становится напористее. Лишь потребность.

— Ты нужна мне голой. Мне нужно прикоснуться к тебе.

Она кивает, еще раз целует, а затем ерзает, пытаясь дотянуться до подола свитера. Я держу ее слишком близко к себе, но не хочу отпускать. Стягиваю с нее рубашку, затем

откидываюсь назад, чтобы стянуть с себя джинсы.

— Я не хотел кончать, — говорю Фи. Это звучит как обвинение, но на самом деле все не так. Кончать ей в рот. Твою ж мать. Блядство. Она сосала мой член, ее горячий рот втягивал в себя мою длину так, словно это было необходимо ей для выживания. Это подарило мне такое чувство, словно я бог среди мужчин. Потому что Фи выбрала меня. Среди всех вариантов, она захотела меня.

— Ты кончишь снова, — уверяет она, покусывая мою шею. — Я просто сняла сливки. В ответ моя примитивная сторона требует взять ее сейчас и сделать это жестко.

Вот только кажется, я не могу контролировать свои конечности. Черт, мой член снова поднимается. Уверен, он уже твердый и готовый пробыть в таком состоянии хоть несколько дней.

Теперь она смеется, ее голос такой нежный и хриплый. Знаю это, потому что я стянул джинсы, и ткань собралась на моих лодыжках. Фи тянется и высвобождает мои ноги. Сейчас я голый, но она нет. Это нужно исправить.

— Снимай. — Один резкий рывок, и ее обтягивающие маленькие джинсы летят через комнату.

— Вуху, большой парень, — говорит она, снова смеясь, а в ее зеленых глазах танцуют чертики. — Постой секунду.

Я ждал двадцать четыре года. Но тем не менее делаю вдох и успокаиваюсь. Что бы ни хотела Фи, я дам ей это.

Напряжено сглатывая, я сажусь, прижимая кулаки к бедрам так, чтобы не тянуться к ней. Потому что она чудесна, сидит здесь в своем кружевном розовом лифчике и трусиках.

Она наклоняет голову, убирая прядь волос за ухо.

— У меня стоит ВМС.

— Правда? — Мне, вероятно, не следовало произносить это так шокировано и с негативным оттенком, но я был слишком отвлечен, потому даже не подумал. Ее заявление прозвучало так, словно она — девушка, состоящая в постоянных отношениях. А мне ненавистна сама идея того, что у Фи была постоянная связь до меня.

Она бросает на меня взгляд.

— Знаю, это звучит... дико. Но после Айви... — Она прикусывает губу и пожимает плечами. — Я просто хотела быть крайне осторожной.

Я киваю, потому что понимаю ее. Айви и Грей залетели на последнем году обучения.

Они не планировали этого, и затем у Айви случился выкидыш. Это подкосило Грея, и мы с Дрю провели с ним много ночей, играя в видео игры и действительно переживая за парня.

Позже, когда ребята поженились и Айви снова забеременела, Грей был комком нервов, пока беременность не дошла до второго триместра, и он смог наконец-то увидеть фонограмму плода и убедиться в здоровье мальчика, обитающего в матке Айви. Я могу представить, какую боль видела Фи со стороны Айви.

Осторожно кладу руку на ее голое бедро и потираю.

— Хорошо.

Фи опускает свою ладонь поверх моей.

— Я чиста. Сдала тесты после своего последнего парня. У меня есть e-мейл с результатами. — Она поворачивается, собираясь дотянуться до телефона, но я ее останавливаю, прикасаясь к плечу.

— Я тебе верю.

Странно, но она хмурится.

— Ты не должен. Не верь ни одной девушке, которая говорит тебе подобные вещи без подтверждения. Существует столько лжецов и обманщиков, которые охотятся за профессиональными спортсменами. Черт, тебе стоит проверить, чтобы убедиться, что у меня точно есть ВМС...

Я целую ее. Без языка, просто прижимаю свои губы к ее, чтобы остановить этот поток слов.

Она моргает, глядя на меня, когда отстраняюсь.

— Вишенка, это просто ты и я. Так что прекрати, как сумасшедшая, болтать о других девушках. Я доверяю тебе, и меня правда не волнует то, что ты думаешь, будто мне не стоит тебе доверять.

Она сжимает губы, борясь с улыбкой.

— Так трогательно.

— Ага, ну, меня немного раздражает то, что ты представляешь меня с другими девушками.

— Эта мысль меня тоже раздражает, большой парень.

— Хорошо. — Я ласкаю уголок ее губ большим пальцем. — А теперь, давай определимся, ты сказала все это, так как не хочешь использовать презерватив?

Идея странно стягивает мои внутренности. Вынуждает задуматься о близости и исключительном праве наконец-то оказаться внутри Фи.

— Ты усмехаешься, — отмечает она.

— Так и есть. — Я усмехаюсь еще шире, целую впадинку на ее шее.

Фи наклоняет голову, предоставляя мне лучший доступ.

— Пришло твое время, Итан. Ты должен получить полноценный опыт.

Так нежно, как могу, я провожу кончиком языка по ее шее, любя то, как девушка дрожит в ответ. Когда возвращаюсь к ее губам, толкаю язык в ее рот, пробуя на вкус, она стонет, открывая уста шире. Боже, какая же Фи вкусная.

Моя. Вся моя.

Мои пальцы зарываются в ее волосы, с силой сжимая.

— Сейчас я могу получить полноценный опыт?

Она смеется — звук приглушен моими губами — и обнимает меня за шею, притягивая ближе.

— Ты можешь получить все это, Итан.

— Осторожно, Вишенка, я собираюсь взять по максимуму. — При этом, я тяну ее к себе на колени. Щелчок застежки лифчика, и он отлетает в сторону. Я накрываю ладонями ее грудь, припадая губами к одному из торчащих сосков до того, как всасываю его так сильно и глубоко, как только могу. Жадно, я такой жадный по отношению к ней.

Мне нравится то, как она стонет, выпячивая грудь навстречу моему прикосновению. Я хочу больше ее звуков.

Мои зубы сжимаются достаточно сильно, чтобы заставить ее ощутить это, вскрикнуть. Боль и удовольствие.

Мне известно, как, должно быть, прозвучало мое признание, словно я пронзил свое самое болезненное место ради потребности в ней. Но происходящее не было случайным импульсом. Я знал, что в конце концов боль ослабнет, и останется только удовольствие. Это

лишь добавит удовольствия мне и тому, с кем я.

Ага, я представлял Фи. И не важно, что пытался двигаться дальше. В конце концов, мой разум всегда возвращался к Фи. Она — мой номер один, хочу я того или нет. И я, конечно же, хочу. А сейчас она наконец-то есть у меня. И вот так просто вся нервозность, связанная с первым разом, испаряется, как роса на солнце.

Укладывая Фи спиной на кровать, я стягиваю ее трусики. Путешествие маленького клочка кружева по ее ногам, кажется, длится бесконечно. Мучительно.

Фи только смеется, отпихивая белье ногой в сторону. Я никогда не встречал девушку, подобную ей. Она не стесняется, но и не гордится. Хотя и знает, что я до смерти хочу увидеть ее. Это очевидно по тому, как она ложится на спину, забрасывая одну руку за голову, а вторую опуская на мое плечо. По тому, как она смотрит на меня снизу-вверх, словно хочет сказать "я твоя, делай все, что пожелаешь".

Дыхание рывками вырывается через мои губы. Я дрожу словно лист на ветру. Пот покрывает мою кожу, заставляя трепетать еще сильнее. И тем не менее, я такой охренительно твердый, что едва могу дышать.

Я не в силах прекратить гладить ее изгибы, ее кожу, такую гладкую и мягкую, что могу касаться ее вечность. Не в силах прекратить смотреть на ее насыщенно-розовые соски, изящные кремовые груди, которые так идеально ложатся в мою ладонь. На ее узкую талию и выпуклые бедра. Маленький треугольник золотистых кудряшек оттенка плавленого сахара.

Она так прекрасна, столь идеальна, что моя грудь, кажется, может деформироваться от сдавливающего чувства.

Ее пухлые губки изгибаются в улыбке.

— Сейчас я знаю, что даже футболисту-девственнику стоит увидеть свою долю голых женщин.

Она права. Девушки не стесняются рядом с известными спортсменами. Я видел множество из них. Множество форм, размеров, цветов.

— Я не могу так сильно уж отличаться от других, — говорит она.

Моя рука скользит по изгибу ее бедра, к месту, где оно переходит в аппетитную попку.

— Но это так. — Маленькая бороздка пролегает между ее бровей, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее. — Ты моя. И в этом все отличие мира.

Я могу почувствовать ее улыбку. Она накрывает ладонками мой затылок, пробегает пальцами по коже, посылая волну жара по моей спине.

— Возьми меня, Итан.

Неосознанно, я целую ее, глубоко и страстно, словно она нужна мне как следующий вдох. Мягкие губы, теплый и влажный рот. Мой язык проскальзывает к ее, снова и снова, нуждаясь в большем. Я нависаю над ней, размещая бедра между ее ног.

Черт, она намного меньше меня, такая изящная и хрупкая. Я не хочу раздавить ее, но Фи шире разводит бедра, ахая мне в рот, когда делает это, и я просто хочу прижаться к ней, пока каждый дюйм моей кожи не соприкоснется с ее.

Мой член такой твердый, что болит, прижимаясь к скользким складочкам между ее ножек. Не могу сдержаться и толкаюсь бедрами, скользя напротив ее сладкой киски. Но этого недостаточно. Я хочу оказаться внутри нее. Это чистая агрессия, потребность.

Стискивая зубы, переношу свой вес на согнутые в локтях руки и смотрю на Фи.

— Ты в порядке? — Не знаю, спрашиваю ли я ее или себя. Я снова дрожу. Всегда дрожу рядом с этой девушкой. Она могла бы разрезать меня напополам одним словом, взглядом, и

даже не подозревает об этом. Или возможно, подозревает. Ее улыбка нежна, когда Фи убирает мои спутанные влажные волосы от лица.

— Все идеально, Итан.

Я заставляю себя сделать вдох, потом сгибаю ноги, приподымаясь достаточно, чтобы кончик моего члена уперся в ее вход. Так тепло и влажно. Конвульсивно сглатываю, мое сердце угрожает выскочить из груди.

— Фи, — шепчу я, встречаясь с ней взглядом.

Ее рука скользит по моему позвоночнику к заднице и крепко сжимает, уговаривая начать двигаться.

И затем я толкаюсь в нее. Сантиметр за сантиметром.

Стон покидает мои уста, так что кажется, это звук боли, когда на самом деле я в раю. В тугом, влажном, прекрасном раю. Думаю, я всхлипываю. Сам не знаю. Моя единственная мысль — больше. И сейчас же.

Я толкаюсь, растягивая ее. А затем выскользываю обратно.

Святые ебаные черти. Выскользывать из не почти так же приятно. Вот только, мне пиздец, как нужно снова погрузиться в ее киску. Жестче. Глубже. Так что я вколачиваюсь, ведя борьбу за каждый дюйм и любя каждую гребаную секунду происходящего.

Глаза Фи с трепетом закрываются, а ее худенькое тело выгибается подо мной. Она такая хрупкая. И тем не менее, боже, то, как широко девочка разводит ноги, то, как хнычет и задыхается, свидетельствует о ее отчаянном желании, чтобы я взял ее жестче. Мне требуется вся выдержка, чтобы не трахнуть ее, подобно дикому животному. Потому что мне нужно знать наверняка.

— Тебе хорошо? — шепчу я, мой голос хриплый и застревает в горле, когда выдыхаю, опираясь на руки по разные стороны от ее тела, и дрожу.

— Это... очень... — Она напряженно сглатывает, раскачивая бедрами навстречу мне.

Туго, так туго. Скользкие стеночки сжимают меня. Член пульсирует и наливается сильнее, с каждым толчком погружаясь все глубже.

— Тебе нравится быть наполненной моим членом?

— Блядь, да. — Затвердевшие кончики ее сосков касаются моей груди. — Больше, — говорит она. — Еще.

И я даю ей это. Раскачиваясь и скользя в ее идеальную, пульсирующую киску. Пока не достигаю пика. На секунду я полностью замираю, все мое тело натягивается напротив нее. Я закрываю глаза и сжимаю зубы. Дикая дрожь пробегает по моей коже. Мой член так сильно пульсирует, что чувствую мощные волны даже в своей заднице, в бедрах.

Не кончай. На хрен не кончай.

Я делаю вдох, и воздух обжигает легкие.

Но затем она прикасается ко мне, проводя пальцами по моей щеке.

— Итан.

Я встречаюсь с ней взглядом, у нее румяные щеки и покрытый потом лоб. Фи так прекрасна, что я не могу произнести ни звука. Ее большой палец ласкает мою кожу.

— Сейчас, малыш.

Стон вырывается из меня. Я теряюсь, растворяясь в слепой потребности. И это дарит столь прекрасные ощущения, так охуенно приятно, что все мое тело вспыхивает. Не могу сдержаться и опускаю взгляд, наблюдая за тем, как мой как никогда твердый стояк скользит в ее блестящую от влаги сладостную... воронку, внутрь и наружу туго сжатых стеночек.

Этот вид сводит мой разум с катушек, вынуждает толкаться еще жестче, любя ее всем своим телом.

Но все же мне нужно сделать все правильно для нее.

— Скажи мне, что делать, — хрипло выдыхаю напротив ее губ. — Скажи, как доставить тебе удовольствие.

Она прерывисто и быстро дышит, цепляясь руками за мои плечи.

— То, что делаешь сейчас... — Фи немного ерзает подо мной, ее лоб хмурится от концентрации. Так охуенно прекрасна. — Толкнись немного выше, когда будешь снова внутри. Правее... — у нее перехватывает дыхание, когда я делаю, как мне велели. — Да. Вот так. Так, Итан.

И я делаю так снова. Наблюдая за ней. Обожая то, как ее красивое лицо искажается от удовольствия, как она хнычет и умоляет, когда я снова толкаюсь в эту точку внутри нее. И каждый раз, когда я так делаю, металлический пирсинг двигается в головке члена, посылая волну чистейшего удовольствия.

Я трахаю Фи, пока мои яйца не подтягиваются выше от наслаждения такой силы, что спина напрягается.

— Вишенка, я близок. Я не хочу... — Снова толкаюсь и стону. Похоть, словно молния, пронзает меня. — Я не хочу кончать без тебя.

Ее глаза расширяются от шока.

— Всоси мой сосок и трахни меня жестче, Итан. — Иисусе. Я почти кончаю лишь о ее слов.

Задыхаясь, наклоняю шею, находя губами твердый сосок и втягивая его глубоко в рот. Она стонет, извиваясь напротив меня так, словно хочет увернуться. Только при этом хватается за мои волосы и притягивает ближе, будто боится, что могу остановиться. Ни за что.

Я вбиваюсь в нее. Давая своей девочке больше. И забирая больше.

Пока Фи не начинает кричать, а ее худенькое тело не замирает напротив моего. Стеночки ее влагалища крепко сжимают меня, ритмично пульсируя вокруг члена. И я теряю самого себя.

Как же офигенно. Так приятно, что невозможно думать. Ее сосок выскальзывает из моего рта, и я перемещаю лицо к покрытому потом изгибу ее шеи, пока вскрикиваю и толкаюсь в нее, достигая собственного сильнейшего оргазма. Такого сильного, что не помню даже собственного имени.

Только ее.

— Фи.

Глава 15

Фиона

Я ПРОСЫПАЮСЬ ПОЗДНО. Снова. Ладно, я проснулась раньше, но лишь для того чтобы Декс проскользнул в меня и трахнул в очень медленном, почти ленивом темпе. Я была заведена, а он был так близко. Так что нас ничто не смогло остановить. Не пока я не утратила здравый разум, что случается всякий раз, как он погружается в меня.

Из-за его пирсинга? Аллилуйя и хвала его храбрости, я буквально готова надеть на него

за это корону. Ничто, реально ничто на этой зеленой Земле не ощущается так же хорошо, как толстый член Декса с этими шариками, когда парень толкается внутрь и выскальзывает из меня наружу.

Ну, разве что единственная вещь — наблюдать как Итан Декстер кончает. Клянусь, я могла бы получить оргазм просто наблюдая за ним, за тем, как его большое тело поглощает дрожь, как его брови встречаются на переносице, а лицо словно искажается от физической боли. Но по большей части это потому, что он отдается процессу всецело, вколачиваясь в меня так, словно умрет, если остановится, издавая почти отчаянные звуки, что-то между ворчанием и стоном.

И то, что этот большой, сильный, обычно контролирующийся себя мужчина, распадается на части из-за меня, заставляет и меня саму распадаться с каждым разом чуточку сильнее. И я бы хотела, чтобы он остался со мной в кровати. И возможно, даже никогда не уходил.

Но невыносимый Грей начал писать сообщения и затем звать из-за двери огрызающегося на это Декса, чтобы тот поднимал свой зад и собирался.

— Он не отстанет, — пробормотал Декс.

— Это типа своего рода больной на голову матч реванш? — Я плюхаюсь спиной на подушки.

— Парни своего рода мудаки на сей счет. — Он сел, испуская стон.

Так что пока Декс принимал душ и пошел на тренировку, я снова уснула, предавшись удовольствию, известному лишь тем, кто был отлично оттрахан.

Как только я просыпаюсь, то хочу, чтобы он был рядом. Декс ушел часа два назад, и я скучаю по нему со страшной силой, до боли в костях. Мой желудок должен был бы завязываться в узлы от перенесенной нагрузки, но вместо этого он сжимается в предвкушении. Я не могу дождаться, когда услышу голос Итана, увижу все те глубокие взвешенные мысли, мелькающие в его агатовых глазах. Я хочу ощутить его всеобъемлющее тепло, прикоснуться к его телу.

Боже, мои руки вздрагивают от потребности сжаться вокруг его толстого, сильного члена, поиграть с этим серебряным пирсингом и услышать, как он издает те тихие стоны.

Мне приходится сжать ноги вместе, чтобы облегчить ощущение пустоты.

Все это мучает меня лишь после нескольких дней вместе с ним. Я уже зависима. Один раз, и он уже мой самый любимый наркотик. Что же станет со мной, когда придется вернуться в Нью-Йорк?

Звонок телефона отрывает меня от размышлений.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На экране высвечивается имя моей коллеги Алисы. И это настолько странно, что я отвечаю.

— Привет, — ее голос сложно разобрать на фоне громких звуков уличного движения. — Веселишься в Сан-Франциско?

Веселье — не то слово, которое я бы стала использовать. Супер счастливое торнадо похоти? Невероятный опыт удовольствия на всю оставшуюся жизнь?

— Не жалуюсь, — отвечаю просто. И это преуменьшение века. — Что случилось?

Обычно Алиса не звонит мне.

— Феликс пригласил нас всех сегодня на встречу. Сказал, что планирует назвать своего нового помощника-дизайнера в пятницу утром.

Я резко сажусь, моя спина немеет от боли.

— В пятницу? Но я возвращаюсь только в понедельник.

Алиса издает звук, по типу раздраженного вздоха, хотя она слишком милая, чтобы сказать все напрямую. Она уже младший дизайнер, так что ей не о чем беспокоиться. С другой стороны, я, очевидно, вот-вот свалюсь задницей в говно.

— И как давно он планирует обзавестись помощником? — Я почти визжу.

— Вероятно, после того, как Елена в миллионный раз повторила, как было бы здорово ему иметь помощника. Она реально сблизилась с ним на этой неделе. — Алиса — один из нескольких людей в офисе, которые видят истинную суть Елены и в голос ее не одобряют. По крайней мере передо мной. А это в своем роде делает из нас команду.

— Конечно, она сблизилась, — говорю я, моя кровь приливает к груди и лицу. — Я знала, что не должна была уезжать в отпуск. Дерьмо.

— Послушай, в обычной ситуации я бы не сказала подобного, но возможно, ты захочешь подумать о том, чтобы прервать свою короткую передышку. Приезжай сюда и покажи Феликсу, что у тебя есть. Что-то новое и еще не украденное Еленой.

Я уже встаю и бросаюсь в свою комнату так быстро, как только могут меня нести ноги. Отказываюсь оглядываться на постель, с которой только что встала. Но это и неважно. Она преследует меня, словно холодный кулак, постукивающий по позвоночнику.

— Спасибо, что позвонила. — Алиса издает звук отвращения.

— Если маленькая сучка получит повышение, то всем нам здесь не будет жизни. Я с большей охотой простою несколько часов в пробке.

— Я присоединюсь к тебе.

— К тому же это только вопрос времени, когда она начнет копировать еще кого-то, и я не собираюсь стать ее следующей жертвой.

— Вот Алиса, которую я знаю. — Я смеюсь, но невесело. — Будь спокойна, я в пути.

Но внутри меня роится ужасное неприятное чувство относительно того, что сделка уже заключена. Так почему же я тогда исступленно пакую чемодан? Зачем онлайн обналичиваю ценные воздушные мили, чтобы купить билет обратно до Нью-Йорка на сегодня?

С каждым решительным действием моя челюсть сильнее сжимается, а сердце обдаёт холодом.

Ты убегаешь. Ты просто используешь это, как оправдание.

Нет. Мне нужно постоять за свою работу. Я не бегу.

Через тридцать минут, когда я наконец прекращаю суетиться и планировать, сажусь в тихой гостевой комнате, что я когда-то декорировала, и думаю о Дексе.

Я оставлю его, так или иначе. Если не сегодня, то определенно в воскресенье. Несколько дней лишь сделают все хуже. У меня были парни до этого, я знаю, когда вот-вот могу лишиться здравого рассудка из-за мужчины. И знаю, что никогда это чувство не было столь сильным.

Обычно все начиналось с отношений — лучшей для меня части. Влечение — пьянящий поток, головокружительное наслаждение — что-то вроде танцев всю ночь напролет. Вы знаете, что в конце концов ночь закончится. И это всего лишь часть процесса, так что нужно возвести некую защиту, чтобы удержаться от привязанностей.

Вот только с Дексом? Мне не по душе сама идея того, что в конце концов мы перестанем встречаться. Вообще.

Я борюсь с нарастающей паникой. И настолько погрязаю в собственных страхах, что не слышу, когда он входит в комнату.

Свежий аромат геля для душа, его выгоревшие на солнце волосы, влажные и аккуратно зачесанные назад в пучок в стиле самурая. На нем одета темно-синяя футболка с изображением большого зеленого кулака Халка, переламывающего кирпичи в крошку. Я бы ожидала подобного одеяния от Грея.

Готова поспорить, эта вещь сейчас на Дексе лишь потому, что ему ее занял Грей. Декс же скорее большой любящий мишка, который, очевидно, показывает всем окружающим, что любит и ценит их.

Боль нарастает в моем горле. Мне приходится опустить руки на колени и сильно прижать их, чтобы не потянуться к нему.

В его глазах мерцает улыбка. Но когда он явно видит, что что-то не так, то замирает. Мгновенно его взгляд сканирует комнату, словно парень знает, что ему нужно найти возможную угрозу.

Его глаза останавливаются на упакованном чемодане, и между бровей появляется бороздка.

— Ты уезжаешь?

Он, кажется, сомневается, его голос мягче из-за шока, а тело визуально напряжено, словно я дала ему пощечину. Я сделала это с ним. И ненавижу себя за это.

Разговор дается мне сложнее, чем ожидала.

— Чрезвычайные дела на работе. — Линия между его бровей становится глубже, и он опускает руки над коленями, становясь в позицию, что футболисты занимают на поле. Его кулаки сжимаются достаточно крепко, чтобы костяшки побелели, и кажется, будто он сдерживается, чтобы не схватить мой чемодан и не забросить его обратно в гардеробную.

Я хочу сделать то же самое. Но отбрасываю это желание и вместо этого бегу, словно трус.

Наши взгляды встречаются. У него уже есть такая власть надо мной. Один взгляд, и я хочу броситься в его объятия, умолять трахнуть меня, заставить забыть обо всем и всех. Это было бы так просто. Я знаю, что он сделал бы это.

Его тихий голос заполняет расстояние между нами.

— Правда, почему ты уезжаешь? — Я так очевидна? Наверное, так.

— Я... Дерьмо. — Встаю и делаю глубокий вдох, а затем выдох. — Я думаю, мы совершили ошибку. — Мой голос слишком громкий и отчаянный.

— Почему? — Его вопрос очевиден, словно ненароком сорвался с уст. — Это было хорошо. Знаю, это было лучше, чем просто хорошо...

— О, боже. — Я поднимаю руки, чтобы остановить его слова. — Все не так. Итан... — Провожу рукой по волосам. Я такая липкая, моя кожа покрыта потом. — Это было слишком замечательно.

Он делает шаг вперед, его голова наклоняется, пока парень глядит на меня.

— Я не уверен, что понимаю, почему что-то слишком хорошее может оказаться ошибкой.

— Потому что я буду хотеть, чтобы мои коленки подгибались этим ебучим фантастическим образом каждый божий день. — На это его губы изгибаются, а блеск вспыхивает в глазах, так что я борюсь с улыбкой. — Я в некотором роде эгоистична.

Еще один шаг, и он почти на расстоянии вытянутой руки, но не двигается дальше.

— Все еще не вижу проблемы, Вишенка. — Его голос становится мрачным. — Я бы отдал тебе каждый день. Несколько раз в день, если это имеет значение. — Он медленно

подходит ближе, словно боится, что я могу сбежать. Я хочу. Потому вместо этого прижимаю ладони к его большой груди. В тот миг, как касаюсь его, все мои интимные местечки сжимаются и наливаются жаром. Но я удерживаю его взгляд, не позволяя Дексу наклониться и поцеловать меня.

— В этом-то и проблема, большой парень. Ты не можешь. Ты не будешь там, где я. А я... — Мягкие губы Декса касаются моих, забирая у меня дыхание.

— А я... — повторяю снова. — Я так сильно буду по этому скучать.

Снова он целует меня, медленно, нежно теребя мои губы своими. Ласково и соблазнительно. Несмотря на все свои решения, я накрываю его щеки ладонями, поглаживая бороду. Его большая теплая рука ложится на мой затылок, удерживая на месте, пока парень дарит мне еще один поцелуй. Без языка, просто уста к уста, дыхание одним воздухом. Но этого достаточно, чтобы позволить мне прочувствовать все.

— Я целую тебя, — шепчет он напротив моего рта, — и уже скучаю.

Неровное дыхание слетает с моих уст, когда отстраняюсь от него. Но он не отпускает меня далеко. Сжимает ладонями щеки и соприкасается своим лбом с моим. Из-за столь высокого роста парня, кажется, будто он защищает меня, его широкие плечи горбятся, а крепкие руки обнимают.

С другим мужчиной это могло бы показаться пугающим. Но рядом с Дексом я просто чувствую себя в безопасности.

Отчего все происходящее становится еще сложнее.

— Вот, в чем дело. Я ненавижу, когда меня покидают, Итан. Ненавидела, когда папа сделал это. Я ненавидела это, когда мама решила жить в другой стране. Ненавижу идею этого сейчас. Я пыталась сказать тебе это раньше. Но ты... ты, такой сексуальный, милый, сильный и красивый... Боже, я бормочу. Ты заставляешь меня бормотать, Итан. Ни один парень не делал со мной подобного. Как я могла устоять перед тобой?

— Ты и не должна была. — В уголках его глаз появляются морщинки, но не кажется, будто ему весело, скорее больно. Возможно, он чувствует ту же боль, что и я.

— Прошлая ночь, — говорю я, — была... Я никогда не чувствовала такого. Это был не просто секс, хотя... Черт, Итан Декстер, ты перевернул мой мир. — Мои пальцы сжимают его подбородок. — Знаю, я сказала, что попытаюсь, но... Дерьмо... Теперь я знаю, не быть рядом с тобой постоянно медленно убьет меня.

— Но я с тобой, — хрипит он, словно сейчас я убиваю его. — У тебя на хрен есть весь я.

Его слова разрывают мое сердце. У нас было всего несколько дней вместе. И он знает, так же как и я, что эта связь изменила нас. Но я боюсь согнуться так сильно, что сломаюсь. Мое горло сжимается сильнее.

— В этом-то и дело. У меня нет тебя. Я никогда не получу тебя на постоянно.

Его тело дергается, и я хватаюсь сильнее, опасаясь, что Декс меня оттолкнет.

— Итан, я не могу изменить твой мир. Футбол — часть тебя самого. Отняв эту часть, я заберу существенную часть твоей сущности. Но это не изменит тот факт, что если сейчас я не отступлю, то пожалею об этом.

Он делает шаг назад, суя кулаки в карманы джинс. Огромные мышцы его плеч и рук напрягаются. Выражение лица становится жестким, как камень, но Декс никогда не был хорош в сокрытии эмоции, так что его глаза отражают все. Возможно, он не хотел бы этого. Но я вижу в них столько боли. И злости.

— Я никогда не хотел стать для тебя сожалением, Фиона. — Его кадык дергается, когда

парень сглатывает и отводит взгляд, поворачиваясь ко мне боком. — Я не желаю позволять тебе уезжать. Но если ты этого хочешь, я буду уважать твое решение.

Ебаная зрелость. Я не чувствую себя взрослой. Я — глупый ребенок, который все время делает неверный выбор. Это один из них? Я пытаюсь поступить правильно и знаю, что обычный человек послал бы осторожность к черту и отправил бы на хуй все последствия. Но обычно это заводило меня на неправильную дорожку.

Так что нужно принять разумное решение. Закончить все до того, как превращусь в девушку-пиявку.

Прерывистый выдох срывается с моих уст.

— Я...

Он поднимает руку, все еще не глядя на меня.

— Я не могу. Что бы ты ни хотела сейчас сказать... — Он движется так быстро, как я никогда не видела.

До того, как успеваю моргнуть, Декстер рядом со мной, его руки сжимают мои волосы, а губы соприкасаются с моими губами. Его захват и прикосновение грубые. Он берет меня, открывая губы своими губами, толкая язык глубоко в мой рот.

Мои колени подкашиваются снова, пока парень целует меня, с любовью трахая мой рот. Я даже не могу схватиться за него, моя голова слишком кружится от ощущений, пока он просто берет, что хочет.

Когда воздух в легких заканчивается, его губы покидают мои. Декс прижимается лбом к моей разгоряченной щеке. Кончики его больших пальцев скользят по моей коже. И когда он начинает говорить, его голос хриплый настолько, что я почти не узнаю его.

— Прощай, Фиона Маккензи. Ты тоже перевернула мой мир. — И затем он уходит, выходя из комнаты, не оборачиваясь и не видя, как я падаю.

Глава 16

Декс

ОБЫЧНО Я БЕГАЮ вверх и вниз по ступеням стадиона, или таскаю большой вес в время эстафеты — зверские тренировки, разработанные для развития моей силы и моральной выдержки, или увеличения скорости на коротких дистанциях. Пробежка по плоской дорожке — скорее роскошь, чем тренировка. Бегая так, я могу разглядывать пейзаж, подышать столь необходимым свежим воздухом.

К сожалению, я не так же быстр, как Грей, и маленький говнюк быстро нагоняет меня. Как он меня отыскал — это что-то из волшебства Гудини, так как я уверен, что, блядь, не говорил ему, куда собираюсь.

— Привет, — произносит он, поравнявшись со мной.

Думаю, я хрюкаю в ответ. У меня нет настроения болтать.

— Предполагаю, ты в курсе, что Фи уехала, — говорит он осторожно.

Я бросаю взгляд на него до того, как снова посмотреть перед собой.

— Говори уже, что собираешься сказать, Грейсон, и проваливай.

— Ты хоть знаешь, как долго я ждал разговора по душам с тобой? Дерьмо, Дрю будет так завидовать мне.

Рад, что моя боль — столь значимое событие.

Он, должно быть, понимает это по выражению моего лица, потому что морщится.

— Извини. Я отстойный в этом плане. Я — не ты.

— Ага, обычно я начинаю наводящие на размышления разговоры, затем отхожу от темы и позволяю тебе поразмышлять над вопросом наедине. — Я киваю на тропу за нашими спинами. — Не стесняйся сразу перейти к последней части.

— Хорошая попытка, Большой Ди.

Сбоку от нас мост Золотые Ворота возвышается в туманной дымке. Красиво. Почти умиротворяюще. Вот только Грей не даст мне насладиться покоем.

— Ты просто так отпускаешь ее?

В течение мгновения мне правда очень хочется ему врезать. Разве он думает, что меня не убивает вид уходящей Фионы? Я втягиваю воздух в легкие, пытаюсь успокоиться. Тише. Я всегда спокоен.

— Она предоставила аргумент, на который у меня не оказалось контраргумента.

Если не брошу свою работу, то иначе никак не могу решить проблему непрерывного пребывания с Фи.

Тупая боль в моей груди вынуждает опустить руки. Все, что могу сделать — это бежать, слушая звук своих ног, ударяющихся о тротуар, резкие вздохи и выдохи.

— Чувак, — наконец произносит Грей. — Мне жаль. Думал, она поведет себя с тобой иначе. Что не станет кидать...

— Грейсон, — перебиваю я, потому что правда не могу справиться с жалостью прямо сейчас. — Не о чем сожалеть. Ты может и отец, но не мой и не Фи. Я знал, что рискую.

Ему удастся сохранить молчание в течение нескольких секунд, но Грей — болтун, неспособный слишком долго держать рот на замке.

— И все же, — бормочет он, — охеренный отстой.

Я не могу не согласиться.

Он бросает на меня косой взгляд.

— Так что ты собираешься с этим делать? — Он знает меня слишком хорошо.

Я стараюсь не выказывать эмоции.

— Все, что смогу. Оцени защиту, найди другой угол зрения. — Потому что я помню вкус Фионы и не могу отпустить ее без борьбы.

К сожалению, пока вдохновение меня не посетило, мне приходится отступить, дать ей пространство или рискнуть и вести себя как сталкер, что не должен делать ни один парень в здравом уме.

Грей толкает мою руку локтем.

— Эй. Кто последним добежит до Пристани Рыбака — покупает завтрак.

Маленький уебок. Мы оба хороши в коротких забегах. Но Грей лучше на длинной дистанции. Так что я делаю то, что сделал бы любой уважающий себя соперник. Я толкаю его в траву и мчусь.

Фиона

АЭРОПОРТЫ — ПОЛНЫЙ ОТСТОЙ. Как только я вхожу внутрь, то напрягаюсь. Кто-то всегда наблюдает за вами со стороны. К вам относятся как к скоту. Раздражающему скоту. И все, что вам приходится ожидать в ответ — тесные помещения и дорогая хреновая еда в пластиковых контейнерах.

Ага-угу.

Мои глаза затуманены, а горло болит. Возможно, я чем-то заболела. Потому что мне правда сложно дышать.

И так я себя чувствую с тех пор, как покинула дом Айви. Айви, которая глядела на меня с таким разочарованием, что я почувствовала себя более уныло, чем дерьмо на ботинке. Грей даже не потрудился взглянуть на меня. Он полностью закрылся в себе и пробормотал что-то о том, что пойдет на пробежку. Билетный агент информирует меня, что мое место в последнем ряду самолета.

Еще один бонус: все пассажиры будут стоять и ждать возможности сходить в туалет

прямо рядом со мной, толкаясь своими задницами мне в лицо.

"Если бы ты не была такой трусихой, то все еще лежала бы в постели с Дексом". Что сейчас официально можно назвать лучшим местом во всем мире.

Я говорю себе заткнуться.

Посадочный талон в моей руке, я поворачиваюсь, таща свой чемодан на колесах за собой, и чуть не врезаюсь в целующуюся парочку.

Ебушки-воробушки.

Они не останавливаются. Целуются не в противном, слюнявом смысле, а в... черт, романтическом, "ты мой воздух" смысле. Парень осторожно сжимает щеки девушки, пока наклоняет голову и углубляет поцелуй. Она хватается за его спину, будто никогда не позволит ему уйти.

И вот я гляжу на них, словно извращенка. Я не могу себя сдержать. Теперь я знаю, как ощущаются подобные поцелуи. Пожирательный огонь, то, как все ваше тело льнет к телу любимого с потребностью раствориться в его плоти и костях, стать его частичкой.

Боль в горле нарастает, отдаваясь напряжением в груди. Я гляжу на пару и в слепую двигаюсь к линии прохождения транспортной безопасности.

Но это не помогает. Не могу остановить свои размышления. Или боль.

Словно зомби, я бреду к воротам на посадку. Словно зомби, сажусь в самолет, отыскивая свое место.

Особенно учитывая то, что еще одна пара садится передо мной — парень помогает девушке положить сумку на полку до того, как целует ее в щеку. И на этом я разваливаюсь.

Сдерживая всхлипы, нащупываю сумку и отыскиваю телефон.

Дважды неверно набираю номер, мои пальцы сильно дрожат. Как же глупо. Я была такой глупой. Мысль, что я разрушила все, крепко сжимает мою грудину. Вокруг меня пассажиры занимают свои места, ребенок ноет, умоляя дать ему Чиритос.

А телефон продолжает звонить. Доносится хриплый голос Декса из автоответчика. Приходится зажмурить глаза. Лишь от звука его голоса меня пронимает дрожь. Но это ведь хреново, что меня перебросило на голосовую почту? Он избегает моего звонка? Я бы не стала его винить за это.

Ненавижу оставлять сообщения. Но часть меня подсказывает сказать, что хочу и затем положить трубку, не рискуя услышать от него, что с нами покончено.

Пожалуйста, не заканчивай со мной.

— Привет, это я. Фи. Дерьмо, вышло в рифму (на англ. звучит как "ми" — "Фи"). Я ненавижу ненамеренно говорить в рифму. То есть когда не собираюсь рифмовать, а оно само выходит, понимаешь?

"Заткнись, Фи".

Я делаю вдох, моя ладонь скользит по чехлу телефона.

— Я... ах... Здесь была целующаяся пара. В очереди за билетами. Не знаю, оставляли ли они друг друга и встретятся ли снова. Но у них была такая сильная связь, понимаешь? И это поразило меня. Я никогда не поцелую тебя снова. Никогда не почувствую, как ты держишь меня в своих объятиях. И...

Дерьмо, я готова разреветься. Моя рука так сильно прижимается к глазам, что те болят. Я напряженно сглатываю.

— Это больно, Итан. Слишком больно. Как так получилось? Как так получилось, что ты уже ощущаешься, словно часть меня? Но думаю, это так, потому что мысль о том, чтобы не быть с тобой снова... Блядь. Я бормочу. Снова. Но, Итан...

Из динамика звучит предупреждение о том, что нужно заканчивать сообщение.

Я сутулюсь, поворачивая тело к иллюминатору.

— Итан, забудь, что я сказала, ладно? Мне жаль. Я была трусихой. Я хочу тебя. Только тебя. И плевать на все остальное. Пожалуйста, скажи, что еще не слишком поздно. Что я не проебала нас еще до того, как все по-настоящему началось.

— Мисс? — Стюардесса нависает надо мной. — Вы должны выключить телефон сейчас.

Я смотрю на нее со слезами в глазах и поднимаю руку.

— Я должна идти, — говорю в телефон. — Буду сегодня вечером в Нью-Йорке. Мне... просто... мне жаль, ладно? Перезвонишь мне? — Я облизываю пересохшие губы. — Тогда ладно. Пока.

Заканчиваю звонок и, откидываясь на сидение, смотрю из иллюминатора. Надеюсь, что он все еще тоже хочет меня.

Декс

Я НЕ ВИЖУ ожидающего меня сообщения, пока не выхожу из душа, обернув чистое полотенца вокруг мокрой головы. Не знаю, как долго я стою так, с телефоном в руке, обдумывая, хочу ли услышать, что Фиона сказала мне, сейчас или попозже.

В комнате прохладно, и мурашки покрывают мою голую кожу. Мне следует одеться и спуститься на ужин с Айви и Греем. Но я бы предпочел не говорить ни с ними, ни с кем-то другим. Просто хочу вернуть свой зад в пустой дом в Новый Орлеан и рисовать, пока перед глазами не станет все плыть.

Но Фи позвонила мне. А это значит, что я должен прослушать сообщение, никогда не стану ее игнорировать.

Мое сердце сильно ударяется о ребра, когда нажимаю на кнопку проигрывателя и подношу телефон к уху. Ее немного хриплый, приятный голос — словно пинок в живот. Боже, я скучаю по ней.

Затем я слушаю, внимательно. И медленно опускаюсь на пол. Мои губы несмело растягивает улыбка, когда прислоняюсь головой к краю кровати.

Я снова и снова слушаю ее запутанное сообщение. Хочу ее так сильно, что мышцы напрягаются от потребности двигаться. Тихий смех срывается с моих уст. Я не могу его сдержать.

Я счастлив. По-настоящему. У меня все еще нет ни малейшего представления, как нам двигаться дальше. Но одно я знаю: У меня есть шанс быть с Фионой Маккензи. ЗАЩИТИТЕ этот шанс теперь становится моей задачей номер один.

Фиона

— ПРИВЕТ. Я ПОЛУЧИЛ твое сообщение. — Даже несмотря на то, что слышу голос Декса по телефону, он проникает в мое сердце и согревает все естество.

— Да? — Это все, что могу сказать, потому что очень нервничаю. Я. Нервничаю из-за парня. Футбольного игрока. Следующий шаг — купить его джерси. Хотя, на самом деле, мне, вероятно, стоит оказать Дексу немного поддержки.

— Ага, — говорит он в ответ тихо.

Я прислоняюсь головой к стенке кабинки и просто улыбаюсь.

— Итак... У нас все в норме?

— Вишенка, позволь мне быть с тобой. И я в деле. Я хочу тебя. Всегда хотел. — Его голос становится глубже. — Ты позволишь мне быть с тобой?

Иисусе. Я сильнее скрещиваю ноги, так как жар пульсирует между ними.

— Я уже твоя.

— Это была лишь дегустация. — Слова рокочут в моем ухе, все исходящие из них потребность и нетерпение вынуждают меня задыхаться и дрожать. — Я хочу большего.

— Итан. Ты меня убиваешь.

Он ругается себе под нос, и я слышу его вздох.

— Я убиваю самого себя. Знаю, все не идеально. Просто... — Он явно пытается подобрать подходящие слова. — Ты можешь просто довериться мне? Поверить, что я найду способ нам быть вместе?

Моя рука прижимает телефон к щеке — никудышный заменитель его прикосновений. Но это все, что у меня есть.

— Я могу это сделать.

Снова он вздыхает. На этот раз, кажется, с облегчением.

— Спасибо. Послушай, я тут... Я... — Он останавливается на полуслове. И словно я могу услышать его мысли через телефон, меня не удивляет свет в его тоне, когда Декс произносит следующее: — Нашел твои трусики под своей кроватью, Вишенка.

Я давлюсь смехом.

— Боже. Отдай их Айви, и она отошлет их мне по почте.

Он фыркает от неверия.

— Ты хочешь, чтобы я отдал твоё бельё твоей сестре? Черт, нет.

— Декс! Это Мула.

Это дорогое бельё Айви подарила мне на день рождения, так как знала, что я всегда покупаю бельё этой фирмы, когда бываю в гостях у мамы в Лондоне.

— Понятия не имею, что такое Мула, дорогая, но они скоро будут обернуты вокруг моего члена. Если я не смогу добраться до тебя, то трахну твои трусики. — На этом большой ублюдок кладет трубку. И я просто знаю, что сейчас он улыбается.

БойсяБороды: Предполагаю, ты думаешь, что отправив мне фото, на которой на тебе надета верхняя часть этого комплекта и больше ничего, заставишь меня сдать. Ты права. Моя рука устала, но твои любимые Myla сейчас в отличных отношениях с моим членом.

ВишневаяБомба: Не знаю, стоит ли мне беспокоиться или возбудиться. Наверное, по немного от обоих чувств.

БойсяБороды: Больше никаких фото, Вишенка. Я и так уже на грани развития тендинита локтя (*заболевание, одной из причин которого может быть постоянная физическая нагрузка, связанная с многократным повторением одних и тех же движений*)

ВишневаяБомба: Запомни: отдых, лед, сжать, поднять.

БойсяБороды: Ты своеобразное зло, знаешь об этом?

ВишневаяБомба: Я — воплощение сладости. И кажется, было бы справедливым отправить мне фото сексуального мужчины в ответ.

БойсяБороды: Ну, нет.

ВишневаяБомба: ИТАН!

ВишневаяБомба: ДАВАЙ ЖЕ! ДАВАЙ! ДАЙ МНЕ ФОТО!

ВишневаяБомба: Фото, на котором ты просто глядишь в камеру — не катит.

БойсяБороды: Мечь она такая сука, дорогая.

ВишневаяБомба: Я запомню это до того момента, когда буду без белья прямо перед тобой.

БойсяБороды: Черт.

Глава 18

Фиона

ВОЗВРАЩЕНИЕ К РАБОТЕ — полный отстой. Осознание дает мне достаточную сильную пощечину, чтобы вынудить притормозить. Я реально ненавижу то, что вхожу в этот офис. Мне не следует. Это прекрасное место — светлый, изящный лофт, все ярко-белого цвета. Белый цвет расслабляет и позволяет нам увидеть простые цвета в своем чистом виде.

Здесь царит энергетика, словно каждый человек невероятно благодарен судьбе за то,

что стал частью этого места. Все буквально источает предвкушение. Каждый, но, очевидно, не я. Мои ноги шаркают об пол, выражая свой протест, а уродливое чувство поселилось внутри живота.

Кажется, никто особо не удивлен увидеть меня. Несколько человек сочувственно кивают в моем направлении, когда бреду к столу.

— Блестяще, — бормочу я себе под нос. Я могу справиться со многим, но жалость словно выжигает изнутри. Мой стол расположен перед огромным окном в стиле Паладиум, вытянутым от пола и на метра три вверх. Снаружи поток машин движется по улице, словно бурная река, люди мечутся туда-сюда. Я хочу быть там с ними.

Но вместо этого включаю компьютер, и именно в этот момент появляется Елена. Честно, для того, кто доставил мне столько неприятностей, она должна была бы выглядеть соответственно. Я не знаю, может с черно-белыми волосами и длинными красными ногтями, или что-то в таком же духе. Я бы почувствовала себя намного лучше, если бы она мучилась от ненормального желания заполучить пальто из щенков далматинцев.

Но несмотря на все мои желания, женщина выглядит... нормально. Темно-русые волосы, курносый нос, средний рост. Она выглядит как девушка, с которой вы могли бы стать лучшими подругами, счастливыми, немного легкомысленными, но близкими.

Отличная маскировка.

Мне очень хочется спросить у нее, может она Кайзер Созе (*главный злодей фильма "Подозрительные лица"*). Но сомневаюсь, что она поймет, о чем я.

Елена однажды сказала группе сотрудников, что она готова смотреть фильмы только на свидании, и затем добавила, что ни за что не пойдет на свидание с мужчиной, который считает допустимым провести его в кино.

Опять же, через неделю, когда Феликс упомянул свое сильное увлечение всем, что связано с Локи, Елена стала тараторить о фильме "Мстители" и том, кто из них круче.

Я отдала свой голос за Халка. Они могут смотреть на меня, как на сумасшедшую, если им так угодно. Но блин, когда Брюс Баннер теряет контроль и охренительно ревет? Мои соски напрягаются.

Почему-то это напоминает мне о Дексе. А я не хочу думать о нем, когда Елена присаживается на мой стол. Он — мое счастье. Она — нет.

— Что я могу сделать для тебя, Елена?

От меня не ускользает то, как она наклоняет голову, чтобы заглянуть на экран моего компьютера. Не знаю, что она ожидает там увидеть, потому что я проделываю большую часть работы в альбомах в виде эскизов.

Женщина ослепительно мне улыбается. Такая непринужденная дружелюбная улыбка, запудривающая мозги и заставляющая меня гадать, может я приукрашиваю ее гадкую сущность.

— Только что пришла?

Это она так решила по сумке на моем столе и чашке кофе из кофейни?

— Ага. Только пришла. — Я поняла по смыслу, что она постоянно вкладывает в свои слова. Никак не могу решить, она делает вид, что тупая или и правда такая. Сложно сказать.

— Послушай, Фиона... — Она опускает свою теплую, немного влажную руку поверх моей. — Я знаю, что кое-что пошло между нами не так, как должно. И я правда сожалею об этом. — Немного напряжения покидает мои плечи. Но она продолжает говорить. — Знаю, для тебя сложно принять то, что наши вкусы похожи, но Феликс все еще на моей стороне. На

твоём месте я бы тоже была расстроена.

Верно. Вот Елена, которую я знаю. Мои глаза прищуриваются, когда она наклоняется ближе.

— Возможно, мы могли бы поработать вместе.

Я резко встаю на ноги.

— Мы уже это делаем.

— Ты же знаешь, о чем я, глупенькая. Возможно, мы могли бы посотрудничать по проекту.

Моя улыбка причиняет боль, так сильно я сжимаю губы вместе. Когда мне удается заговорить, то слова вылетают сквозь стиснутые зубы.

— Если мы когда-нибудь и будем сотрудничать, то нам придется разделить один разум на двоих.

Она хмурится, следуя за мной в конференц-зал на утреннюю летучку.

Том, Алиса и Натан уже сидят за безупречно чистым стеклянным столом. Не знаю, почему на нем не остаются следы от пальцев или кружек кофе, но это так, этот стол словно ждет нашего босса.

Феликс приходит через мгновение с крошечной чашечкой эспрессо в руках и в золотистых солнцезащитных очках Прада.

— Кто-нибудь, пожалуйста, скажите мне, чьей идеей было покрасить весь этот офис в белый цвет. Он охрененно ослепляет.

— Это была ваша идея, — невозмутимо произносит Натан. — Похмелье, о наш бесстрашный вождь? — К счастью Натана, он — один из лучших дизайнеров Феликса. И знает об этом. Феликс смотрит на него, но не отвечает.

Очень осторожно он ставит чашку и садится на свое кресло, складывая одну ногу на вторую. Одетый как кинозвезда итальянского фильма 50-х годов, его чернильно-черные волосы безупречно зачесаны и блестят, так что в целом его образ кажется родом из другой эры. Через дымку серых очков его темные глаза встречаются с моими.

— Ну, привет, Фиона. Не ожидал, что ты так скоро вернешься.

— О, знаете ли, Сан-Франциско не может сравниться с Нью-Йорком. — Хреновая попытка. Пиздец, какая хреновая.

Его выражение говорит о том же, и я сражаюсь с желанием пресмыкаться перед этим мужчиной. К счастью, он быстро переключается.

— Итак, что будем делать с проектом Мойер? — Натан откидывается на спинку, выглядя скучающим. — Мисс Мойер решила, что хочет, чтобы ее спальня была в яблочно-красном цвете. Вся комната.

— Тогда пусть она притащит свой зад в "Home Depot" и выкрасит ее сама. — Феликс вздыхает и сжимает переносицу. — Что ты сказал ей?

— Что в глянцево-красном цвете комната будет более впечатляющей, и все ее друзья признают это.

Сопение Феликса свидетельствует о том, что он доволен. Его голова поворачивается в моем направлении. Или Еленином. Не могу быть уверена, так как она как всегда вертится рядом со мной.

— Миссис Пейтон решила, что синие занавески из шелка напоминают ей о ее первом муже, Клайде. Она развелась с ним после того, как застучала его трахающим сексуального младшего администратора, Джордана. Так что занавески не подойдут.

— Вперед, Клайд, — бормочет Натан, непристойно щелкая языком.

Феликс морщит нос.

— Так как я видел Клайда, то отдаю свою симпатию Джордану. Елена, что ты предложишь?

— Насчет Клайда и Джордана? — пищит она.

Мне удастся не скривиться. Феликс просто фыркает, словно его это раздражает.

— Насчет занавесок.

Проверочка. Феликсу нравится бросать в нас такими маленькими вопросиками. Рот Елены открывается, ее взгляд мечется вокруг стола: словно один из нас даст ей ответ и спасет от неминуемого.

Из всех проверок, эта — не сложная. Вся остальная цветовая схема гостиной миссис Пейтон ясна: глянцевые насыщенно молочного цвета стены, низкая эбеновая мебель с обивкой золотым мохером и темно-синим атласом.

Тишина затягивается, так что Елена начинает бормотать.

— Гм, ну...

Феликс вздыхает и поворачивается ко мне.

— Фиона? Есть мысли?

Мой разум включается, и я стучу ручкой по альбому с набросками. Это мой шанс продвинуться вперед и напомнить Феликсу о том, что умею.

— Думаю, подойдет ткань с узором-сеткой в стиле Джона Алдера, который вам так нравится. Золотой и кремовый...

— Кремовый, — перебивает Елена. Она достает свой телефон и исступленно постукивает по нему, бросая сияющий взгляд на Феликса. — Мы с Фионой говорили об этом сегодня утром, можете в это поверить? Я говорила о том, насколько вечен этот узор.

У меня отвисает челюсть. Я буквально замираю от шока. Внутри моей головы я кричу на себя, молю очнуться и хоть что-то сказать. Но она уже поднимает свой телефон.

— Если вам нравится эта идея, у меня есть поставщик на тридцать первой улице, у которого в запасе имеется подходящая ткань.

Воздух покидает мои легкие с шумом, и я поворачиваюсь к Феликсу, который прямо сейчас улыбается.

— Я и правда люблю эту ткань, — говорит он, вертясь на стуле. — И это было бы хорошо... — Он садится ровнее. — Хорошая работа, Елена.

Напротив, Алиса выгибает бровь, напряженно глядя на меня. Потому что я все еще сижу здесь как дура. Вот только, что я могу сказать? Это настоящая жизнь. Крик "Ты лживая ведьма!" лишь заставит меня выглядеть, словно хренова сумасшедшая.

Мои зубы стискиваются, когда поворачиваюсь на стуле и смотрю на Елену. Она, даже не морщась, улыбается мне. Моя улыбка такая широкая, что щеки аж болят.

— Знаете, мне пришло в голову, что в хозяйской спальне тоже слишком много синего цвета. Миссис Пейтон определенно будет против него и там.

— Вероятно, — соглашается Феликс, сидя во главе стола.

Я продолжаю смотреть на маленькую мисс Воровку.

— Что ты предложишь на это, Елена? Или ты забыла одну из многих бесед, что мы вели сегодня утром?

Она краснеет.

— Ну, я... мы могли... — Она покусывает нижнюю губу.

— Все в порядке, — говорит Феликс. — Уверен, ты можешь поработать над этим с Фионой. Принесите мне цветовую схему к обеду. — И словно он только что не дал мне своими словами кулаком под дых, Феликс встает. — А сейчас я собираюсь прилечь. Если офис не будет объят огнем, то я не хочу, чтобы меня беспокоили.

За своим столом я даю себе некоторое время на передышку, опуская голову и прижимаясь лбом к холодной стеклянной поверхности. Что ж, возвращение на работу раньше времени было ошибкой. Но у меня есть время.

Или я могу просто уйти. Представляю это и то, как хорошо бы себя почувствовала. А затем... Что? Что я буду делать?

К счастью, мой телефон отрывает от этих раздумий. Мой голос тих, когда отвечаю, не поднимая головы от стола.

— Алло?

— Фи, милая моя, как ты?

Моя мама. Ее интеллигентный вкрадчивый голос с английским акцентом одновременно успокаивает и раздражает.

Успокаивает, потому что это мама, женщина, которая обнимала меня, пока я плакала, укладывала меня в постель каждую ночь до четырнадцати лет. Раздражает, потому что она никогда не устает. Она совершенна. О, знаю, у нее есть свои недостатки, но для меня она всегда будет ошеломляющей и крутой, несмотря на неуместные светлые волосы.

— Привет, мам. Я в порядке.

— Твой голос звучит так, словно ты уткнулась лицом в подушку.

Очень близко к истине. Я сажусь ровно и убираю волосы назад от лица.

— Здесь плохой сигнал. Я на работе.

— Прекрасно. Я собиралась сказать тебе, как сильно горжусь, что ты занимаешь данную позицию. Я бы не могла быть более счастливой, Фиона.

Верно. Рваное дыхание застревает у меня в груди.

— Спасибо.

— И знаешь, если ты будешь ее держаться, то скоро откроешь свою собственную компанию по дизайну. — Она пытается меня воодушевить. Но я знаю маму достаточно хорошо, чтобы услышать ее отчаянную просьбу: Прошу, Фиона, держись этого места. Не бросай все на этот раз.

Я слушала этот тон ее голоса каждый раз, когда меняла специализацию. Всякий раз, как просила о том, чтобы начать изучать новый инструмент или заняться танцами. Я не могу ее даже винить, потому что бросала все те классы и лагеря спустя всего несколько дней.

Морщась, я поворачиваю кресло от открытого пространства офиса лицом к окну.

Мама продолжает трещать.

— Как дела у Айви и Грея? И у малыша?

— Все прекрасно и хорошо. Лео стал больше. — И громче.

— Он красивый? — Моя мама была с ними во время родов и мгновенно стала любящей бубуличкой — как она настаивает, чтобы мы ее называли. — Я говорила тебе, у него мои глаза.

Не могу удержаться от смеха.

— Мама, у него голубые глаза. — У нее же они зеленые, как и у меня.

— У всех малышей глаза голубые. Они поменяются. И станут, как мои.

Все вокруг признают, что у Лео глаза Грея. Вплоть до оттенка голубого цвета. Но я не

спору.

— Как твоя работа? — спрашиваю вместо этого. Моя мама владеет пекарнями. Предполагалось, что Айви начнет с ней работать, но она решила стать агентом, как и наш отец.

Не знаю, кто более был от этого шокирован — мама, папа или я. Айви ненавидела то, как работа отца украла его от нашей семьи почти так же сильно, как и я. И тем не менее, она стала агентом и, черт, я влюбилась в футболиста.

Пока мама рассказывает о своих магазинах, образ ухмылки Декса — такой роскошной в обрамлении густой, темной бороды — заполняет мой разум. Мои ладони дрожат от потребности прикоснуться к нему, погладить огромную рельефную сильную и горячую грудь парня.

Я сглатываю и снова сосредотачиваюсь на словах мамы. Она рассказывает о плохой партии дрожжей, ее голос хриплый от раздражения, и я зажмуриваюсь. Я скучаю по ней. Скучаю по Дексу. Скучаю по всем.

Сжимая телефон, ощущаю себя потерянной и покинутой, что довольно нелепо. Никто не оставлял меня. Я здесь, потому что так решила. Это жизнь. словно какая-то глупая игра в Богл — нас разбросало, и все мы осели там, куда упали.

Мне не впервой ощущать себя так. Но обычно я могу отвлечься общением с друзьями, вечеринками и смехом. Вот только больше я не в силах отыскать причину для смеха. И мучаюсь вопросом, разве только так может проходить моя жизнь. Потому что мне хочется вернуть себе хоть немного гребанного контроля.

Глава 19

Декс

— ПОСМОТРИТЕ, ЭТО СИНАТРА! — вскрикивает Дельгадо, мой коллега лайнмен, когда я захожу в раздевалку.

Меня встречает бурный хор голосов, недружно и громко орущих слова песни "Gold on the Ceiling". Грей рассказал, что видео моего выступления в караоке распространилось, будто вирус. В добавок к этому канал ESPN разместил его в комплекте с соответствующими шутками, поэтому я очень четко понимал, что в понедельник утром хлебну свою долю дерьма.

— Ага, ага, — я машу беззаботно рукой. — Смейтесь, придурки. — Сэмпсон, наш обороняющий игрок, пытается имитировать хохот Чубакки, но в конце концов давится, чем смешит парней еще сильнее.

Усмехаясь, я сажусь и сбрасываю обувь. Финн Маннус, квотербэк, расхаживает рядом, широко улыбаясь. Он с силой хлопает меня по плечу.

— Итак, Декстер, хорошо отдохнул?

— Говори, что должен сказать, Манни, и иди к черту, — отвечаю я легкомысленно.

Он все еще усмехается мне, словно самодовольный ублюдок.

— Должен сказать, что я наслаждался, глядя на то, как ты проводишь свободное время. Не знал, что в тебе это есть.

— Уверен, что ты многого обо мне не знаешь. — Я уже разделся, чтобы натянуть свое снаряжение, но тут замечаю его взгляд. Он больше не самодоволен, а скорее серьезен.

— В этом-то и дело, — говорит он. — Ты — мой центр.

Его слова заставляют меня задуматься. Мне нравится Финн. Он новичок, что для него отстойно, так как парень должен беспокоиться о команде, при этом не ощущая свободы в том, что делает. Но он все же хороший квотербэк, и моя работа — защищать его. Однако я не знаю его, как знаю Дрю. Я не использовал время с толком. Поэтому вина зарождается в моем животе.

— Может, сходим вместе на пиво, — предлагаю я. — И я поведаю тебе все о своей дикой неделке.

Он смотрит на меня своими знаменитыми синими огромными глазами, от которых все женщины Америки вздыхают и сбрасывают трусики. Его глаза, конечно, не воздействуют так на меня, но я достаточно зрел и мужественен, чтобы признать, что цыпочки сходят с ума по этому парню. Думаю, я обречен прикрывать задницу красивых ребят.

— Ага, — говорит он. — Звучит здорово. — Он собирается уходить, но затем останавливается. — Черт. У нас в четыре часа фотосъемка.

Сердитое выражение лица искажает его лицо, и сейчас именно я смеюсь.

— О, расписание благотворительных мероприятий. Думал, тебе это по душе, мистер GQ. — Очевидно, что нет, судя по его выражению, полному отвращения.

— Благотворительность, ага. Я бы лучше поговорил с кучей детей или что-то в этом духе, а не светил своей задницей, словно кусок говядины.

— Ах, Манни, — говорит Сэмпсон, проходя мимо, — но у тебя такая большая задница. Кажись, даже больше твоей головы. — На этом он шлепает полотенцем по заднице Финна и убегает, когда Манни бросается на него.

— Беги-беги, придурок, — кричит ему вслед Манни.

Я одеваюсь, радуясь тому, что внимание переключилось к Манни, как и должно быть. Вот только так длится недолго. Всю тренировку парни поют мне серенады. На боковой линии, когда подхожу выпить Гаторейда и растянуть уставшие мышцы, ко мне подходит Дин Кэллоуэй, до жути неприятный линейный тренер нашей команды. Он наблюдает за остальными игроками, но при этом кривит губы.

— Думаю, я знаю, кто будет исполнять главную роль в нашем ежегодном командном мюзикле, Декстер.

— Не знал, что у нас есть мюзикл, тренер. — Я выбрасываю пустую бутылку в мусор.

Он поворачивается ко мне.

— Возможно, нам стоит положить начало этой традиции. — Хлопая меня по спине, он уходит со словами: — Хорошая работа, Декс.

Я смотрю ему вслед и тут меня озаряет мысль о том, что хотя уже два года играю за эту команду, так и не стал ее частью. Мне слишком просто скрываться от мира. Но смеяться вместе с коллегами, не принимать всякую херню близко к сердцу, ведь так приятно.

Я могу быть счастлив, по-настоящему. Вот только одно я упускаю, а именно ту, что в тысяче миль от меня.

Фиона

Я НАПРАВЛЯЮСЬ НА улицу, чтобы купить чего-то попить, когда мне звонит Декс. I от этого я улыбаюсь еще до того, как отвечаю на звонок.

— Привет.

— Привет, Вишенка. — Его глубокий голос вызывает во мне легкое волнение. Каждый раз. — Что делаешь?

— Иду выпить с Анной. — Я быстро пересекаю Пятую авеню и поворачиваю следом за гуляющей семьей туристов.

— Анной Дрю? — спрашивает Декс, очевидно шокированный.

— Ага. Мы знаем друг друга уже несколько лет. Грей всегда приглашает ее и Дрю к нам на Рождество.

Дрю потерял обоих родителей, еще когда учился в старшей школе, а Грей лишился матери, когда та умерла от рака приблизительно в то же время. Так что Грей решил не оставлять Дрю в одиночестве на праздники, а приобщить парня к нашей семье. "Семья" для него сейчас — это Айви и я.

— Верно, я забыл об этом. Я нехотя отправился к родителям вместо того, чтобы присоединиться к рождественской вечеринке Грея в прошлом году, — говорит Декс, иронично смеясь.

Потому что его тоже приглашали. Каждый год.

— Ты повел себя, как хороший сын, — отвечаю я.

— Я избегал искушения в виде тебя, — поясняет он.

И от этого заявления я спотыкаюсь на ровном месте. Хмурясь, начинаю идти быстрее.

— Почему ты избегал со мной встречи? — Он вздыхает, и я могу представить, как парень трет рукой по бороде, так он делает всегда, когда не хочет что-то признавать.

— Ну, в прошлом году ты все еще училась в университете, а я был новичком в NFL. Так что не было надежды на то, чтобы видеться. И к тому же ты была маленькой золовкой Грея.

— Я все еще его золовка. Хотя возражаю против термина "маленькая".

— Ладно, ты младшая сестра его жены. — Улыбка слышна в его голосе, но буквально через секунду тон Декса снова становится серьезным.

— Я спрашивал у него, знаешь ли. Не возражает ли он, что я подкачу к тебе.

— Что? — Я почти кричу.

— Он — один из моих лучших друзей, Фи. Это мужской кодекс. Не принято нарушать его.

— А что, если бы он ответил нет? — Сама идея о том, что Грей руководит моей сексуальной жизнью, неприемлема.

— Тогда я бы выдал ему логичный и неоспоримый аргумент, чтобы он передумал, — говорит Декс. — Или бил бы его, пока он не стал просить пощады.

Я смеюсь.

— Хороший у вас мужской кодекс.

— Насильное вбивание в голову аргумента — общепринятая форма разрешения конфликтов согласно мужскому кодексу. Это часть наших местных законов.

— А ты говоришь, что это женщины слишком запутанные создания. — Я смеюсь и спешу еще сильнее, потому что опаздываю. — Так что насчет тебя? Чем планируешь сегодня заняться?

— Тем же, что и ты. Выйду потусить с моим квотербэком.

— С Финном Маннусом? — Я тихо вздыхаю. — Он сладкий мальчик. — Ладно, я все еще немного раздражена этим мужским кодексом между Дексом и Греем, а месть — сучка.

Как и ожидалось, Итан презрительно фыркает.

— Я думал, ты не следишь за футболом.

— Есть разница между тем, чтобы следить за спортом и тем, чтобы следить за сексуальным игроком, — дразнюсь я.

— Никогда не думал, что стану ревновать, — отвечает Декс. — Но думаю, что сейчас ревную, потому что у меня появилось сильное желание выбить дерьмо из его красивого лица прямо сейчас.

— Не делай этого! Ты погубишь прекрасное!

— Фи. — Голос Итана звучит зловеще. И мучительно.

Смеясь, я спасаю его от беды.

— Малыш, ты же знаешь, что меня привлекает лишь один парень. И он намного сексуальнее любого тощего квотербэка.

— Да? — Теперь он практически мурлычет.

И все мои интимные места трепещут.

— Ага.

Слышу его вздох, а затем голос парня становится тише.

— Я хочу посмотреть на то фото, что ты мне прислала. Так сильно хочу, что мой член ноет от боли. Но знаю, что если сделаю это, он будет болеть еще сильнее. Потому что не смогу выбросить мысли о тебе из головы, Фи.

Мое сердце замирает.

— Почему?

— Потому что испытал что-то настоящее. И теперь мое воображение разыгралось.

— Ты... Ты привык думать обо мне, когда прикасаешься к себе?

Клянусь, я слышу, как он сдерживает стон.

— Ты же знаешь, что да.

— Мы могли бы... — Я обхожу женщину, бегущую к метро. — Мы могли бы поговорить... ну, ты поминаешь.

Еще один стон.

— Нет, — отвечает он. — Это убьет меня, Вишенка. Я не могу прикоснуться к тебе.

— Но я могу прикоснуться к себе. Представив, что это ты. — Не знаю, почему подталкиваю его к этому. Я посреди Манхеттена и не могу сейчас этим заняться. Но дразнить Декса быстро стало моим хобби. И я знаю, ему это нравится. Даже более того, Декс нуждается в этом. Он слишком замкнут. И это не имело бы значения, если бы я не увидела в нем ту жизненную искру, что так и жаждет вырваться наружу.

Сейчас я слышу, как он мрачно смеется.

— Детка, мысль о том, что ты прикасаешься к себе даже хуже. Мне нужно это увидеть, а не услышать.

— Мы можем связаться по Скайпу.

— Фи.

— Итан.

Я все еще слышу улыбку в его голосе, но сейчас его тон кажется натянутее.

— Я не умею использовать красивые слова. И облажаюсь, сказав что-то не то. Тебе не нужно слышать о том, как сегодня я мечтал, что затяну тебя в тихий угол раздевалки и проскользну рукой под твою юбку, а затем трахну твою киску пальцами, зная, что парни ходят всего в нескольких метрах от нас. Я бы сказал тебе вести себя тихо и мило в процессе, не издавать ни звука, даже когда будешь умирать от желания застонать. Даже когда бы второй рукой я ущипнул твой возбужденный маленький розовый сосок. Сильно и уверенно

— так, как тебе нравится.

Я замедляюсь и в конце концов останавливаюсь, моя кожа горит, а грудь быстро и прерывисто вздымается, пока весь мир пролетает мимо. Иисусе. Мой сосок пульсирует, словно Декс здесь и сейчас, грубо дергает его; моя киска ноет, ощущая призрак его толстых, длинных пальцев.

Я откашливаюсь.

— Думаю, что ты мог бы выиграть в конкурсе красноречия, большой парень.

Он смолкает и шумно вдыхает.

— Я так и не попробовал тебя на вкус, Фи. И сожалею об этом. Не представляю, какова твоя киска на вкус, и постоянно думаю об этом. Боже, я хочу широко развести твои ноги и использовать время с толком, посмаковать каждым миллиметром твоей плоти, проверить, будешь ли ты пахнуть иначе, когда кончишь.

— Итан, — мой голос хриплый.

— Видишь? Это слишком, верно?

Не знаю как, но мне удается засмеяться.

— Еще немного, и я сгорю прямо здесь, на Пятой авеню.

— Да? — Он, кажется, шокирован. Бедный, сбитый с толку, сексуальный центр.

— Думаю, ты прав, — говорю я, заставляя себя снова начать переставлять ноги. — Больше никаких разговоров о сексе. Это убивает и меня.

Печальный смех раздается в динамиках моего телефона.

— Знаю. Итак... — Он растягивает слово, словно пытается привнести былую легкость в этот разговор. — Расскажи мне то, что могло бы отвлечь от прелестей у тебя под юбкой. Как дела на работе?

Ага, вот тут-то весь кайф и погибает.

Блядь, мое горло снова горит. Я хочу рассказать Итану все, поведать о той агонии, что чувствую в результате своей очередной ошибки. Но не хочу, чтобы он узнал об этой части меня. Ветреной Фи, что не может решить свои проблемы. Мне невыносима мысль о том, что он станет думать обо мне хуже.

— Все в порядке.

В течение мгновения Декс молчит, и впервые я благодарна за физическое расстояние между нами. Он не может увидеть мое лицо.

— Я думал, что тебе пришлось уехать из-за проблем на работе, — произносит он осторожно.

Чудно. Выходит, что либо я лгу насчет работы, либо насчет того, почему уехала от него. Молча ругая себя, я сжимаю зубы и отвечаю.

— Все уже решено. Оказалось все не так плохо, как я думала.

— Ладно, — говорит он. — Это хорошо.

Но кажется, он не купился на мою историю. Боже, я уже облажалась, строя карточный домик наших отношений на дерьмовой лжи. Но тем не менее не могу ему все рассказать. Не могу.

Я начну плакать здесь и сейчас.

— Я уже в баре, — сообщаю с наигранной легкомысленностью в голосе. — Позвоню тебе позже?

— Конечно, Вишенка, — отвечает он нежно. Я слышу, как Декс вздыхает. — Фи?

Мое сердце колотится, когда сжимаю телефон, словно спасательный круг.

— Да?

— Просто знай, что я с тобой. Даже когда далеко, я с тобой.

И вот, я всхлипываю. Стоя на углу Пятой и Двадцать пятой, посреди несущегося потоком народа, я ощущаю себя такой одинокой, что приходится обернуть руки вокруг своей талии.

— Спасибо, Итан.

А затем кладу трубку, потому что не могу сказать больше ни слова, при этом не разломав свое сердце надвое.

Глава 20

Фиона

Мы с Анной в конечном счете решаем не пить, но покупаем сэндвичи в кафе "Eataly" и занимаем столик в Флатирон плазе, маленьком треугольнике пешеходной зоны между Бродвеем и Пятой авеню. Погода восхитительна, как и всегда осенью в Нью-Йорке — прохладный ветерок пронизывает прогретый солнцем воздух.

Я не разговариваю о своих проблемах на работе. Хочу насладиться вечером, а не портить себе аппетит.

— Итак, Декс? — Анна усмехается до того, как отпивает глоток своего латте.

Не знаю, узнала ли она об этом от Айви, или Грей проболтался Дрю — ставлю на Грея. Но независимо от этого, я не могу сдержать ответной усмешки.

— Ага. Декс. — Я проглатываю мечтательный вздох, потому что он будет здесь лишним. Но Анна слишком внимательна. Так что мое довольное выражение лица не проходит незамеченным.

— Так хорошо, а? — Она улыбается, а ветер развивает ее рыжие локоны вокруг головы.

— Давай просто скажем, что притгазм мне не потребовался.

— Притгазм? — спрашивает Анна, хохоча.

— Притворный оргазм. — Я бросаю на нее взгляд. — Боже, прошу, не говори, что ты никогда не притворялась. Думаю, я умру от зависти.

Моя сексуальная жизнь была ужасной или просто посредственной, но парни в университете, в целом, работают по принципу: одноразовый трах, семяизвержение, душ, и снова все сначала.

Декс был девственником, но все же вложил все свое тело и душу в этот акт. Я чувствовала себя желанной, а моему телу словно поклонялись. И не важно, что Декс пиздец, какой сексуальный, и что ему лишь нужно было взглянуть на меня, чтобы до чертиков возбудить.

Анна отпивает глоток кофе, а затем качает головой.

— Конечно, я притворялась. Хотя никогда не делала этого с Дрю.

Я закатываю глаза, но все же смеюсь.

— Надеюсь, что не с тех пор, как ты вышла за него замуж.

— О, он доводит меня до вполне удовлетворенного состояния. Вполне.

Мы по-детски даем друг другу пять и хохочем.

— Должна признать, я удивлена, — говорит Анна.

— Почему? Из-за того, что он спортсмен?

— Ну, частично да. То есть, ты же отшивала каждого друга Дрю, что к тебе подкатывал.

Больше, чем просто несколько парней из команды Дрю пытались привлечь мое внимание, когда мы вместе с ребятами выходили где-то потусить. И, да, я отказывала им — главным образом потому, что они футболисты. Но некоторые из этих парней оказывались полными дебилами.

— Но я скорее о том, — продолжает Анна, — что Декс такой молчаливый. Не подумай, я люблю этого парня, но ты уж точно не застенчивая.

Я не могу не засмеяться.

— Он не тихоня, когда мы вместе. В любом случае, я уверена, что убила бы кого-то, в точности похожего на себя. Как представляю, сколько шума и разных звуков издаю! Жесть! — Я делаю вид, что меня передергивает.

Анна снисходительно улыбается мне, но затем становится серьезной.

— Так почему ты кажешься сегодня такой грустной, Фи?

И на этом моменте я сдуваюсь. Я могла бы рассказать ей о своей работе. Но не из-за этого мое сердце болит в данный момент.

— Потому что я не думаю, что смогу быть частью отношений на расстоянии. Я уже по нему скучаю. — Не просто скучаю. Я нуждаюсь в нем. Здесь. Сейчас. — Меня мучает волнительное ожидание, и я не могу ничего с ним поделаться до тех пор, пока мы снова не увидимся. А все ведь может стать еще хуже?

Протягивая руку, Анна сжимает мою ладонь.

— Дерьмо, я бы хотела лучше разобраться в этом. Не знаю. Сама ненавижу, когда Дрю уезжает. Но что ты можешь поделаться? Мы любим того, кого любим.

— Я думала, что влюбиться в кого-то это так невероятно здорово.

— Ха. — Анна откидывается назад, ее глаза светятся. — Лучшие и худшие моменты твоей жизни, детка.

Декс

ФОТОСТУДИЯ РАСПОЛОЖЕНА в промышленном районе Нового Орлеана. Мы разделили на небольшие группы. Я здесь с Роландо, Финном и Джейком Райдером, нашим запасным принимающим.

Помимо Райдера, никому из нас не нравится идея позировать в течение нескольких следующих часов, но ради благотворительности мы сделаем, что должны.

Никто нас не приветствует, и это странно. Когда звенит колокольчик, и никто не открывает, Финн стучит кулаком по металлической двери.

— Мы перепутали время? — спрашивает он, оглядываясь на нас через плечо.

— Не-а. Фактически, мы пришли на несколько минут раньше.

— Лучше бы фотограф оказался без всяких раздражающих штук творческой личности.

Финн и так уже в пяти секундах от припадка гнева, но мне пофиг.

— Возможно, он как раз проявляет снимки, или что-то в этом духе.

— Круто, — растягивает слова Райдер. — И мы должны ждать, пока он закончит с этим дерьмом? Это может занять, по крайней мере, полчаса.

Роландо откидывает голову назад и смотрит в потолок.

— Господи, эти парни без конца оставляют свои позиции уязвимыми. Уже даже не интересно стебаться над вашими слабостями.

Райдер усмехается, а затем тянется мимо меня и ударяет по двери.

— Чувак! Цепляй уже их и открой дверь!

— Иисусе, — говорю я, у меня в ушах звенит. — Прояви терпимость.

Он просто усмехается.

Дверь широко распахивается, прерывая наш разговор. Высокая молодая девушка с длинными, ровными волосами насыщенного пурпурного оттенка сурово смотрит на нас, измеряя взглядом. Думаю, мы не прошли ее проверку.

— Цеплять уже что, а? — спрашивает она хриплым голосом, слыша который я гадаю, курильщица ли она.

Мы все переминаемся с ноги на ногу, а затем Финн выступает вперед.

— Эм... У нас назначена съемка для календаря.

— Ну, конечно же, я не подумала, что вы здесь для съемки группы спортсменов, что запланирована у меня на сегодня.

— Так ты и есть фотограф? — Глаза Финна округляются от очевидного шока.

— Не будь таким клише, красавчик!

Райдер хихикает.

— Она раскусила тебя, сладкие щечки.

Финн и правда красавчик. Мы все любим дразнить его этим. Но кажется, сейчас ему это не по душе.

— Ага-ага, а теперь к делу, нам сказали, что фотографа зовут Честер Купер. Прости, что предположил, будто Честер — это мужчина.

Она сжимает губы.

— Все зовут меня Чесс. Не представляю, откуда ваш PR-менеджер узнал мое полное имя.

— Вероятно, они проверяют всех, чтобы отсеять разных придурков. — Сомнение в выражении лица Финна четко говорит о том, что на сей раз PR-команда ошиблась.

Чесс закатывает глаза от скуки.

— Честер Купер... Похоже на Честер Куперпот из фильма "Балбесы", — услужливо добавляет Райдер. — Помните этот фильм?

Наш фотограф бормочет ругательства.

— Ага, крутая киношка, — говорит Роландо Райдеру. — Маленький чувак, игравший в нем главную роль, вырос и сыграл Сэмуайза Гэмджи. Мужик, к слову о нудной работенке. Представь, что ты должен броситься в огонь горы Дум, потому что ошибся насчет хоббита.

— Он отправился в этот поход, чтоб спасти Средиземье от Саурона, болван ты, — говорю я ему.

— Нет, он просто сильно хотел Фродо.

Райдер издает звук в знак раздражения.

— Привет? Не могли бы мы уже вернуться к "Болванам" и Честер Куперпот? Ты же знаешь, что старый чувака, которого они искали, весь скукожился и был раздавлен валуном?

Чесс становится красной от гнева.

— Да, я знаю, — выплевывает она. — Мои родители познакомились на предпикет этого фильма. Они думали, что родится мальчик, и поскольку бабуля уже вышила имя на детских одеялах... — Она пожимает плечами, словно хочет сказать "Что я могу поделать?".

— То есть, они фактически назвали тебя в честь персонажа фильма "Балбесы"? — спрашиваю я в ужасе. Это хуже, чем то, что Грея назвали в честь героя книги Джона

Гришема.

— Да. — Ее голос напряжен, так что мы все смолкаем, хотя я слышу, как Роландо бормочет что-то себе под нос о сумасшедших белых.

На этом девушка разворачивается и входит в студию. После обмена взглядами, мы следуем за ней. Осветительные приборы уже установлены напротив огромного задника. В стороне стоит стол с множеством футбольной экипировки на нем: подплечники, мячи, наши командные шлемы, даже несколько футбольных щитов и лент.

Из ниоткуда появляется тощий парень в фетровой шляпе и салатовом костюме в обтяжку родом из шестидесятых. Как и у меня, у него есть борода, хотя она реже и более рыжая.

— Я — Джеймс, — говорит он нам. — Ассистент Чесс. Простите за задержку. Мы были на балконе, курили. — Он усмехается, быстро осматривая Райдера. В ответ Рай переминается на месте и хмурится от смущения. — Или я курил. А Чесс просто составила мне компанию.

Чесс подходит к столу и поднимает большую камеру.

— Им не нужны твои оправдания, Джеймс. — Она не смотрит в нашу сторону, пока настраивает оборудование. — Вы можете воспользоваться комнатой слева. Раздевайтесь, и Джеймс намажет вас маслом.

С таким же успехом она могла бросить в эту комнату зловонную бомбу. Клянусь, мы все делаем шаг назад, наши лица искажаются, выражая различный уровень шока.

— Намажет маслом? — Голос Финна звучит так, словно он сосет лимон через зубы. — Ты нас наобывешь?

— Когда я с кем-то ебусь, он знает об этом, мистер Маннус.

Райдер смеется.

— Я люблю эту телочку.

— Я не телочка, мистер Райдер. А женщина.

Роландо издает слабый рычащий стон, и я толкаю его локтем в бок.

— Дай угадаю, — говорит Финн. — Ты одержима идеей наконец найти Одноглазого Вилли.

Райдер давится от смеха, и я вынужден провести по бороде рукой, чтобы скрыть улыбку.

— Мужик, — бормочет Роландо. — Ну ты и протупил.

Чесс бросает на Финна смертоносный взгляд. Словно страшно разозлилась. Уверен, ее шкаф полон скелетов других футболистов умников, которые осмелились перейти ей дорогу.

Странно, но мы все стоим здесь, как непослушные мальчики, которых отчитывают перед тем, как основательно наказать.

Но мои губы изгибаются в улыбке. Я знаю, что через десять минут мы будем голые, и Финн возненавидит каждую секунду этого действия. Моя рука так и зудит от желания вытащить телефон и написать Фи.

Но улыбка увядает при мысли о ней. Фи казалась расстроенной. Ей было больно, и черт меня побери, если не узнаю почему. Расстояние между нами, словно холодные руки сжимает мой позвоночник. Мне не нравится это ощущение, или тот факт, что она не рассказала мне правду.

Но я выясню все.

Быстро раздеваюсь и мажусь маслом. Делаю глубокий вдох и выступаю вперед.

— Я пойду первым.

Фиона

ВСЕМ ИЗВЕСТНО, ЧТО женщины любят болтать о своих проблемах. К сожалению, в разговоры в мире не способны решить эти проблемы. Мои ждут меня, словно надвигающееся черное облако, как только добираюсь до работы и вижу, что Елена переехала в отдельный офис в конце холла.

Она машет мне, широко улыбаясь, когда прохожу мимо. Я задаюсь вопросом, а что, если показать ей в ответ средний палец, но решаю, что игра не стоит свеч. Так что вместо этого просто киваю, словно подражая хреновому стереотипу всех байкеров. Все кажется таким глупым и бессмысленным, и мое раздраженное настроение лишь ухудшается, когда дохожу до своего стола и обнаруживаю, что список дел от Феликса включает в себя заказ выбранных мной тканей, вот только теперь они значатся, как разработка дизайна Елены.

Она подходит к моему столу, как только включаю компьютер.

— Я думала, что ты бы хотела услышать это от меня. Феликс взял и вызвал меня в свой офис сегодня утром. Он дал мне работу младшего дизайнера. — Она сжимает мою руку. — Надеюсь, мы все еще сможем быть друзьями. Я правда рада тому, что мы разделяем идеи друг друга.

Боже, ее слова кажутся такими искренними. И что я могу поделаться? Уверена, врезать ей в лицо не поможет решению ситуации. Хотя это могло бы помочь почувствовать себя получше.

Я бросаю взгляд на свою руку, мои пальцы медленно сжимаются в кулак. Но по какой-то странной причине, я начинаю думать о руке Итана, накрывающей мою ладонь, удерживающей меня на месте, пока он скользит в мое лоно.

«С тобой так приятно, Вишенка». — Блестящие глаза цвета зеленоватого золота и янтаря смотрят на меня с восхищением. — «Нет ничего на Земле лучше, чем это».

— Фиона? Ты в порядке?

Я втягиваю воздух и гляжу на нависающую надо мной Елену.

— Ага. Все хорошо. — Не совсем, правда. Но я немного успокоилась. По крайней мере теперь я могу говорить. — Что-то еще?

Она немного хмурится.

— Ам... Нет.

— Ладно. Ну, тогда я пойду за кофе.

Я оставляю ее стоять там. И на данный момент я спокойна. Но каждый шаг, который делаю, будто кричит: Я ненавижу это. Я ненавижу это.

Это происходит со мной, потому что я должна быть более проактивной. Взять быка за рога. Я — женщина, слушайте мой рев и все такое.

Я жду до конца рабочего дня, чтобы сделать свой ход. Да, я храбрая.

— Феликс? У тебя есть минутка? — Вытираю липкие руки о складки юбки.

Феликс поднимает взгляд от своего ноутбука. Крошечная белая чашка с эспрессо стоит рядом, а это значит, что он, вероятно, читает сплетни о знаменитостях.

— Конечно, сладенькая.

Сладенькая? Мне хочется захихикать. И теперь, когда я убила столько нервов на то,

чтобы подойти к нему, мне на самом деле нужно заговорить. Часть меня правда хочет засмеяться. У меня вообще не бывает проблем в общении с людьми. Не думаю, что могла бы прожить хоть день, не разговаривала о чем-то с кем-то. Я бы по крайней мере сделала комплимент чьей-то обуви.

Но сейчас ком паники размером с мяч для гольфа застревает у меня в горле, и я могу лишь усадить свой зад в кресло напротив Феликса.

— Хочешь эспрессо? — Он одаривает меня чрезмерно дружелюбной улыбкой, которую обычно использует на сложных клиентах. Так что думаю, он определенно не в курсе причины моего визита.

— Нет. Я в порядке. — Сосредотачиваюсь на его глазах. Всегда смотри им в глаза. Напоминая себе, что разговариваешь с другим человеком. Ничего более. — Ты... гм... сделал Елену младшим дизайнером?

Все внутри меня хочет закричать, возможно, вылить кофе Феликса на его неприкасаемое белое кожаное кресло от Corbusier.

Шумно вздохнув, он откидывается на спинку кресла, скрещивая ноги.

— Да, сделал, милочка.

— Я думала, что ты не собирался принимать это решение до следующего месяца.

— Фиона, я понимаю, что ты разочарована. — Его тон настолько снисходителен, что я должна вонзить ногти в ладонь, чтобы не вздрогнуть. — Но ты и я оба знаем, что все к этому шло. — Он делает глоток своего мокко. — Я просто ускорил процесс.

— Это... — я втягиваю всхлип. — Это из-за того, что я ушла в отпуск?

Его чашка звенит, соприкасаясь со стеклянным столом.

— Боже, нет. — Мгновение он разглядывает меня, его темные глаза почти что полны грустью. — Просто у Елены есть преимущество, которого у тебя нет. А именно контакты.

На этот раз всхлип покидает меня, вот только звучит он подобно смешку.

— Ты выбрал ее из-за ее матери?

— Нет, из-за друзей ее матери. У нее есть множество друзей с множеством наличных. — Он хитро улыбается. — Ее дизайны не так уж и плохи. Свежие и прекрасные, хоть и не очень смелые. Как раз то, что нравится скучным богатым манхетенцам.

Клянусь богом, все мое тело хочет уволиться. Но как-то мне удастся сдержаться.

— Ее дизайны...

— Копируют твои? — перебивает он. — Да, я знаю.

Думаю, у меня отвисает челюсть. Я не знаю больше, что сказать, потому что онемела.

— Ты знаешь?

Феликс пожимает плечами, делая еще один глоток кофе.

— Нужно быть слепым, чтобы не заметить, сладенькая. Твои просто более рискованные. Ты подставляешь себя там, где она выбирает зону безопасности.

Ладно, теперь я точно разинула рот.

— Не могу в это поверить. Мои более смелые, но ты повышаешь ее?

— Сладкая, безопасное лучше продается. И ты правда должна признать ее изобретательность. — Он снова вздыхает, опуская локти на стол. — Первого клиента я получил, используя Хосе, моего любовника и дизайнера. Я потерял отличный трах, но заработал бизнес.

— Это ужасно.

— Это бизнес. Рассчитай риски, использую то, что, как знаешь, сработает. — Он

одаривает меня укоризненным взглядом. — Ты должна это понимать.

— Не помню, чтобы проходила этот курс в колледже, — вскрикиваю я.

— Я говорю о твоём отце, сладенькая. Спортивные агенты известны тем, что играют не по правилам. Честно говоря, я предполагал, что ты будешь играть более жестко. Более беспощадно.

— Мой отец, — выплевываю я, — никогда не втыкал нож в спину своих коллег.

Феликс бросает на меня неверующий взгляд. Я игнорирую это и встаю. Мне хочется уволиться, сказать Феликсу, что он может идти на хрен со своими драгоценными тапочками Феррагамо. Хочется этого так сильно, что буквально чувствую вкус данного желания. Но упоминание об отце парализует мой язык. Он думает, что я бросаю все на полпути. Ветреная Фи, всегда убегает при первых признаках проблем.

И возможно, теперь Феликс уволит меня. Но я не собираюсь первой устраивать драматичный побег. Распрямляя юбку, я беру себя в руки и успокаиваюсь.

— Я завтра немного задержусь. Заеду за образцами по дороге, — говорю ему.

— Хорошо. — Он снова обращает свое внимание к чтению сплетен в интернете. — Используй это время. О, рядом с ними есть отличная маленькая закусочная с сэндвичами. Спроси, может кто-то захочет сэндвич. Я пас. На этой неделе решил не обедать.

Слабый шум города просачивается из-за окна. Кто-то идет по коридору, слышны телефонные звонки. Но это несравнимо со звоном у меня в ушах.

Сэндвичи? Мне типа надо подойти к Елене и спросить, не хочет ли она чертов сэндвич на обед завтра?

— Ага, — квакаю я. — Конечно.

Вот только я не спрашиваю ни у кого о гребаной еде. Мои руки дрожат все время, пока достаю сумку из ящика стола и хватаю пальто с крючка.

Я стараюсь не разрыдаться. С каждым сделанным шагом каблуки ударяются о деревянный пол, вторя моему сердцебиению. Мое горло сжимается, а ком все нарастает.

Соберись, Маккензи. Дыши глубже.

Я так сильно хочу закричать, что мой живот скручивает. Клянусь всеми святыми, если увижу лицо этой ебнутой Елены, то на хрен потеряю весь самоконтроль.

Держа голову опущенной, я стараюсь ни с кем не встречаться взглядом, пока двигаюсь к лобби.

Лифт звенит до того, как подхожу достаточно близко. Я поднимаю голову, собираясь забежать в кабину, потому что мне нужно это. Но ноги замирают в полушаге, шок распространяется по всей моей коже.

Не плачь. Не плачь.

Декс стоит в десяти шагах от меня, его большие руки засунуты в карманы джинс, а широкие плечи обтянуты синей хенли. Его уверенный, властный взгляд встречается с моим.

Мои губы открываются, эмоции собираются в горле. Он, должно быть, замечает мое состояние, так как цветущая улыбка на его лице быстро увядает.

Моя грудь тяжелеет, когда пытаюсь продолжать нормально дышать. Если я просто смогу добраться до Декса, все будет в порядке.

Я иду прямо к нему, не останавливаясь, пока не обнимаю парня за талию и не зарываю лицо в футболку на его твердой груди. Запах гвоздики и апельсинов сейчас сильнее, чем когда я была с ним рядом в прошлый раз. Он такой теплый, сильный и безопасный. Его руки оборачиваются вокруг меня, защищая от всего. Я льну к его телу.

— Привет, — произношу напротив его груди.

Декс прижимает губы к моей макушке.

— Вишенка. Ты в порядке?

Нет. Не совсем. Мои глаза горят и покальвают. Я обнимаю его крепче, вдыхая знакомый аромат.

— Я просто... правда рада тебя видеть, Итан.

Его грудь поднимается и опадает с новым вдохом, а хриплый голос вибрирует через мое тело.

— Я тоже скучал по тебе, Фиона.

Декс

НЕСМОТРЯ НА ТО, что я играю в профессиональный футбол, по жизни я не жестокий человек. Я решаю проблемы с помощью ума, а не кулаков. Сейчас же я напоминаю себе об этом, пока обнимаю Фи, и мы берем такси до ее квартиры. Она дрожит, ее худенькие руки хватаются за мое тело так, словно ей нужно держаться за меня ради выживания.

И это меня убивает. Потребность выбить все дерьмо из кого-то, чего-то, любого, кто попадется под руку, накрывает меня волной, пока зарываю нос в волосы Фи и глубоко вдыхаю.

У женщин всегда приятно пахнут волосы, это факт. Но что-то в запахе Фи просто воздействует на меня. Феромоны. Основные биологические симпатии, притягивающие одного человека к другому. Один вдох аромата Фи, и я одновременно возбужден и полностью удовлетворен.

— Ты здесь, — шепчет она. — Не могу поверить, что ты реально здесь.

Я еще раз глубоко вдыхаю, а затем тихо отвечаю, пытаюсь успокоить ее.

— Что случилось, Вишенка?

Она застывает возле меня, и я сжимаю зубы. Если кто-то ранил ее...

Ага, я прибегну к насилию. Но затем она вздыхает, и ее пальцы скользят по моей груди, задевая соски и поглаживая меня через тонкую ткань футболки. Я пытаюсь игнорировать это прикосновение, пока Фиона не расскажет мне все.

Надломленность ее голоса вынуждает мое сердце рыдать. Она истекает кровью, значит и я тоже. Вот, как теперь все работает. Хуже того, я не могу побороть это за нее. Не могу пойти и вытрясти все из ее босса или вероломного коллеги. Я могу лишь крепче ее обнять, прижаться губами к ее голове и позволить девушке выговориться.

— Я просто чувствую... — она машет рукой, пытаюсь подобрать слова. — Такую ярость. Боль. Удручение. Ага, эти эмоции доминируют прямо сейчас.

Вдыхая, она прижимается носом к моей груди. Ее теплое дыхание просачивается через мою футболку. Она все еще играет с моим соском, покручивая маленькую штангу, чего достаточно, чтобы я почувствовал это до самых яичек.

Мои бедра ерзают в ответ, но разум пытается сделать все правильно.

— Детка, я...

Она нетерпеливо перебивает меня, ее большие зеленые глаза блестят от непролитых слез.

— Итан, я знаю, что ты хочешь все исправить. — Она неуверенно улыбается мне. — Не смотри так шокировано. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

— Я не шокирован. — Даже мило то, что она так легко меня читает. — Я признаю это. Просто хочу забрать твою боль и сделать как лучше.

Вытягиваясь, она целует меня в подбородок. Из-за бороды я лишь чувствую, как прижимаются ее губы. Мне хочется большего. Хочется ощутить ее губы на своей коже. Я поворачиваюсь к ней и наклоняю голову.

Целуя ее нежно и трепетно, желая, чтобы она знала, как драгоценна для меня.

Фи улыбается напротив моих губ.

— Хочешь сделать как лучше, большой парень? Когда мы поднимемся в квартиру, заставь меня забыть об этом мире, хоть на какое-то время.

Такси останавливается перед ее домом. Я провожу пальцами через ее волосы, осторожно перебирая пряди.

— Вишенка, это в любом случае входило в мой план.

Глава 22

Фиона

ИЗ-ЗА ОТЧАЯННОЙ ПОТРЕБНОСТИ держать руки при себе, мы с Дексом стоим разных углах лифта, пока тот поднимается к моей квартире. Основным сдерживающим рычагом для нас является тот факт, что миссис Фланнери, моя шестидесятилетняя овдовевшая соседка, стоит сейчас между нами.

Она смотрит перед собой, кривя накрашенными малиновой помадой губами. Словно женщина четко понимает, как мы жаждем прикоснуться друг к другу, и это меня бы не удивило, если бы ее собственная сексуальная жизнь не была значительно активнее моей до сих пор. Я видела, как она не раз обнимается с мужчинами в лифте. И честно, она мой секс-герой.

Поверх ее головы наши с Дексом взгляды встречаются. Его обжигающий взгляд ускоряет мое дыхание. Но затем парень все портит, он корчит тупую рожицу, сводя к переносице глаза и высовывая язык.

Это длится всего секунду, но поведение так не свойственно Дексу, что я фыркаю и смеюсь. Мои глаза слезятся от того, что пытаюсь сдержать хихиканье.

Миссис Фланнери бросает на меня суровый взгляд.

— Ты простудилась, дорогая?

Смешок по звуку больше походит на кашель, так что я прочищаю горло и становлюсь ровно.

— Наверное.

Она спокойно улыбается.

— Уверена, твой молодой человек здесь, чтобы позаботиться о тебе. — Декс выгибает брови, стоя у нее за спиной. Мудак.

Миссис Фланнери наклоняется ко мне, ее голос опускается к уровню наигранного шепота.

— Большие парни всегда молчуны, верно?

Ха. Торжественно, я киваю.

— Да, мэм, так и есть.

Лифт останавливается на ее этаже. И как только дверь за нею закрывается, я бросаюсь

на Декса, толкая его в бока, пока он смеется и пытается увернуться от моих беспощадных терзаний.

— Она точно знала, что мы собираемся заняться сексом, — говорю я, смеясь, но все же пытаюсь изобразить возмущение.

Его руки обнимают меня, словно стальные прутья, позволяют опереться о его твердую грудь.

— Конечно, знала. — Он целует меня в висок. — Учитывая то, что она схватила меня за задницу прямо перед тем, как мы сели в лифт, предположу, что эта дамочка одобрила твой выбор.

— Что? Мелкая воришка.

Он широко усмехается.

— Ты и правда выглядишь расстроенной.

— Конечно, я расстроена.

Ну не совсем, но все же. Моя рука опускается к его великолепному заду. Серьезно, его задница словно теплый гранит.

— Твоя задница — моя, Итан Декстер.

— Обещаю, ты сможешь поиграть с ней попозже.

Но так как я хочу, чтобы это "попозже" настало поскорее, что толкаю парня в коридор, как только дверь лифта открывается на моем этаже.

Когда мы достигаем двери моей квартиры, Декс прижимается ко мне сзади, фиксируя меня обеими руками по разные стороны от моей головы.

— Скажи, что ты живешь одна.

Улыбка растягивает мои губы.

— Я живу одна.

Он прерывисто выдыхает, и его губы движутся вдоль чувствительной кожи моей шеи, а борода щекочет.

— Хорошо. — Жесткая длина его члена толкается в мою попку. — Открывай двери, Вишенка.

Мои руки шарят в поиске ключа, а затем я, спотыкаясь, вхожу в квартиру. Немного посмеиваясь, я разворачиваюсь, ожидая, что Декс набросится на меня, поцелует, ведь очевидно, что мы оба этого жаждем.

Но он не делает этого.

Более того, он смотрит на меня, уверенно шагая, и его взгляд пылает. От его вида мой пульс зашкаливает, когда начинаю отступать назад, не отводя от него глаза.

Медленно хитрая улыбка растягивает его губы.

— Продолжай в том же духе. — Тихий приказ словно сжимает мое тело, перехватывая дыхание и сводя живот. Я отступаю, пока моя попка не натывается на обеденный стол.

И теперь я в ловушке.

Внутреннюю сторону бедра начинает покрывать влага. Клитор так отекает, что я остро ощущаю потребность в его прикосновении к нему.

Декс останавливается передо мной, такой высокий, почти подавляющий, но все еще безумно родственный, потому что я знаю, что он не использует свой размер и силу против меня. Не говоря ни слова, он опускается на колени, а затем садится на пятки. Но его взгляд не отрывается от меня.

Его голос становится глубоким.

— Покажи мне, где у тебя болит, Вишенка.

Дыхание с шумом срывается с уст, соски напрягаются. Вот же ж святое дерьмо. Его слова вызывают ноющее чувство от опустошенности, так что приходится сжать ноги, ощущая сладостную боль. Не отводя от него взгляда, я нащупываю край шерстяной юбки и поднимаю ее, собирая гармошкой возле бедер.

Его внимание переключается на мои трусики, а все тело, кажется, покачивается. Очень осторожно он сжимает трусики по бокам и медленно стягивает их вниз. Я наблюдаю за этим, его восторженным выражением лица, пока парень обнажает меня. Его ноздри расширяются, словно он пытается вдохнуть мой запах.

Это должно было бы обескуражить меня, но насыщенный румянец на его щеках и то, как движется его грудь с каждым вдохом, посылает волну тепла через все мое тело. Я развожу ноги, желая получить еще больше его внимания.

Он напряженно сглатывает, его взгляд становится жестче. Жар его рук покрывает кожу моих бедер, пока его пальцы скользят по ним, осторожно нажимая и тем самым раздвигая мои ноги еще шире.

— Самая прекрасная вещь, что я видел, — произносит он хриплым голосом.

Я могу лишь стоять на месте, сжимая потными дрожащими ладонями свою юбку. Теперь я такая влажная, что воздух кажется прохладным, касаясь моих складочек и вызывая трепет.

Но затем Декс поднимает одну большую руку, и его шероховатые пальцы осторожно раздвигают мои губы. Коленки подкашиваются. Думаю, я сейчас хнычу. Не могу сказать точно, потому что все мое внимание приковано к Итану и тому, как медленно он наклоняется вперед, как его пухлые губы приоткрываются, а брови хмурятся от сосредоточенности.

Боже, он выглядит так шикарно, все его выразительные черты лица натянуты и украшены румянцем. Его губы прижимаются к моему клитору, и стон слетает с них, тогда как все его тело вздрагивает. Воздух покидает легкие со свистом, но мне не удается восстановить дыхание, потому что его язык как раз касается моей киски, губы посасывают и прижимаются к влажной коже.

— Ебанный ад, Вишенка. — Он медленно проникает в меня языком.

Так сосредоточено. Но не бешено.

Он смакует мной. И это больше, чем все остальное, возбуждает меня так, что пот выступает на коже, а дыхание сбивается. Тихий, почти беспомощный стон срывается с его уст, когда Декс делает вдох перед тем, как снова припасть губами к моей киске, поедая ее так, словно это лучшее, что он когда-либо пробовал — почти лучше того удовольствия, что он доставляет мне. Почти, потому что черт побери. Может он и новичок в этом деле, но парень стремительно наверстывает упущенное. Нежные губы, теплый язык и эта борода. Святые черты, эта борода. Мягкая, колючая — она поднимает меня на совершенно иной уровень ощущений. Так приятно — пиздец, как приятно — что я ерзаю бедрами, потираясь клитором и внутренней поверхностью бедер о его щетину.

Ощущения зашкаливают. Я прислоняюсь к обеденному столу, боясь, что могу упасть в обморок. Не знаю. Не могу логично мыслить.

И затем вижу, как его руки перемещаются. О, Боже. В процессе Декс сбрасывает с себя джинсы, освобождая свой член. Его эрекция невероятно огромная и твердая. Он сжимает ладонью основание члена, грубо и быстро поглаживая.

И когда проводит большим пальцем по блестящей от влаги головке, играя с серебряным пирсингом, я взрываюсь, кончая без предупреждения. Мои колени подгибаются.

Тихий крик срывается с уст, когда отдаюсь ощущениям.

— Итан.

И он поднимается, подхватывая меня. Оборачивает мои ноги вокруг своей талии и потирается о мою ноющую киску основанием члена с вьющимися жесткими волосками.

— Итан. — Мои губы находят его. Его вкус подобен сексу. Я целую его неистово, почти что задыхаясь, когда наконец отстраняюсь. — Давай же. Итан. Сейчас.

Большие руки накрывают мою попку. Он приподнимает меня выше и затем толкается, проникая как можно глубже. Декс стонет напротив моего рта.

— О, блядь, да.

И я лишь могу держаться за его большую шею, пока парень жестко и быстро вколачивает в меня свой член. Каждый раз, когда его бедра встречаются с моими, всем телом я чувствую волну экстаза, вспышку болезненного удовольствия в клиторе. Каждое скольжение маленького металлического шарика на его члене дарит мне прилив блаженства.

— Еще, — говорю я. — Дай мне больше. — Дай мне все.

И он дает, поднимая меня к вершине наслаждения, пока не начинаю выкрикивать его имя, напряженно выгибаясь напротив его тела и снова кончая — так сильно, что в глазах темнеет.

Он достигает оргазма вместе со мной, прикусывая кожу на моем плече, пока его член изливает в меня горячую влагу. В результате мы оба тяжело дышим и дрожим. Я опускаю голову на его крепкое плечо, вздрагивая так сильно, что живот сводит судорога.

Неуверенно шагая, Декс ведет нас в спальню, при этом парня так шатает, словно он пьян.

Странно, но мне хочется расплакаться. Мое горло болит, а глаза пекут. Это чувство лишь усиливается, когда Итан кладет меня в кровать, не выпуская из крепких объятий, а его обмякший член все еще находится внутри меня. Не знаю, сейчас он скорее обмякший или все еще полутвердый. Знаю лишь, что я все еще его ощущаю, ощущаю Итана — мужчину, которого могу украсть лишь на короткие мгновения жизни.

Глава 23

Фиона

— УЛЫБКА НА КАМЕРУ. — Моя усмешка глупая и широкая.

Декс в знак протеста смеется и пытается отстраниться от меня.

— Убери эту штуку от меня. Меня нельзя снимать.

Мы лежим в постели, предавшись заслуженному отдыху, пока я развлекаю себя, делая несколько снимков Декса. Он прикидывается, что раздражен, но я-то знаю, что это не так. Он не может скрыть улыбку в глазах или то, как криво изгибаются его губы.

— Если ты не хочешь, чтобы я лезла к тебе в телефон, то поставь пароль, малыш. — Я делаю еще одно фото. Но его большая, широкая рука заслоняет камеру. — Ауч, мужик. Ты все испортил.

Он вздыхает.

— Вишенка, мне не нужны мои снимки в неглиже на моем же телефоне. — Он

молниеносно выхватывает телефон у меня из рук и притягивает меня ближе. — Вот так, — произносит Декс, вытягивая руку так, чтобы я не дотянулась до телефона. — Если мы занимаемся этим, значит должны быть на фото вместе.

— Ты так говоришь, словно я против.

Мы делаем несколько снимков, смеясь над тем, что выходит в результате. Я останавливаюсь на фото, где облизываю затвердевший маленький сосок Декса.

— А это подойдет для моего кошелька.

— Ты только что процитировала фразу свойственную типичным родителям? — Он счастливо и расслабленно улыбается. Я люблю наблюдать за ним в данном состоянии, когда Декс не прячется за стенами, а просто является самим собой.

— Не думала, что ты смотришь фильмы родом из восьмидесятых.

Декс пожимает плечами.

— Ребята часто смотрят кабельное по дороге.

— Ну, бонусные баллы тебе за внимательность, большой парень.

— Ммм... И что я могу за них получить? — Он перекачивается на бок, утягивая меня с собой.

Намного, много позже, я лежу расслабленная рядом с ним.

— Как думаешь, мы когда-то все-таки выясним окончательно, кто мы такие? — Мой голос мягок.

Декс ерзает, приподнимая голову и опирая ее на свою открытую ладонь.

— Давай так, — он растягивает слова, — позволь мне помочь тебе. Я — Итан, а ты — Фиона.

— Ха. — Я лениво хлопаю его по груди. — Ты понимаешь, о чем я. Или, может быть, не понимаешь. — Я поглаживаю кончиками пальцев вдоль линии его ключицы. — Не думаю, что знакома с кем-то, кто понимает самого себя лучше, чем ты.

Он закатывает глаза, но перемещает руки мне на бедра, лаская и притягивая ближе.

— Детка, я ненавижу каждую гребаную секунду, что провел, делая татуировки. До чертиков ненавижу иголки, даже несмотря на то, что после каждой тренировки и игры мне делают укол кортизона. Но этот процесс вызывает у меня такое отвращение, что всякий раз приходится отворачиваться, а не то потеряю сознание. — В этот момент я беру его за руку. Конечно, все это неприятно: ушибы, синяки, опухшие суставы, ссадины и мозоли, а его средний палец искривлен так, словно его не раз ломали. Его рука похожа на руку воина.

Эти длинные, иссеченные шрамами пальцы сжимают мои маленькие очень осторожно, так что я прикладываю руку к губам, целуя покрасневшие костяшки.

Из-под ресниц он наблюдает за мной.

— Ненавижу все это, но с другой стороны, посмотри на меня. Татуировки, пирсинг, да еще и профессиональный футболист. Фишка в том, что я сам ищу боль. Часть меня наслаждается ею. Так что, может, я и понимаю себя, но у меня все равно есть проблемы.

Кажется, он не стыдится этого. Нет, его глаза светятся весельем. И в этом ключевая разница, что лишь доказывает мою точку зрения. Он понимает себя так, как я не могу, и мне даже немного завидно.

Кончиком большого пальца, ноготь которого посинел от удара, он проводит по моей щеке.

— Почему ты спрашиваешь о самопонимании, Фи?

Вздыхая, я ложусь спиной на подушки и смотрю в потолок.

— Не хочу возвращаться на работу.

— Так не возвращайся.

Громкое фырканье срывается с моих уст.

— Все не так просто.

— Конечно, просто. Ты несчастлива там. Значит, уходи. — Его глаза свидетельствуют о том, что Декс абсолютно серьезен.

— И это говорит футболист? Я думала, вы, парни, никогда не сдаетесь. Ментальная и физическая выносливость — ключ ко всему и бла-бла-бла.

Он мимолетно улыбается.

— Бла-бла-бла? Приятно знать, что мы игроки так красноречивы. — Его улыбка увядает. — Но ты забываешь о принципе "Не играть в игру, пока не готов к ней на сто процентов". А этот принцип означает, что если ты не любишь это дело, то даже не берись. В противном случае, все это не стоит боли.

— Если я уйду, она выиграет.

Декс смотрит на меня с мгновение таким взглядом, который обычно пробирает до самых костей. И когда он наконец начинает говорить, его голос уверенный и вдумчивый.

— Победа довольно субъективная вещь, Фи.

— Опять же, не могу поверить, что это говорит профессиональный футболист.

Он смеется.

— Если кто-нибудь и разбирается в теме побед и поражений, так это спортсмены. За последний год мы продули чемпионат NFC из-за одного проигранного матча. Один хренов фул, который рефери не так восприняли, и все коту под хвост. Это дерьмо разочаровывает, Фи. — Его выражение лица остается спокойным, но в глазах пылает гнев. — Даже теперь, когда думаю об этом, мне хочется что-то пнуть ногой. И лучше поверь, что те уебки с другой команды бесстыдно дразнили нас. Не важно, что они выиграли лишь формально. Турнирная таблица — вот и все, что им было нужно.

Медленно он протягивает руку и накрывает ладонью мою щеку.

— Солнце, дерьмо случается все время. Я лично знаю из собственного болезненного опыта, что победа не всегда делает человека лучше. Иногда кто-то выигрывает благодаря чистому везению.

— Ладно, — говорю я, все еще ощущая раздражение и обиду, — но эта сука станет еще удачливее, если я уйду.

— Не-а. Черт, может, однажды она станет самым успешным дизайнером в Нью-Йорке...

— Не помогает.

— Но это будет основано лишь на ее собственной уязвимости. А что ты? — Он наклоняется, нежно и долго целуя меня. — У тебя есть настоящий талант, и ты будешь счастлива, самовыражаясь.

На это мне приходится рассмеяться. Но смех быстро стихает, и я хлопаю рукой по лбу.

— Ты не понимаешь.

— Так просвети меня.

— Я облажалась.

— Фи...

— Это правда. Почти каждый план, который я начинала воплощать — а поверь мне, у меня всегда есть план — сходил с рельс в какой-то точке рано или поздно.

— Ты описала то, как обстоят дела у большинства людей на нашей планете, Вишенка.

— Твои планы провалились?

Губы Декса напрягаются, словно он злится на меня. Но при этом смотрит с нежностью и опаской. Кровать скрипит, когда он притягивает меня в объятия, убирая волосы с лица.

— Я планировал держаться от тебя подальше. — Огрубелый кончик его пальца ласкает мою нижнюю губу. — Лучший провальный план моей жизни.

— Итан. — Его сердце гулко бьется внутри широкой груди, и я целую его в это место. Вдыхая, опускаю голову на его плечо. — Просто... Я всегда мечтала по-крупному и никогда не боялась рассказать всем и каждому о своих больших мечтах. Вот только мои мечты постоянно менялись — сегодня одни, живые и яркие, такие реальные, а затем раз, и они уже мертвы, так как на горизонте появилось что-то новое. — Я встречаюсь взглядом с его серьезными глазами. — К сожалению, мой чрезмерный энтузиазм сделал из меня девушку, что лишь кричит о своих мечтах. Мои друзья и семья больше не верят мне, когда делюсь с ними своим новым увлечением. Я не виню их, но устала видеть, как люди одаривают меня натянутой, снисходительной, слегка раздраженной улыбкой. Не хочу больше выглядеть слабачкой.

— На хуй все, во что верят другие люди. Ты сама считаешь себя слабачкой?

— Я говорила тебе. Я никогда ни за что не держусь. — Мои пальцы следуют по линии его ключицы. Мне нравится то, как его кожа покрывается мурашками от моего прикосновения. — Я сменила свою профильную специализацию трижды, до того как остановилась на искусстве и дизайне, и даже тогда мой взгляд все время метался еще к чему-то.

Декс немного ерзает, его бедра перемещаются, когда я царапаю его затвердевшие соски. Хрипотца в его голосе — верный признак возбуждения. Но он проводит рукой по моему плечу, поглаживая.

— Почему ты продолжаешь метаться?

С секунду я просто играю с его соском, перекатывая его то так, то сяк, потому что это возбуждает и меня саму, то, как он реагирует, как учащается его дыхание, как твердеет член.

— Не знаю.

В следующую секунду я уже лежу на спине, а мои запястья сведены над головой и зажаты огромной рукой Декса. Тихо ворча, он располагается между моих ног и нависает надо мной, так что длинные пряди его густых волос щекочут мои щеки.

— Как правило, — говорит он низким плавным голосом, — мне нравится то, как ты обычно избегаешь сложных вопросов.

— О, правда? — Я бросаю ему вызов, раздвигая шире бедра и позволяя его твердому члену оказаться напротив моих влажных складочек. Низкий гул удовольствия проходит через мое тело.

— Правда. — Он слегка смещает бедра, потираясь головкой о мое чувствительное местечко, дразнясь. — Но дело в том, что я хочу получить ответ до того, как трахну тебя.

Боже. Он словно стена, безжалостная и такая сексуальная. Мне хочется, чтобы вся эта сила погрузилась в меня. Думаю, я сейчас хнычу. Знаю, что ерзаю бедрами, пытаюсь взять инициативу на себя.

— Почему это так важно для тебя?

Теперь его глаза такие темные, что видят больше, чем следует.

— Это важно для тебя. — Он раскачивается напротив меня, посылая дрожь сладостной

похоти через мое тело. — Ответь на вопрос, Вишенка. Почему... — он опускается ниже, — ты... - поглаживая головкой мою киску, — продолжаешь метаться?

Я облизываю пересохшие губы.

— Просто все занятия никогда не казались чем-то правильным.

— Ммм... — он снова движется, так что головка его члена растягивает мой вход. Декс медленно проскальзывает в меня.

Я приподнимаю ноги и развожу шире бедра, словно это может как-то заманить его глубже. Он наполняет меня, и это так приятно, что я не могу сосредоточиться. Но глаза Декса пристально следят за мной, а его губы парят в миллиметрах от моих.

— Ты хочешь быть счастлива.

— Угу... — я правда не могу сосредоточиться, не тогда, когда он так осторожно выскальзывает и снова погружается в меня, при этом нежно и медленно целуя в губы.

Декс прижимается ко мне, пока говорит и трахает.

— Ты ищешь радости жизни, правда ведь, Вишенка?

Я содрогаюсь, а мои пальцы сильно сжимают его руку. Он все еще удерживает меня на месте.

— Да. — Я чувствую его улыбку своими губами. — Ты никогда не была слабачкой. Ты просто искала. — Несмотря на то, что он со мной делает, мое внимание зацикливается на его словах. Он замирает, погрузив в меня свой член, и смотрит широко открытыми ясными глазами. Пытаясь разглядеть радость.

Смех пузырится внутри меня, и я изгибаю шею, чтобы дотянуться своими губами до его. Я целую его со всей страстью, хотя все еще смеюсь. И он усмехается напротив моих губ, пока наше дыхание смешивается воедино.

— Трахни меня, Итан, — говорю ему, не позволяя отстраниться. — И подари еще больше радости.

Прикусывая мою нижнюю губу, он все еще усмехается.

— Да, мэ. — А затем он трахает меня. И делает это так хорошо, что, когда мы заканчиваем, я без сил и даже не могу ровно дышать. Мне следует встать, пойти помыться, предложить Дексу поесть. Но я могу лишь лежать рядом с ним, распластавшись, словно мое тело — одеяло.

— Ты боишься? — шепчу я спустя какое-то время. — Я ведь металась от парня к парню.

Не знаю, почему спрашиваю об этом. Возможно, хочу его проверить. Или просто узнать, верит ли он в меня. Я знаю лишь, что струйки ледяного страха скользят вниз по моему позвоночнику от мысли, что когда-то все отношения с Дексом могут закончиться.

Перекатывая меня на бок, он приподнимается, всматриваясь в мое лицо. Но затем парень улыбается, сверкая зубами в обрамлении пиратской бороды.

— Не-а. Это просто было еще одним твоим поиском. — Он наклоняется и прикусывает мое ухо. — Но поиск завершен, Вишневый пирожочек.

— Гм. Не называй меня пирожочком! — Когда он мрачно смеется, я тоже невольно начинаю улыбаться. — Ты немного высокомерен, знаешь об этом?

— Ммм... — Мозолистые костяшки его большого пальца ласкают мой сосок. — Думаю, мы уже прояснили это. — Я вздрагиваю. Он снова повторяет свое движение, на этот раз медленнее. — Тебе так нравится клеветать на мой характер, но ты сама знаешь, что я прав.

Боже, как же я люблю, когда он меня касается, как ниспадаю его темные блестящие волосы. Я даже люблю его неизменную уверенность во всем, что касается Нас.

Моя ладонь скользит вниз по его спине, а затем с силой сжимает ягодицы. Я правда влюблена в его задницу.

Такую крепкую и упругую. Задница титана. Посмеиваясь над этой мыслью, я еще раз сжимаю его зад, зарабатывая от Декса гортанный стон.

— Да, — произношу, ухмыляясь, когда чувствую, что он снова начинает двигаться. — Думаю, может, ты и прав.

Глава 24

Фиона

МЫ СПИМ В объятиях друг друга, мои короткие ножки переплетены с его ногами будто лоза винограда.

Мы не реагируем на окружающий мир, пока солнечный свет не заливает кровать, ослепляя нас. Декс пытается оградить нас от света, повернувшись на бок и уткнув мое лицо в изгиб своего плеча, но уже слишком поздно. Я проснулась, и реальная жизнь снова настигла нас.

Ворча, что не закрыла темные шторы, я переползаю через Итана и зарабатываю от него легкий шлепок по попке, когда встаю и направляюсь за кофе на кухню.

Когда возвращаюсь, он лежит на спине, спрятав голову под подушку. Один взгляд на его тело, и я замираю на пороге комнаты. Поцелованные солнцем золотисто-каштановые волосы рассыпаны по белому белью, густая темная борода и красивые губы, красочные татуировки поверх точеных мышц. Милостивый боже, он похож на здорового пирата, что случайно свалился в мою постель, ожидая еще один раунд разврата.

Нелепые фантазии о том, как он грабит меня, живо пляшут в голове, так что мне приходится бороться со смехом. Но мое хихиканье все же привлекает его внимание, и в результате Декс усмехается.

— Насмотрелась, дорогая?

Серебряная штанга в его соске мерцает на свете, когда он тянется за чашкой.

— Не думаю, что когда-то насмотрюсь. — Я устраиваюсь рядом с ним, в тепле и уюте. — Думаю, мы наденем тебе пару колец, возможно, повязку на глаз, и дадим кортик в руки, а затем поиграем в захват пирата.

Декс стонет, его карие глаза блестят от удовольствия.

— Расскажи, чего ты хочешь, надень самое сексуальное белье, а затем можешь привязывать меня к кровати и делать все, что пожелаешь.

Он бросает на меня косой взгляд, и мы оба хохочем.

Я прижимаю нос к его плечу.

— Боже, это было ужасно.

— Ты это начала. — Он смеется, глубокий звук полный света и легкости.

Мы пьем кофе, сидя под одеялом, а затем он отставляет наши чашки в сторону так, чтобы я могла еще раз прижаться к этому прекрасному телу.

Несмотря на наши шутки, а может из-за них, тяжесть оседает у меня под ребрами, а ком встает в горле.

Я провожу рукой по его груди, щекоча ладонь волосками на его груди.

— Когда твой рейс?

Мы не вдавались в подробности прошлой ночью. Но мне известно, что Декс приехал ненадолго. И хотя мне ненавистна эта мысль, но вскоре я буду вынуждена идти на работу.

Его грудь подымается на вздохе.

— Через несколько часов.

— О. — Я надеялась на большее. По крайней мере на еще одну ночь.

Декс напряжено сглатывает и смотрит в окно. Солнечный свет заливает его щеку, придавая ресницам золотистый оттенок.

— Мне стоило подождать, пока появится больше свободного времени. — Он снова поворачивается ко мне. — Но ты казалась такой расстроенной. Я слышал грусть в твоём голосе во время нашего последнего разговора. Так что просто запрыгнул в самолет. — Я шире расставляю пальцы, прижимая ладонь к его груди. Он приехал ради меня. У меня всегда дел выше крыши, как и у Декса, но он отложил все и приехал сюда ради меня. Никто никогда не делал ничего подобного.

Ком в горле нарастает.

— Спасибо, — шепчу я. — Я... ты... — делаю прерывистый вдох и прижимаю губы к его плоской твердой груди. — Это много для меня значит, Итан.

Он не отвечает, но я ощущаю, как парень кивает. Комната погружается в тишину, неловкость и тяжесть его предстоящего отъезда.

Декс глубоко вздыхает и откатывается от меня, садясь на край кровати. Его плечи сутулятся, а голова низко наклонена. Он ничего не говорит, просто молча сидит, но по его профилю ясно, что парень хмурится.

— Что такое? — спрашиваю, тоже садясь.

Он не движется, и на секунду я думаю, что Декс не расслышал вопрос. Но затем его выражение лица становится еще более хмурым.

— Я не хочу рассказывать тебе.

— Что? — пишу я, шокировано и оскорблено. — То есть, все речи типа "ты можешь рассказать мне все" относятся лишь к тем моментам, когда я обнажаю перед тобой душу? Клево! Зашибись.

Он морщится. Крепкие мышцы спины изгибаются и движутся, когда он проводит рукой по распущенным волосам.

— Мне кажется, я не имею на это права, Фи. — Его голос понижается до гула. — Я ненавижу это.

Слова ускоряют мое сердца, и оно ударяется о ребра.

— Ненавидишь это?

— Оставлять тебя, — отвечает он, махая рукой в сторону двери. Вздох срывается с его уст. — Знаю, я подтолкнул нас к этим отношениям на расстоянии. Я просил тебя довериться мне, обещал, что все получится. Но мысль о том, что мне придется постоянно тебя оставлять сдает. Я не хочу этого.

Кровать скрипит, когда он поворачивается и встречается со мной взглядом. Его лицо выражает грусть и беспокойство.

— Ненавижу, что тебе здесь больно без меня. Идея о том, что ты в одиночку справляешься с этим дерьмом... — Он прикусывает нижнюю губу, качая головой. — Это охренительно отстойно, Фи.

Небольшая улыбка растягивает мои губы, когда подползаю к нему. Его кожа такая теплая и гладкая, я прижимаюсь своей грудью к его, обнимаю парня за талию и пытаюсь

впитать жар его тела.

Декс тут же кладет руку поверх моей, его прикосновение такое нуждающееся.

— Знаю, — говорю я, почти касаясь губами его кожи. — Я тоже не хочу, чтобы ты уезжал.

Он вздрагивает, словно его тело против отъезда и сильнее сжимает мою руку. Но ничего не говорит, просто держит меня.

Грусть проникает до мозга костей, давя на меня.

— Вот... — я откашливаюсь. — Вот поэтому я пыталась держаться от тебя подальше.

Декс замирает, его тело напрягается. Я слышу, как он сглатывает, чувствую, как дрожь бежит по его мышцам.

— Хочешь сказать, что все кончено?

Я не могу дышать. Мои ребра болят, как будто кто-то сдавливает их поверх сердца.

— Ты этого хочешь? — спрашиваю почти шепотом.

Я забыла, каким быстрым может быть Декс. Потому не успеваю даже пикнуть, как меня уже подняли вверх и усадили к нему на колени. Сильные руки обнимают мое тело, прижимая к его широкой, крепкой груди. Мягкие волоски щекочут мой нос.

— Нет, — почти кричит он, пытаюсь успокоиться. — Нет, Вишенка. — Осторожно он целует меня в макушку. — Вот почему я не хотел ничего говорить. Я чувствую себя раздраженным эгоистом.

Я улыбаюсь напротив его кожи, сильнее прижимаясь.

— Я тоже себя так немного чувствую. Так что все в порядке, малыш.

Декс фыркает, но его тело немного расслабляется, так что теперь он ласкает меня, а не просто сжимает в объятиях. Его большие мозолистые руки скользят по моей спине.

— С того самого момента, как впервые сыграл в футбол, я мечтал играть в NFL. Боже как же сильно я этого хотел. Это обещание самому себе помогло мне пройти через все темные времена. — Его рука замедляется, снова возвращаясь к моему затылку. — И вот я здесь... — Он качает головой. — Одинок в своей жизни. Никто из моих коллег никогда бы не признался в подобном.

— Что? — язвлю я. — Разве вы не окружены быстрыми тачками и жаждущими вас девицами? — Девицами, которых я прикончу, если поймаю за тем, что они прикасаются к моему мужчине.

Я почти ощущаю его улыбку и гадаю, знает ли он, в какую сторону занесло мои мысли.

— Если ты хочешь всего одну женщину, то остальные кажутся просто мишурой. — Я награждаю его поцелуем за это, и в ответ его соски напрягаются. Мне так хочется еще немного с ними поиграть, помучить парня. Но его слова останавливают меня.

— Я просто... Я думал, что буду счастлив, когда достигну этой точки, — говорит он. — Почувствую полноту жизни, возможно. — Поднимая голову, я встречаюсь с его обеспокоенным взглядом. Было бы так легко попросить его бросить футбол. Я чувствую это своей кожей. Часть его хочет услышать эту просьбу, хочет, чтобы я дала ему причину.

У меня есть власть над его сердцем. Возможно, мне стоило бы начать беспокоиться о том, что он так просто отдал мне столько власти.

Я могу сделать это, сказать ему все бросить, попробовать заняться чем-то другим и не рисковать каждый раз получить сотрясение мозга и спинномозговую травму. Я могла бы получить его всего, без необходимости конкурировать с футболом.

— Ты любишь играть? — спрашиваю я.

— Всегда любил, — отвечает он без колебаний.

— Тогда, как ты и сказал, оно того стоит. — Я целую его в изгиб шеи, ощущая гладкую, словно атлас, кожу. Он любит, когда касаюсь этого места, и сейчас вздрагивает, прижимаясь щекой к моей макушке.

— Фи, я обещал тебе быть честным. И правда в том, что мое желание быть с тобой ослепило настолько, что я не осознавал эти короткие моменты вместе, все, что есть у нас во время сезона игры. Когда я не играю, то тренируюсь, пересматриваю видео с игр, занимаюсь в зале, ем и сплю. У меня реально нет свободного времени.

Он смотрит на меня сверху вниз, и я вижу боль в его глазах.

— Я хочу дать тебе больше. Но не могу. И не знаю, что с этим делать.

Я всегда знала об этом. Я ожидала именно этого, когда впустила его в свою жизнь. Потому снова целую Декса, вкладывая в этот поцелуй всю свою веру, в него, в нас.

— Воплоти свою мечту, Итан. Мы найдем способ облегчить твое одиночество.

Но даже когда обещаю это, страх, что мы оба обманываем самих себя, грызет меня изнутри. Потому что очевидно, эти отношения не выживут, и несмотря на то, что мы отдадим кусочки себя, они все равно рухнут.

Глава 25

Фиона

НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ НЕНАВИДЯТ Нью-Йорк. Я понимаю: шумное, заполненное грязное место с хаотичным движением. Но я его люблю. В ту секунду, как ступила на его улицы субботним утром, я почувствовала эту энергетiku, мой шаг стал увереннее, а спина держалась ровнее.

Идя вдоль Парк авеню к метро, я почти убеждаю себя в том, что время с Дексом мне просто приснилось.

Вот только мои соски и бедра ноют. Каждый шаг вызывает легкую пульсацию между ног, моя киска болит, как будто меня избili изнутри большим тупым предметом.

Я улыбаюсь, вспоминая длинный толстый член Декса и то, как он в меня вколачивался. Мне почти что хочется остановиться на месте и сжать бедра вместе, словно это поможет растянуть еще ненадолго это блаженство.

Я скучаю по нему. Меньше чем через неделю я стану скучать по звуку его голоса, теплу кожи, хитрой улыбке, когда он меня дразнит. По тому, как дразню его я. И мне бы правда хотелось сейчас вернуться к нему в постель, выводить линии его татуировок, слышать, как он резко втягивает воздух, когда я играю с колечком на его соске.

Все это хорошо. Но он не живет здесь. Мы видимся, лишь когда он прилетает в город. Мне нужно отвлечься, и я стремлюсь сделать это.

Мои шаги становятся быстрее, когда выхожу из метро на Девятой и направляюсь к

улице Горацио. К тому времени, как достигаю квартиры Джексона, мне отчаянно нужно найти решение своей проблемы.

Слава богу, Джек быстро меня впускает и ждет, когда поднимаюсь на грузовом лифте на его этаж.

Красивый и подтянутый, он самодовольно усмехается мне.

— Не был в городе один день, и ты уже здесь. Я же говорил тебе, что ты зависима.

Я чмокаю его в небритую щеку.

— Да, да, ты очень умен. А теперь заткнись.

Джексон обнимает меня за плечи.

— Ты только что процитировала фильм "Принцесса-невеста"?

— Раз уж ты спросил, то скажу, что ты того не стоишь, Джек.

Его квартира представляет собой часть отремонтированного большого склада. Аструд Жилберту напевает о девушке из Ипанемы, а насыщенный аромат кофе и свежего хлеба смешивается с запахом стружки и лака.

Джексон впускает меня и кричит:

— Ты не хочешь прекратить проигрывать это дерьмо? А то заведешь нас в клише.

Хел выходит из кухни, держа поднос и надевая очки.

— Ты здесь все заканчивай, а я поеду в Чайнатаун и куплю нам соответствующие шелковые халаты, мудака. — Затем Хел усмехается мне, а его голубые глаза мерцают. — Фи-да-ли, — растягивает он слоги, пока я позволяю себя обнять. — Джек прав, ты зависима.

— Быть может, я прихожу сюда поесть. — Я хватаю круассан и откусываю большой кусок.

Джексон прислоняется к кухонной столешнице.

— Значит, ты не хочешь увидеть свой стол?

— Он готов? — Я говорю с полным ртом еды, хотя уверена, что мои слова прозвучали как "Сон жмотов?"

— Сперва завтрак, — настаивает Хел, наливая мне кофе.

Отчего мы с Джексонем закатываем глаза и направляемся к их мастерской, Хел обзывает нас варварами.

Я знаю Хела и Джексона со второго года учебы в университете, когда моя мать остановилась в их студии, чтобы взглянуть на некоторые обеденные столы. Известные для всего остального мира как "Джексон Хел Дизайнс", пара создает временами самые прекрасные предметы мебели, что я видела.

Они работают прямо у себя дома, устроив студию на нижнем этаже. Все это пространство Джексон унаследовал от своего дяди, который купил это место в восьмидесятых в районе, специализирующемся на упаковке мяса или, как выразился бы Джексон, месте сбора педиков и быков. Теперь же это модный район, в котором работают куча кутюрье, ночных клубов и популярных ресторанов.

И здесь находится мое чадо. Я счастливо вздыхаю, когда подбегаю к созданному мной обеденному столу. Метр шестьдесят в длину, со столешницей из старого дерева, он сделан так, что передает естественные цвета и грани каждого среза деревянной поверхности.

В данный момент вместе его скрепляют массивные зажимы, которые удерживали стол, пока сох клей.

— Что делать с указанием производителей? — спрашивает Джексон.

Я уже откручиваю все крепления, желая увидеть дерево без этих громоздких конструкций.

За последние пять лет работы с Джеком и Хелом я научилась всему, что знаю о мебели. Это помогло мне стать лучше в дизайне, и мне нравится приступить к работе руками вместо того, чтобы просто создавать эскизы комнат.

Мы вместе становимся рядом со столом и проверяем его. Дерево грубое и нуждается в шлифовке. Мне не хочется использовать глянцевый лак, но думаю нанести несколько слоев мягкого воска.

— Мне не нравится это темное место, — говорю я, указывая на длинное пятно, что бросается в глаза. — Оно выглядит не к месту.

— Тебе нужно немного дисбаланса, — утверждает Хел. — В противном случае, вещь станет безликой.

— Хел прав. — Джексон обходит стол с критичным видом, разглядывая все нюансы. — Это работает.

Мы обсуждаем достоинства стола и то, что я могу сделать, чтобы улучшить его, но в

конце концов друзья вытягивают из меня рассказ о моих проблемах.

Свернувшись в уголке одного из массивных диванов, я сжимаю в руках вторую чашку кофе и заканчиваю свою историю о горе с моей работой.

— Так уволься. — Хел машет рукой, словно этот совет решит все одним махом.

— И что делать? Мне нужна работа. И я не могу просто сбежать, когда все усложнилось.

— Феликс — бездарный старый хрыч, — говорит Хел с насмешкой. — И он знает, как манипулировать людьми. Ты хочешь остаться в настолько ядовитой среде? Ради чего? Чтобы потерять свою душу?

— Очень драматично, — вмешивается Джексон, глядя на меня. — Но он прав. Феликс может научить тебя, лишь как преуспеть в бизнесе, ведя себя словно мудак. Но есть и другие пути. Делай, что любишь, и люби, что делаешь.

— Это же не означает, что, по сути, нужно творить любовь? — спрашиваю я, смеясь.

Джексон бросает на меня косой взгляд.

— И это тоже.

— Буду иметь в виду, — говорю, делая глоток кофе. — Мне много чего нужно сделать, пока он и та-чье-имя-не-стоит-называть будут веселиться на проекте Робертсон.

— Робертсон та, что Сесилия? — спрашивает Хел.

— Ага. Сесилия Робертсон и ее тридцатимиллионный пентхаус. Она купила у нас обеденный стол и стулья в прошлом году. — Хел скрещивает ноги.

— Лучше бы эта сука не пустила под откос наш стол во время своего редизайна.

— Эта сука, — говорит Джексон, глядя на меня, — жестко конкурирует с Джанис Маркс. Я знаю это из того, что она рассказывает во время наших консультаций. Насколько у нее все лучше и больше, чем у Джанис. Как ее стол непохож на тот, что покупает Джанис. — Злая усмешка медленно растягивает мое лицо. — Только не говори.

— Ммм... Джанис устраивает коктейльную вечеринку в своем доме через две недели. Хотите быть моей парой, сладенькие?

Хел смотрит на нас по очереди и усмехается.

— Вы двое... — На этих словах я встаю. — Джентльмены, как всегда было приятно. Но мне вдруг захотелось отправиться на поиски коктейльного платья.

Теперь у меня есть план мести.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТИНА СОСТОИТ в том, что я убиваю время в соцсетях в рабочее время. Немного интернет-шоппинга во время перерыва на кофе, немного серфинга по разным сайтам во время обеда. Плохая привычка. Я пытаюсь ее искоренить. Но сейчас не чувствую вины, так как не раз ловила за подобным Феликса. Кого мы обманываем? Наш мир состоит из интернет-зависимых людей.

В обед следующей пятницы я отдыхаю, попивая чай и читая один из моих любимых сайтов со сплетнями — позор на мою голову, но я зависима.

Мои руки замирают над клавиатурой, когда замечаю под одним из заголовков фото Декса. Сперва я едва его узнаю. Фото сделано в профиль, его губы кажутся такими красивыми в обрамлении грубой бороды. Какого черта статья о нем делает на сайте сплетен?

Придвигая ближе ноутбук, с замирающим сердцем я читаю статью. И чуть ли не давлюсь только что отпитым глотком вкуснейшего чая.

— Вашу ж мать...

Уродливый заголовок гласит:

Пиппа Блум предлагает 1 миллион долларов за доказательства того, что центр команды NFL Итан Декстер все еще девственник

Жар покалывает мои щеки, а мурашки бегут к кончикам пальцев. Я не могу в это поверить. Читаю статью, в которой кратко обсуждается то, что закрытый клуб под названием Пиппа Блум не верит, будто завидный холостяк, Декс, все еще девственник. Они хотят разгромить его.

Но зачем? Нет никаких пояснений, кроме того факта, что с этой шумихи они могут получить тонну бесплатной саморекламы за счет публичного перемывания костей моего мужчины.

Я так зла, что не могу оторвать глаз от экрана. Мои пальцы дрожат, когда нажимаю на ссылку, по которой обсуждают Декса, словно он какой-то печальный инцидент.

Сперва мне инстинктивно хочется ему позвонить. Но если буду визжать, это не поможет делу. Я могла бы позвонить Айви, но тогда скорее всего будет визжать она, и я не смогу с этим прямо сейчас справиться. Так что звоню своей подруге, Виолете.

Мы с ней жили вместе на первом курсе, и хотя, я быстро съехала в гостевой домик отца

— потому что, несмотря на свою общительность, мне нравится приватность — мы остались близкими друзьями.

— Что стряслось, Фи-Фи? — спрашивает она, имитируя интонацию крутых парней.

Я закатываю глаза, но улыбаюсь.

— Мисс Дей. — Да, ее родители назвали дочь Виолетта Дей (*в переводе Фиолетовый день*). К тому же, ее мать зовут Санни (*Солнечная*), так что думаю, они хотели двигаться в одной струе.

— Что я могу для тебя сделать, Фи?

— Знаешь, для начала можешь перестать разговаривать, как твой брат. Это начинает казаться странным. — Я смеюсь, когда она матерится, но противный заголовок на моем экране напоминает о себе. — Итак, я повстречала одного парня.

— О, расскажи мне все.

Я могу представить, как она сейчас поднимает ноги на свое большое офисное кресло, как округляются ее серые глаза, пока девушка крутит между пальцами свои медово-каштановые локоны.

— Его зовут Итан. Он — друг Грея. Они играли вместе в колледже. Теперь он центр NFL.

— Он футболист? Ебать.

— Знаю. Я тоже в шоке.

Виолетта знает о моем внутреннем запрете на свидания со спортсменами.

— Но он совсем другой. Что крайне неожиданно. Я просто... Он правда мне нравится.

— Могу сказать, что так, судя по тону твоего голоса, — произносит она нежно.

— Ага. Дело в том... — Я поворачиваюсь и прокручиваю на экране статью. — Ты сегодня новости читала?

— Ага... — Ви втягивает шумно воздух. — Святое дерьмо, ты говоришь об Итане Декстере?

Ненавижу нотки возбуждения в ее голосе. Знаю, она не имеет в виду ничего такого, но мои щеки краснеют от раздражения. Не на нее, а на ужасную ситуацию.

— О нем.

— Ты встречаешься с девственником? — почти кричит она.

Что-то наш разговор пошел в слишком откровенном ключе.

— Знаешь что, — восклицаю я. — Я кладу трубку...

— Прости! — перебивает меня Виолетта. — Это было грубо. И не мое дело.

— Нет.

— Но ответь на вопрос? — Она говорит это так, словно не может остановить себя.

Я поднимаю лицо к потолку, откидывая голову на кресло.

— Давай просто скажем, что они немного опоздали со своей охотой на его девственность.

Она фыркает, но это радостный звук.

— К твоему счастью, потому что я смотрю на его фото, и святые ежики, он секси. Не твой обычный типаж. Но очень даже горяч. Намного сексуальнее твоих бывших.

Я не могу сдерживать улыбку.

— Да, это так. Но прямо сейчас я волнуюсь об этом предложении миллиона. И кто такая, мать ее, Пиппа Блум?

Следует минутная пауза, и я знаю, что Виолетта достаточно успокоилась, чтобы вдумчиво прочесть статью.

— Пиппа Блум... — она произносит слова с насмешкой, — это одновременно и название клуба, и имя одной подлой засранки, создавшей его.

— Расскажи мне больше.

— Пиппа Блум, женщина, начинавшая, как сводница для богатых и властных. Но вскоре стало очевидно, что эти джентльмены на самом деле хотели просто завязать интрижку без всяких отношений или незаконных оплат за секс.

— А разве не всегда так?

— Да, но Пиппе удалось завести связи и найти способ организовать все проще, на высшем уровне. Так что она создала клуб. Типа Тиндера для богачей. Членов клуба

проверяют, а красивых мужчин и женщин тщательно подготавливают. Все они понимают суть дела.

— Я не хочу становиться на сторону тех, кто выступает против Декса, но все еще не вижу ничего плохого в этом клубе.

Виолетта издает раздраженный звук.

— Клуб способствует изменам. Они играют против табу на измену своему супругу, делая ставки в основном на мужчин. И к тому же они раздувают подобное дерьмо, как с Дексом, на публику.

— Ладно, Пиппа Блум — хреновредительница...

— Что? — Виолет смеется.

Мои губы изгибаются.

— Очень плохой человек. Пизда.

— Обожаю, когда ты используешь английские словечки.

Я обновила свой словарь ругательств за несколько летних каникул в Лондоне.

— Это происходит, когда я до чертиков расстроена. Но, говоря по-английски, она — гнилая, скользкая, злобная некто.

— Ругаться, конечно, здесь к месту, но я собираюсь закопать эту суку и ее клуб. — Тон Виолеты суров и решителен.

— Не понимаю как. — Я стучу кончиком ручки о стол, отводя взгляд от экрана. — Но не важно как. Важно, что она задевает Декса. Мне нужно поговорить с ним.

— Это и меня задевает. Подобное дерьмо стало причиной расставания моих родителей. А теперь твой мужчина стал следующей целью? Да на фиг ни за что. Достаточно. Пора с ней заканчивать.

Зная Виолету, я понимаю, что это ей под силу. За ее солнечной улыбкой и грязным ротиком, Ви — компьютерный гений. С ранних лет она жила и дышала компьютерами. А теперь, в свои двадцать один год, ей отлично платят за консультирования в вопросах безопасности сети. А это значит, что она знает о всех темных ходах.

— Ладно, гори оно все. Только будь осторожна. Не хочу увидеть твою задницу в оранжевых штанишках. Даже если оранжевый — это новый черный.

— Я найду выход в любом случае.

Ее уверенность не утешает. Я провожу рукой по волосам и вздыхаю.

— Мне нужно уже идти...

— Найди своего мужика и утешь его, Фи-Фи. Позволь мне позаботиться о борьбе за выживание.

Я правда не хочу представлять то, что в представлении Виолеты значит борьба за выживание. Лучше оставаться в неведении относительно того, что касается незаконных делишек. И прямо сейчас я должна сосредоточиться на собственной версии борьбы за выживание.

Глава 26

Декс

ДАЖЕ ПРИ ТОМ, что мне никогда до этого не доводилось находиться в центре внимания, могу сказать, что со всех сторон отстойно внезапно оказаться под этим грузом. Во-первых, я не понимаю, что происходит. Почему все камеры нацелены на меня? Обычно меня снимают лишь случайно, но я точно не становлюсь центром событий. Я не предмет для новостей. Я лишь делаю свою работу, как часть команды.

Эти чертовы вспышки ослепляют меня с момента, как вышел с тренировки? Такого никогда не случалось.

И потом раздаются крики.

— Декстер? Декстер? Сюда!

— Декстер! Что ты думаешь об охоте за девственностью?

— Декстер! Ты и правда девственник?

В течение длительного мгновения я могу лишь моргать, пытаюсь восстановить зрение. Одно слово пробивается в мой разум, словно звон — девственность. Оно будто удар под дых. Я не могу дышать.

Они говорят о моей девственности.

Стыд будто жар распространяется по моей коже, словно у меня отняли одежду и бросили в пустыне. Я опускаю голову и продвигаюсь боком через толпу, зная, что мои коллеги по команде идут у меня за спиной, глядя на меня. А затем во мне зарождается ярость. Мне не стоит стыдиться. Моя жизнь — мое личное дело.

На самом деле я делаю пять шагов и только тогда понимаю, что по факту уже не девственник. На секунду я пиздец как ошарашен, что забыл о Фи. Иисусе. Я не девственник. Но очевидно, мир считает иначе. Но почему?

— Декс. — Кто-то касается моего локтя. Я вздрагиваю, готовый наброситься на парня. Но это Роландо, его темные глаза серьезны. — Давай же, мужик. Я отвезу нас на обед.

Обед? Люди все еще кричат и толпятся. Камеры направлены на мое лицо.

Лондо хватает меня за руку и толкает к своему внедорожнику. Верно. Мы собирались поехать на обед с Дрю и Джонсоном. Мы играем с их командой завтра.

Обед. Не думаю, что могу сейчас есть. Вместо этого мне хочется на кого-то наброситься.

В ступоре, я сажусь в машину Роландо. Дверь захлопывается, и я ощущаю облегчение. Звук снаружи становится приглушенным.

Лондо плюхается на сидение водителя.

— Потусуемся у меня дома до назначенного времени. Тебе не нужно это дерьмо.

Он заводит машину, и динамики взрываются музыкой в стиле рэп, аудиосистема так громко включена, что моя задница вибрирует. Друг улыбается от уха до уха и выезжает со стоянки, оставляя СМИ позади.

Мы проезжаем квартал до того, как он выключает стерео.

— Черт, я не завалил ни одного из тех злобучих ушлепков. — Знаю, он на половину шутит. Его выражение лица становится мрачным, когда парень достает из кармана джинсов телефон. — Погугли себя и проясни, что нахрен происходит, Ди.

Часть меня не желает этого делать. Но знание — сила, и я не могу бороться с тем, чего не понимаю.

Заголовок сразу же выпадает в верхней строке поисковика, и словно кулак ударяет меня в живот раз за разом. Блядь. Блядь. Блядь. Меня обозначили как девственника? С чертовски привлекательным членом?

Я мог бы засмеяться, если бы мой живот так не сводило. Я выкладываю все это Роландо, и он просто присвистывает.

— Херово, мужик. Это в некотором роде... — Он морщится, потирая рукой свои короткие дреды. — В некотором роде дерьмово, Декс.

— Кто, мать ее, такая это Пипа Блум?

Он бросает на меня взгляд.

— Ты никогда об этом не слышал?

— Этом? Я думал, это женщина.

— Пиппа Блум — это один из сайтов для интрижек. Только они специализируются на богатеньких чуваках. Знаешь, все это эксцентричное дерьмо. Правда, думаю, за этим скрывается что-то большее, чем просто секс. Их слоган "В чем твое удовольствие?" что-нибудь, да значит. Я так думаю.

— Откуда ты о них вообще знаешь?

Роландо ерзает на сидении.

— Это... гм... Ну, там парни ищут не только женщин.

— Боже, ты состоишь в этом клубе?

— Не после этого, — возражает он. — Не после того, как они задели моего парня.

— Спасибо. — Я провожу рукой по волосам. — В любом случае, я не осуждаю.

— Верно, мужик. Я не услышал ни капли осуждения в твоем тоне. — Я практически ощущаю, как он закатывает глаза. Потому бросаю на друга взгляд. Когда мы выпустились из университета, Роландо рассказал близкому кругу друзей, что является геем. Я подозревал об этом, но никогда не обсуждал вслух. Для него это было непросто, но мы поддерживали его. Всегда. Он все еще не рассказал СМИ, и это давит на парня.

— Я серьезно, — говорю я ему. — Живи и позволяй жить другим. Но, да, ладно, теперь я немного осуждаю дерьмо с этого сайта. Их щедрый дар на мою задницу убил все мои добрые намерения.

Роландо смеется.

— Но, эй, после этого ты станешь печально известным. — Знаю, он шутит. Хотя от этого не легче. Я могу практически слышать, как об этом болтают на канале ESPN уже сейчас. Шутят. Я погряз в этом, ощущая себя снова расстроенным, униженным и злым.

— Какого хрена они вообще выбрали меня своей целью? — Я даже не понимаю, что произнес это вслух, пока Роландо не пожимает плечами.

— Ты весь такой аппетитный, тагуированный, задумчивый большой парень. Знаешь, сколько цыпочек поведется на это дерьмо? А если добавить к этому девственность? Блядь. Это словно любовь к котикам.

Мои брови приподымаются, когда смотрю на него.

— Аппетитный? Ты говоришь, как восемнадцатилетняя девчонка, понимаешь?

Клянусь, он краснеет. Но качает головой, словно это я сошел с ума.

— Мужик, у меня есть младшая сестра. Я знаю все об этом дерьме.

Я сжимаю переносицу. Чувствую, как начинает болеть голова.

— Настоящий вопрос заключается в том, как они выяснили, что ты был девственником?

— Но я не девственник.

Знаю, он верит в мои слова. Мне даже не нужно его убеждать. Но меня пиздец как раздражает то, что этот сайт знакомств нацепил на меня ярлык, сделав целью номер один, потому что считает, будто я все еще девственен.

— То есть, я был им. До того... Черт, не обращай внимания.

— Ладно, — тянет слова Роландо, — в некотором роде мы все были девственниками, Ди.

Я не хочу улыбаться.

— Ты понимаешь, о чем я. Я говорю это не для того, чтобы отбросить их предположения. Я никогда не скрывался. Но и не рассказывал всем об этом. Не считал это важным, потому что...

— Но больше ты не девственник, я понял. — Он поворачивает к своему жилому комплексу. — Ты не должен ничего пояснять. Но будь готов запачкаться в этой грязи. Это гребаное агентство предложило миллион долларов за доказательства того, что какая-то девица заберется к тебе в штаны? — Низкий истеричный смешок слетает с его уст. — Мужик, это полная хрень. Сучки будут лезть на деревья ради твоей задницы.

Ворча, я ерзаю на сидении, пока сердце сжимается в груди.

— Ебать.

Мне стоит поговорить с Фи, подготовить ее к тому, что грядет. Мои внутренности скручивает в узел. Я обещал ей конфиденциальность, нормальную жизнь. А это, нахрен,

далеко не нормально.

Когда мы входим в квартиру Роландо, я пытаюсь дозвониться Фи, но мой звонок перебрасывает на голосовую почту. И так продолжается до того, как нам уже пора ехать на обед. Так что к этому времени внутри меня оседает тошнотворное чувство, что все просто распадается на куски.

НЕСМОТРЯ НА МОЕ хреновое настроение, обед с ребятами правда помогает. Они ходу хлопают меня по спине, глупо шутя, пока мы идем к тихой кабинке в углу.

Но как только садимся, Джонсон наклоняется ближе, на его лица царит такое выражение, благодаря которому вдобавок к его светлым волосам и слегка румяной коже, пресса зовет парня Викингом.

— Серьезно, Декс, какого хрена они к тебе привязались? То есть... — Он немного заикается. — Мы все думали, ты был... — Он захлопывает рот, не желая затрагивать эту тему, что немного иронично, учитывая болтливость парня обо всем на свете.

И в результате мне становится интересно, не жалеют ли они меня, думая, что я в некотором роде печальное исключение из правил. Это раздражает. Основная часть меня хочет сказать ему то, что я рассказал Роландо, что уже не девственник, или что меня не волнует то, чего я не делал раньше, потому что быть с Фи — лучшее чувство, что когда-либо ощущал.

Но что делать с тем, что все это наше лично дело с Фионой. И мне даже не стоит об этом сейчас думать, не тогда, когда она в тысяче миль, и я скучаю по ней до боли.

Да, боли. Она господствует в моей груди. Я тру это место, ненавидя чувство холода и пустоты. Что-то давит на мой позвоночник, словно рука нажимает на меня в том месте, где должна быть Фи. Все становится хуже, это порождает желание уехать отсюда к ней.

Почему она не отвечает на телефон?

У меня на телефоне прямо сейчас десятки сообщений. От Айви и Шона Маккензи которые спрашивают, в порядке ли я, и хотят обсудить план дальнейших действий. Звонки от PR менеджера команды, который желает сделать то же самое. Пропущенные звонки почти что от всех, кого я знаю, за исключением Фи.

Джонсон ждет моего ответа.

— По правде, не знаю. — Я тру затылок, который ноет и болит. — Я держался в тени.

— Мужик, я так не думаю, — говорит Роландо, качая головой. — Учитывая твои песни

по барам и всякое такое.

Джонсон смеется, хватаясь за живот.

— О, чувак. Я почти описался, когда увидел то видео. Ебаное сумасшествие, Ди. Я не мог поверить, что это ты. — Я тоже. Но тогда Фи открыла часть меня, о которой я сам не знал. Я прошел через это, пытаюсь завоевать ее, но в конечном счете это оказалось веселой забавой. Все очень походило на ощущения, что я переживаю на поле.

— Дело в том, что видео появилось в сети уже давненько. Оно облетело все соцсети, вызвало ряд шуток на ESPN, но на этом все.

— Может, дело в календаре. Они напечатали ваши фото. — Дрю протягивает свой телефон.

В его браузере открыт снимок, и мы все тыкаем пальцем в телефон, чтобы просмотреть на фото. Я разглядываю его первым, толкая Джонсона локтем.

— Дерьмо. Я забыл об этом.

— Секси-Декси, — поет со смехом Роландо, чем зарабатывает толчок моего второго локтя.

Фото моей команды для календаря. На которых мы обнаженные. Ага, я сделал это. В основном, потому что фотографом была молодая горячая женщина, которая одним взглядом сняла с нас штаны. В буквальном смысле.

Но дело в том, что она наделена очевидным талантом, девушка не рассматривала этот фотосет, как бесплатное стриптиз-шоу — с этим согласились все ребята.

Фото были сделаны со вкусом, в насыщенных тонах, стилизованные под картины маслом.

Мое фото было сделано в профиль на насыщенно-красном фоне. Я держусь за колено, мой шлем лежит рядом на полу, голова наклонена, а вторая рука покоится на бедре. Своего рода в стиле "Футбольного мыслителя", как сказала фотограф.

Кроме моей голой задницы, на экране не видно ни кусочка моих прелестей, хотя подозреваю, что, может, она поработала немного в фотошопе, убирая лишнее. Я выгляжу уставшим, но выражение лица вдумчивое.

— Хороший снимок, — говорю рассеяно.

Дрю усмехается.

И я бросаю на него сердитый взгляд.

— Что? У него есть художественные достоинства.

— Это мужик-конфетка, — говорит Джонсон. — Посмотри на себя, так и хочешь размять мышцы. Ты и задницу тоже выгнул?

— Ничего я не выгибал. Это мои естественные формы. — Я бросаю на него взгляд. — Завидуешь?

Роландо смеется.

— Ага, так и есть. — Он указывает на экран. — Я увеличу это фото и повешу над кроватью.

— Как ожидаемо, — отвечает Джонсон. — А как ты сам-то позировал? Показал один из своих выпендрожных танцев?

— Держал мяч перед своим членом, пока выделялся, принимая эти самые позы, — невозмутимо заявляю я.

— И был охренительно сексуален, — уверяет Роландо.

— Я не позволю Анне на это смотреть. — Дрю качает головой. — Она заставит меня тоже сделать такие снимки. Но, да, мужик. Здесь ниже есть статья. — Он нажимает на экран, и браузер переключается на следующую страничку. — Они называют тебя горячим, татуированным, чувственным олицетворением футбола. Видимо, твое фото получило больше всего лайков.

— Что? Секси-Декси получил больше лайков, чем я? О, нет, черт побери. — Роландо хмурится и достает собственный телефон, видимо, решив проверить все самостоятельно.

Я закатываю глаза.

Рот Дрю кривится, когда он читает текст.

— Это ублюдок Рэндольф Норрис сказал, что ты девственник.

Норрис — обороняющий игрок, выступающий за команду конкурирующего университета, которую мы обставили в последних двух чемпионатах. Мы с ним несколько раз встречались лично, но он всегда сторонился меня, как какой-то чурбан. Мягко говоря, мы друг друга недолюбливаем.

И поскольку он играл для университета, что располагался всего в нескольких километрах от нашего, то был в курсе всех местных сплетен.

— Чертов пиздюк, — бормочет Джонсон. — Я ненавижу этого парня.

— Его приняли в команду Нового Орлеана в этом году, — добавляю я. — Но тренер вышвырнул его на последнем этапе отбора тренировочного лагеря. Ходят слухи, что ему не нравилось отношение Норриса к другим игрокам.

— Потому что оно отстойное, — бормочет Роландо. — Он почти отрезал Финну голову во время обычной тренировки.

Подвергать здоровье квотербэка опасности, чтобы показать собственные навыки во время тренировки — не слишком разумный ход. Слава богу, я больше с ним не в одной команде.

— Итак, он гнилой парень и явно ненавидит Декса, — говорит Дрю. — Вероятно, он рассказал что-то о том, что Декса никогда не замечали рядом с какой-то женщиной или чуваком. И что наш университет называл его покровителем футбола. Или же о том, как студенты делали ставки на то, когда он потеряет свою Д-карту.

— А они реально делали ставки? — спрашиваю я.

Все ребята бросают на меня нерешительные взгляды. Думаю, что так. Я не очень этим расстроен, но пиздец, как раздражает то, что люди говорили обо всем этом дерьмо уже несколько лет.

И теперь об этом заговорил весь мир.

Я откидываюсь на спинку, вздыхая.

— Забудем об этом. Не то я получу расстройство желудка еще до того, как смогу поесть.

— А нам всем известно, что нельзя стоять между Дексом и его едой. — Джонсон машет указательным пальцем.

— Нет, — говорю я.

— Это правда. — Роландо широко усмехается.

— Мужик, тебе стоит стать новой звездой шоу "Холостяк", — говорит Джонсон. — Я уже это вижу. — Его голос становится тише. — В этом сезоне, очень особенный холостяк из NFL...

— Это твое любимое шоу, верно? — спрашивает Дрю, усмехаясь. — Спорю, ты смотришь его по ночам и плачешь, когда очередной холостяк отправляет какую-то бедную девушку домой.

Мы все смеемся, пока Джонсон краснеет, что очень очевидно из-за светлой кожи парня.

— Все не так.

— Отличный ответный удар, — говорю я ему.

— В любом случае, — произносит Дрю, — Декс не может почувствовать в этом шоу. Так как у него уже есть девушка.

— Да ладно? — Джонсон смотрит на меня, словно у меня выросло две головы.

— Ага, — отвечает за меня Дрю. — Фиона Маккензи. Младшая сестра Айви.

— Милая блондинка, что сняла с себя платье на свадьбе? — Выражение лица Джонсона становится хитрым.

— Эй, — предупреждаю я. — Просто сотри это прямо сейчас, нахуй, со своей памяти. — Дрю качает головой. — Видишь? Он уже на нее запал. — Я пью воду и выдерживаю раунд звуков, имитирующих поцелуи. — Детки закончили кривляться?

Джонсон непристойно двигает языком.

— Теперь я все.

— Кучка подростков, — бормочу я. Но я не схожу с ума по этому поводу. Просто игнорирую их. Я попускаю подобное своим парням.

Роландо хмурится.

— Если ты теперь с Фионой, то вся эта хрень с девственностью летит в трубу.

— Нет, — говорю я уверенно. — Я не хочу втягивать в это Фи. СМИ оторвет и от нес кусок.

— Я это уважаю, — отмечает Роландо. — Но ты должен понимать, что то, чего хочешь ты, и то, чего добьется общественность — две разные вещи, друг мой.

К сожалению, он прав. Я ненавижу то, как страх садится ко мне на плечи. Есть то, от чего я не могу защитить Фиону, и это до чертиков меня раздражает.

Мы обедаем и сплетничаем. Я не стесняюсь в этом признаться, так как мы обсуждаем, кто сотворил очередную тупость, какой тренер отстойный, а какой нет.

И конечно, истории о разных конфликтах. Как мы выдерживаем боль и неудачи, сумев сыграть на высоте, и в пересказе это раз в десять звучит круче, чем было на самом деле, это

словно мы все не смотрим спортивные каналы и не знаем, когда облажаемся.

Но к тому времени, как официант приносит десерт — для меня это шоколад в пяти разных формах — я почти что снова чувствую себя нормально.

Джонсон хмурится, глядя на тарелку.

— Он такой крошечный. Все здесь крошечное.

— Потому что рассчитано на гурманов, — говорит Роландо, поднимая свою ложку.

— Кто выбрал это место, кстати? — жалуется Джонсон.

— Я. — Я зарываю ложку в мусс из темного шоколада, кладу его в рот и почти стону. Черт. Фи нужно прийти сюда со мной. И вот так, я снова ее теряю.

Игнорирую эмоции, смотрю на парней.

— Это вкусно. Закажите еще, если так и не наелись.

Роландо просто смеется и ест, пока Джонсон бормочет что-то о том, что я метросексуал.

— Ламберсексуал, — поправляю я, получая полный ужаса взгляд от Джонсона. Я пожимаю плечами. — Так сказала Фи.

— Почему она сказала, что ты похож на того, кто трахается с лесорубами? — спрашивает Джонсон, хмурясь.

Роландо бросает ему в голову салфетку.

— Чувак, ты не знаешь чей руб рубает.

— Лесоруб?

Мы все стонем.

Кроме Дрю, который не произносит ни слова. Он даже не замечает свой десерт. Его взгляд приклеен к экрану телефона, что не в его духе.

— Почему ты продолжаешь глазеть в свой телефон? — спрашиваю я. — Дерьмо, все стало еще хуже? Теперь говорят, что я падок и на девушек и на мужчин?

— Я был бы не против, — заявляет с улыбкой Роландо.

— Ты мне не по плечу.

— Это правда, — кивает Ландо и смотрит на меня. — Я определенно сбрил бы тебе бороду. Не люблю растительность на лице.

Я пожимаю плечами.

— Нам не суждено быть вместе.

Джонсон закатывает глаза.

— Пофиг, если я прозвучу, как мудака. Весь этот разговор очень странный с самого начала.

— Ты всегда говоришь, будто мудака, — отвечает Роландо. — Так что мы привыкли. — Он наклоняет голову и ловит ртом кусок хлеба, что бросил Джонсон. Пожилая пара напротив нас поворачивается и глазеет.

— Леди, — говорю я мило, — вспомните о своих манерах. Это не бар университета.

— Да, мамочка. — Джонсон откидывается на спинку и оглядывается. — Почему мы не в баре? То есть, да, у нас теперь есть деньги. Но это место вызывает у меня зуд.

— Я открываю новые горизонты, — говорю я им. — К тому же, это место продается, и мы с Греем и Дрю думаем об инвестиции в рестораны.

— Правда? — Джонсон, кажется, шокирован.

— Нам нужно иметь что-то про запас. В футбол не получится играть вечно.

Поскольку мы втроем любим есть, то подумали о ресторанном бизнесе. Грей и Дрю присматриваются к ресторанам на западном и восточном побережьях, соответственно.

Я бросаю взгляд на Дрю.

— Если один определенный квотербэк поднимет голову от своего телефона и попробует еду, то эта задача станет гораздо проще.

Дрю поднимает голову.

— Атмосфера немного консервативная, но еда вкусная и место хорошо устроено.

— Согласен, — говорю я. — Так и останется, но я бы внес кое-какие изменения.

Дрю кивает, затем снова утыкается в телефон.

Роландо пожимает плечами.

— Пока мы не отправились в один из стрип-баров Джонсона, меня все устраивает.

— Лучше бы мы отправились в один из твоих стрип-баров? — спрашивает Джонсон.

— Не-а, ты не хочешь написать книгу о своих недостатках, чувак?

— Во мне нет ни одного недостатка. И когда я доставляю женщине оргазм, то он длится всю ночь.

— То есть, у тебя уходит вся ночь на то, чтобы доставить ей оргазм? Ага, в это я поверю.

Пока Роландо и Джонсон спорят друг с другом, я снова смотрю на Дрю, который все никак не оторвет глаз от телефона и ведет себя шокирующе тихо.

— Серьезно, Бейлор, я сейчас конфискую у тебя эту штуку.

Он поднимает бровь, глядя на меня, а затем невинно улыбается, но я на это не ведушь.

— Ты правда ведешь себя, как мама, знаешь об этом?

— Насколько я помню, именно ты играл роль нашей мамы. А я был папой.

— Это значит, что мы сейчас на свидании? И я получаю лишь этот мерзкий обед? — Дрю опускает руки на стол. — Где мои цветы?

— Я подарю тебе их вместе со своими сладкими речами чуть позже. А сейчас ответь на вопрос, Боец. Что там, черт возьми, у тебя в телефоне?

И словно по волшебству, гребаная штука загорается, и Дрю опускает голову. Он пытается сдержать улыбку.

— Что я могу сказать? Я всецело зависим от киски моей жены. И правда в том, что я заменил тебя Анной. — На этом он прижимает ладони к столу. — Джентльмены, наше время истекло. У меня на носу свидание по телефону. — Как ни странно, ребята, очевидно, прощают подобное Дрю. Они смотрят на меня, а затем друг на друга, хотя я знаю, о чем они сейчас думают.

— Что теперь? — спрашиваю я, глядя вокруг.

— Ничего, мужик, — уверяет Роландо. — Не будь таким взволнованным. Мир не вертится вокруг тебя, Ди. — Его выражение говорит об обратном, но я решаю не придавать значения.

Джонсон достает пару купюр.

— Моя очередь платить на этот раз, верно?

— Прости, но я воспользуюсь этим моментом, — говорит с чувством Роландо и широко разводит руки. — Джонсон — грязножопый ублюдок Джонсон — платит.

— Мужик, заткнись, нахрен, — говорит Джонсон, смеясь. — Мы встречаемся утром на кофе?

— Ага, чувак, — отвечает Роландо. — Я плачу.

— Конечно, там платить три копейки.

— Завтрак, мой мальчик, — самый важный прием еды за весь день.

— И самый дешевый.

— Я оплачу каждый прием еды во время наших встреч этого сезона, если вы двое сейчас заткнетесь, — говорит Дрю.

После окончания университета, мы договорились встречаться несколько раз в год.

Иногда нас больше, иногда меньше. Обычно мы встречаемся, когда играем друг против друга. Но команда Рэд Догс всегда остается братьями.

Дрю спешит нас оставить, но почему-то толкает Джонсона к двери.

Я всегда завидовал тому, что у Дрю есть Анна. Не из-за секса, а потому что у него был кто-то, кому он принадлежал. Даже когда он страдал в самом начале их отношений, я ему завидовал. Потому что его эмоции по отношению к ней были настоящими. Искренними.

Вся моя жизнь, кажется, словно сплошной туман онемения со вспышками боли. Тату, пирсинг, сильные удары на поле — все это ради желания почувствовать что-то, кроме обычного безразличия.

Но с Фи, я жив. Я считаю каждый вдох, потому что он приближает меня к встрече с ней.

Следуя за парнями на улицу, я размышляю о Фи, и боль вокруг сердца нарастает.

Я так сильно по ней скучаю, что сперва думаю, будто вообразил ее возле черного автомобиля.

Легкий ветерок дует с другой стороны дороги, развевая кончики ее золотистых волос и

волнуя подол платья. На ней надет белый сарафан с элементами вишнево-красной отделки. Это платье словно дразнит красным бантиком чуть ниже ее груди. Оно стоит у меня перед глазами, кажись, в течение вечности. Пока я мечтаю о том, как становлюсь на колени и поднимаю эту юбку. Она явно надела это платье для меня.

Я замираю на месте, тупо глазаю на нее, пока ребята проходят мимо. Боковым зрением вижу их самодовольные лица. Дрю кивает Фи.

— Спасибо, Дрю Би, — говорит она ему, растягивая первую букву его фамилии.

— В любое время, Фи-Фи. — Его улыбка становится широкой и довольной.

Я вспоминаю о том, что они знают друг друга, живут в одном городе и тусуются вместе.

Мгновенно я начинаю ревновать ее к Дрю. Но он, очевидно, помог этой встрече состояться, поэтому не могу злиться на парня.

Мое внимание в любом случае сосредоточено на Фи. На ее неуверенной улыбке, светящихся счастьем глазах. Она поднимает руку, держа пакет полный чего-то округлого.

Ее слегка хриплый голос дрейфует в воздухе вокруг нас.

— Понимаю, ребята дарят девушкам цветы, но я знаю, что тебе больше по душе еда. Так что купила немного вишни...

Ее слова прерывает писк, когда я обнимаю худенькое тело девушки и поднимаю ее над землей. Я целую ее без колебаний, открыв рот и сплетая наши языки. Она на вкус как вишня и сама Фи, и пахнет радостью.

Моей радостью. Моей Фи.

И вот так просто я теряю самоконтроль. Черт, я почти плачу. Стою и тискаю ее прямо посреди улицы.

Мой голос хриплый, когда беру себя в руки и улыбаюсь ей.

— Ты уже ела мои вишни?

Она морщит нос.

— Я же должна была проверить, хороши ли они. Не могла же я принести тебе некачественный продукт.

— Ты должна была и так это понять.

— Я не настолько проникательна, Итан, — говорит она, глупо улыбаясь. — Лучше привыкай к этому.

— А ты не вздумай меняться.

Она все еще в моих объятиях, ее ноги болтаются на уровне моих голеней, а сладкая грудь как раз напротив моей груди. И я не могу удержаться от того, чтобы снова ее поцеловать, то теплое местечко у нее за ухом, уголок ее губ, и как всегда Фиона дрожит от этого.

Черт, я не могу прекратить ее целовать в течение нескольких минут.

А она проводит пальцами по моему затылку, разминая напряженные мышцы, как будто знает, как сильно я в этом нуждаюсь.

— Фи... — я не могу даже нормально говорить.

— Покажи мне, где живешь, Большой парень.

Но проблема в том, что после того, как она попадет ко мне домой, не думаю, что буду в состоянии ее отпустить.

Глава 27

Фиона

ИТАН НАСТАИВАЕТ НА прогулке. Сегодня приятная ночь, воздух практически пахнет. И хотя сейчас ноябрь, на улице около двадцати градусов тепла — достаточно тепло, чтобы гулять в простом вишневом сарафане и кардигане. И это стоит того, чтобы увидеть, как по лицу Декса расплывается широкая улыбка, когда он разглядывает меня с головы до ног. Ага, ему известно, что я надела это платье для него. И потому он буквально излучает счастье.

Так. Что. Оно. Того. Стоит.

— Ты не боишься, что тебя заметят? — спрашиваю, когда мы идем в обнимку, а моя голова прижата к его теплой груди.

Он останавливается и целует меня — нежно, страстно, и улыбается, когда отстраняется.

— Не совсем. Здесь нелюдно. И я надел кепку. — Он тянет за козырек серой кепки и подмигивает. — И я не выгляжу, как обычно.

Нет. Он не надел типичные джинсы и футболку, вместо этого на парне надеты мягкие черные брюки и тонкий вязаный свитер, прикрывающий легко узнаваемые татуировки. Он выглядит скорее как типичный джентльмен Нового-Орлеана, нежели футболист.

Дрю с другими ребятами уже уехали, подняв столько шума, что подозреваю, они специально пытались отвлечь внимание от Итана. Парни — хорошие и верные друзья. Я знаю, они сделают, что угодно, лишь бы его защитить. И все же я ощущаю эту стену между Итаном и, ну, всеми, за исключением меня.

— Твои друзья никогда не зовут тебя Итан. Всегда Декс или Декстер. Почему?

Он пожимает плечами.

— Я всегда был для них Дексом. Даже не уверен, что некоторые из них знают мое имя. Как и то, кто я такой.

Он так спокойно признает то, что меня беспокоит. Мне хочется закричать, махая кулаком над головой. И поэтому мой голос кажется резким и злым.

— Ты выше этого. Ты кто-то намного больше.

— Только для тебя. — Он касается моего лица, проводит грубыми кончиками пальцев по моему виску, пока смотрит на меня с такой нежностью, что сердце болит. — Никто другой не видит всего меня, Вишенка.

Этот мужчина. Знаю, он не пытается делать это, но всегда говорит именно то, отчего мой мир переворачивается с ног на голову. Мой гнев по отношению к нему развеивается, оставив по себе лишь теплое нежное чувство довольства.

Улыбаясь, я прижимаюсь щекой к его ладони.

— Просто, к твоему сведению, никто никогда не давал мне странные фруктовые имена.

На секунду он широко улыбается.

— Знаю. — Его большой палец поглаживает меня по щеке. — Я скучал по твоему лицу.

— А я скучала по всему в тебе. — Прошло две недели. А если говорить о моей потребности в нем, то это целая вечность.

Он целует меня, пока мы неспешно шагаем, и с каждым шагом я чувствую себя все легче, хихикая и поглощая Итана.

Кажется, он ощущает себя аналогично, мы вместе смеемся над глупостями, радуемся тому, что рядом, останавливаясь каждые пару метров, чтобы поцеловаться, прикоснуться к лицу другу друга лишь потому, что можем это сделать.

Начинает моросить дождик, тихо падая и усиливая ароматы города, орошая брусчатые тротуары, подчеркивая запах теплой еды и нотки плесени и гнили, придающие городу ощущения его древности, чего лишен Нью-Йорк.

Вокруг нас струятся звуки джаза, тяжелого бита рока, пиликанья кантри, разрозненные записи попсы. Все это объединяется и складывается в единую песню. Дождь тепло и нежно постукивает по нашей коже, увлажняя ее.

Мы проходим вдоль улицы Бурбон и движемся глубже в Французский квартал, подальше от реки. На тихой улочке Итан прислоняет меня спиной к глянцевой черной французской двери, защищенной от дождя отделочной аркой.

Его ладони накрывают мои щеки, пока парень целует меня так, словно ему больно без этого жить. Неспешно, лихорадочно, глубоко. Его язык нежно касается моей верхней губы, а затем он жестко втягивает в рот нижнюю губу. Это так приятно, что я дрожу напротив его тела, сжимая в кулаки теплый свитер Декса.

Он такой большой, что практически закрывает свет со стороны улицы, и я знаю, что скрыта за его телом в этом маленьком влажном уголке. Его руки обрамляют мою шею с обеих сторон, большие пальцы касаются моего подбородка, поворачивая мое лицо так, как он того хочет.

Я могу лишь хныкать, цепляясь за него, целуя в ответ изо всех своих сил.

Его большая рука скользит по моей груди, накрывая ее и властно сжимая, а затем скользит еще ниже, по ребрам к моему бедру. Он опирается на меня, прижимаясь своей грудью к моей, когда тянется еще ниже, ныряя рукой под мою юбку.

— А ты знаешь, — бормочет он почти что непринужденно напротив моих губ, — что

когда задыхаешься и издаешь эти тихие хныканья... — Его пальцы пробегают по моему бедру, следуя линии края моих трусиков. — Я всегда обнаруживаю, что ты... — Он скользит под трусики. — Влажная. — Его тело вздрагивает, когда грубый кончик пальца потирает по гладкой плоти. — Всегда такая охренительно влажная для меня.

— Да.

— Боже, просто чувствовать тебя. Твои соки текут на мои пальцы. — Его рука слегка дрожит, когда Декс закрывает глаза и снова меня целует. Снова. Снова.

Он словно околдовывает меня, отчего мои конечности тяжелеют и горят. Моя киска пульсирует, обожая оказанное ей внимание и желая большего.

Его пальцы скользят дальше, и я хныкаю. Он толкает их настолько, что я ощущаю это, желая большего, а затем выскальзывает, поглаживая и выводя круги, лениво и томно исследуя мою влажность.

— Итан... — я ерзаю бедрами, пытаюсь сделать так, чтобы его пальцы проникли глубже. — Прекрати со мной играть.

В ответ он облизывает мою верхнюю губу, все еще нежно лаская киску.

— Тебе это нравится.

Знаю. Очень нравится. Но я не в состоянии говорить связно прямо сейчас. Я могу лишь стонать и толкаться бедрами, требуя большего. Но он быстро фиксирует меня, не уступая.

— Скажи это, Вишенка. Расскажи, как сильно тебе это нравится, и я дам все, в чем ты так нуждаешься.

Облизывая припухшие от поцелуев губы, я поднимаю на него взгляд, изучая тени и светлые участки его лица в тусклом свете улицы.

— Я люблю это, Итан. Трахни меня своими длинными пальцами, а затем засунь в мою киску свой толстый член.

С его уст срывается резкий выдох.

— Хорошо сыграно, дорогая.

А затем его пальцы быстро, жестко и глубоко толкаются в меня. И это все, что требуется, чтобы довести меня до грани. Оргазм накрывает меня столь стремительно, что я всасываю воздух так жадно, будто тону.

Итан замедляет движения пальцев, другой рукой накрывая мою щеку, и порхая губами поверх моих так, словно хочет выпить мое удовольствие.

А когда я наконец-то расслабляюсь рядом с ним, мое тело обмякает и кренился, он вытягивает из меня пальцы, подносит их к своим губам и всасывает в рот.

— Самая сладкая вещь, которую я сегодня пробовал.

Слабый смешок вырывается из моей груди.

— Я создала монстра.

Итан же просто усмехается до того, как обратить свое внимание на маленькую панель управления за моей головой.

— А теперь смотри внимательно. — Он нажимает номер, но я останавливаю его, вскрикивая.

— Это твой дом? Мы сделали это прямо перед твоим домом?

Он не прекращает улыбаться.

— Ты, кажется, злишься.

— Ну... — Я смущена. — Почему мы не вошли? Ты знал... — Мои щеки заливают тепло. — До того.

Я даже не понимаю, почему так стыжусь. Очевидно, что минуту назад это меня не волновало.

Его грудь дрожит от смеха, когда Итан смотрит на меня так, словно думает о том же.

— В этом и состоял мой план. Но потом я почувствовал твое сладкое тело напротив своего, и все планы пошли коту под хвост.

Прикусывая нижнюю губу, будто бы желая таким образом прекратить улыбаться, он вводит код: 11-55-88. Дверь со щелчком открывается.

— Войдешь?

— Ага. — Я сосредотачиваюсь на том, чтобы ровно стать.

— Хорошо. — Он кивает на панель. — Запомни код. Если в любое время захочешь приехать сюда, тебе всегда рады у меня дома. В любое время, Фи. Так долго, как ты того захочешь.

У меня першит в горле. Я стою перед ним, потеряв дар речи, и в состоянии лишь сжимать его большую руку своей маленькой. И то, что он сделал, кажется невероятно важным. Огромным. Слово обязательство, свидетельствующее о постоянстве.

Это пугает и вдохновляет одновременно. Так что я отвечаю единственное, на что способна.

— Я ошибаюсь, или у Грея правда в колледже был номер восемьдесят восемь? — Итан моргает, явно ожидая от меня другого ответа, но затем кивает. — Ага. А у Дрю одиннадцать. Мой номер был и до сих пор остается — пятьдесят пять.

— Ого. Да ты крут? — И идеален. И мой.

— Легко запомнить, — отвечает он резко. — А теперь идем в дом.

Дверь в дом Итана выходит в небольшой проход, освещенный фонарем из кованого железа. Мы следуем по нему к приватному дворику.

— Вау, — говорю я, когда проходим в центр пространства. — Здесь красиво.

Матовый круглый фонарь расположен посреди двора. Небольшие огоньки мерцают на поросших плющом стенах среди сада миртовых и пальмовых деревьев. В центре работает украшенный орнаментом фонтан.

— Как-то так, — говорит Декс, беря меня под руку. Он осматривается вокруг, словно видит все моими глазами. Покрытую бугенвиллиями лоджию, где приютился шезлонг на двоих. А еще массивную тракторную шину в одной из сторон двора. По ширине она практически равна моему росту. Губы Декса слегка приподнимаются. — Ну, за исключением шины.

— Расскажешь мне, что она здесь делает?

Он опускает голову и чешет затылок.

— Я бью ее кувалдой. А иногда пинаю.

— О, конечно. А почему бы и нет?

— Это работает. Но времени на подобные вещи хватает только между основными спортивными сезонами. — Так беззаботно. Но честно, Итан не может скрыть свою самодовольную усмешку.

— Она, должно быть, тяжелая?

Он пожимает своими широкими плечами.

— Около полу тонны.

Смеясь, я качаю головой.

— Да ладно.

Декс подмигивает.

— Дж. Дж. Уайт делает подобное, значит я тоже. Ни за что не собираюсь дать слабину, когда встречусь с одним из лайнменов противника, и он попрет на меня, словно танк.

Декс в равной степени скромный, но и жестокий конкурент.

Я сжимаю его руку. Ни капли слабину.

— Мой большой, сильный мужчина.

— Ага, я такой, — говорит он, без колебаний, а затем знакомит меня с окружением. — Узкое здание по ту сторону — гостевой домик. Строение далее — старый каретный дом, сейчас служащий гаражом на первом этаже и моей студией для живописи на втором. Можешь осмотреться здесь завтра, — заканчивает он, нежным голосом, согревая мою руку своей. А затем Декс тянет меня в основной дом. Мы направляемся к лестнице, прямиком на второй этаж. Проходим мимо большой открытой гостиной с кирпичными стенами, широкими деревянными половицами, и следуем через изысканную кухню. Здесь еще больше элементов кирпичной кладки. Огромный остров по центру, приборы из нержавеющей стали, белая мраморная столешница.

Мне хочется впитать все это, но Декс сосредоточенно ведет меня, шагая уверенным широким шагом.

— Не голоден? — дразню я, когда мы проходим мимо кухни.

Он оглядывается на меня, не скрывая жара и потребности во взгляде.

— Не из-за еды. — Его нос морщится. — Христос, это прозвучало слишком слащаво?

Я смеюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет, это было мило.

— Мило, — повторяет он. — Именно так каждый парень и хочет быть характеризован. — Он останавливается в дверях, ведущих из кухни. — А ты голодна? Мне следовало спросить. Я...

— Не из-за еды, — говорю я. Потому что тоже могу вести себя слащаво.

И на этом он снова начинает идти. Мы поднимаемся по лестнице на верхний этаж. Спальня выходит во внутренний дворик. И тусклый свет фонарей с улицы проникает через большие застекленные окна, полуприкрытые решетчатыми жалюзи.

Здесь немного мебели, лишь большое кресло, комод и огромная кровать с мягким изголовьем из кожи.

Я могу почувствовать запах сосны от половиц и пряный аромат кожи Итана. Здесь тепло и тихо. Достаточно тихо, чтобы я слышала его прерывистые вдохи и ровное сердцебиение. Он становится передо мной, такой большой и настоящий, и я чувствую его тепло, даже несмотря на то, что мы пока не прикасаемся друг к другу.

Медленно, он вытягивает руку и снимает мой кардиган. Его пальцы осторожно сдвигают ремешок моего сарафана. И когда одна моя грудь оказывается обнажена, Декс сдвигает ремешок с другой стороны, пока ткань сарафана не спадает к моей талии. Итан уже видел меня голой, облизывал мое тело, посасывал каждый дюйм моей плоти, но от того, что стою здесь сейчас, перед ним, вот так, я невероятно возбуждаюсь. Мне приходится бороться за следующий вдох.

Дыхание становится неровным, когда он издает довольный стон и трет кончиками пальцев по моим соскам. Взад-вперед, едва прикасаясь к ним. Боже. Я борюсь с желанием

выгнуть спину навстречу его прикосновениям, потому что так сложно оставаться неподвижной, позволяя ему ласкать меня, пока мои соски набухают и ноют.

Он обводит их по кругу, поглаживая огрубевшими подушечками пальцев, а затем, без предупреждения, щипает, оттягивая и снова отпуская.

Моя грудь подпрыгивает, и я хнычу, тогда как ноги начинают подкашиваться.

— Я планировал всю эту прелюдию, — шепчет он, играя со мной, лаская и пощипывая. Он ведет себя со мной почти что непристойно, словно я его игрушка, если не учитывать того, насколько все это действие в то же время благоговейно. — Но не думаю, что могу ждать.

Облизываю пересохшие губы. Я близка к оргазму, а он всего лишь прикасается к моей груди.

— Не жди, — отвечаю я.

Его взгляд встречается с моим. В тени комнаты он кажется таким серьезным, почти устрашающим. Но мне знакомо это выражение лица. Это потребность. Сильная и чистая. Как и он сам. Я поднимаю его свитер, стягивая ткань через голову парня, а затем обнимаю его за шею. Прижимая теплую кожу к своей и вызывая обоюдный стон. Вдыхая, я целую его шею.

И это все, что нужно.

Мягкие покрывала окутывают меня, а твердое тело Итана накрывает сверху. И больше нет никаких разговоров.

Глава 28

Фиона

ПОКРЫТАЯ ПОТОМ И истощенная, я валяюсь поверх голого тела Декса. Мне нравится то, что он такой большой, что ни одна моя конечность не касается кровати. Несмотря на это, его рука лениво обнимает меня за талию, удерживая в безопасности, словно он опасается, что я упаду. Его пальцы выводят случайные узоры на моей спине.

— Как собираешься с этим справляться? — спрашиваю я.

Его тело напрягается, так что я знаю, он понимает, о чем я.

— Не с чем тут справляться. Я просто не буду давать никаких комментариев, и все уляжется.

Я поднимаю голову, чтобы расположить подбородок на его груди.

— Ненавижу говорить это, но не уверена, что все уляжется так быстро. Возможно... Ну, почему бы тебе просто не сказать им, что ты со мной?

— Нет. — Он практически выкрикивает это слово, а затем сжимает губы. И мое сердце болит, словно его растоптали.

— Ты не хочешь рассказывать никому о нас?

Его ладони моментально накрывают мои щеки, а глаза округляются.

— Дерьмо, Фи, я не это имел в виду, я не стыжусь этого и не хочу скрывать. Я говорю о том, что ни за что на свете не стану втягивать тебя в дерьмовое шоу со СМИ.

— Это на самом деле должно быть моим решением. Особенно, если оно поможет тебе. А я хочу тебе помочь, Итан.

Вдыхая, он плюхается обратно на подушку и смотрит в потолок, его рука все еще поглаживает меня по щеке.

— Спасибо тебе за это, Вишенка. Но я не могу... — Он прерывисто вздыхает. — Не проси меня соглашаться на это. Я не смогу смотреть, как они станут разрывать тебя на части. — Он опускает на меня взгляд, теперь в свете лампы его глаза золотисто-зеленые. — Пожалуйста.

— Все в порядке, — говорю я нехотя. — На данный момент. Но, клянусь, если куча сумасшедших женщин начнет тебя преследовать, я сделаю свой ход.

Медленная улыбка растягивает его губы.

— Мне немного нравится, что ты такая властная, Фи.

Я фыркаю, но все равно целую его в грудь.

— Хотя, мне жаль. Что это происходит.

— Ага, — говорит он, вздыхая. — Мне тоже.

Мы погружаемся в молчание, теряясь в собственных мыслях, Декс гладит меня по волосам, а я дрейфую в странном состоянии полусна.

Песня группы Sneaker Pimps "Six Underground" тихо играет из колонок по разные стороны от кровати.

— Я никогда не спрашивала тебя, как ты дошел до музыки в стиле трип-хоп, — бормочу я, стараясь говорить тихо.

— Ты спрашиваешь меня об этом сейчас? — В его голосе слышна улыбка.

— Умник. — Я легонько толкаю его в ребра локтем, наслаждаясь тем, как он корчится словно от щекотки. — И да. Я говорила тебе, когда мы впервые поцеловались, что не ожидала твоей симпатии к данному стилю. Это все еще меня удивляет.

Он делает вдох, и я приподнимаюсь вместе с его грудью.

— Ладно, но не смейся.

— Это предупреждение, чаще всего служит гарантией того, что я засмеюсь.

— Ладно. Смейся на здоровье, — говорит он. — Все дело в рекламном ролике. Я постоянно слышал эту песню и... — Он приподнимает голову, чтобы бросить на меня взгляд, хотя на его губах мерцает улыбка. — Ты уже смеешься?

Я душу смешок.

— На самом деле, у меня была та же ситуация.

Его губы дергаются, а карие глаза сейчас блестят больше золотом, чем голубизной.

— Какая песня?

— Их было две. Morcheeba "Crimson" и Massive Attack "Paradise Circus". А у тебя?

— Zero Seven "In the Waiting Line".

— Люблю эту песню. Она звучала еще в сериале "Секс и город".

— Поверю тебе на слово. — Ворча, он поворачивается, и вдруг я оказываюсь на кровати, а Декс нависает надо мной, его теплое тело аккуратно прижимается к моему. Его губы отыскивают мою шею и посасывают. — Боже, я люблю, как ты пахнешь.

Мои пальцы зарываются в его распушенные волосы.

— И как же я пахну?

— Словно счастливые мечты и отлично оттраханная женщина.

Смешок срывается с моих уст, и я притягиваю его ближе, когда Декс перемещается к моей ключице, а его руки скользят к моей груди. Толстая и твердая эрекция вжимается в мое бедро, дразня, но я позволяю ожиданию сделать свое дело.

— Мне тоже нравится, как ты пахнешь.

Он останавливается, его губы касаются моего плеча, а борода щекочет грудь.

— И как же я пахну?

— Словно... — Я улыбаюсь, глядя в потолок и размышляя. — Блинчиками и полночью.

— О? — Его голос приглушен, когда Декс снова начинает изучать изгиб моей шеи и дразнить соски грубыми кончиками пальцев.

Я извиваюсь, пытаюсь раздвинуть ноги шире и позволить ему оказаться между них. Он стонет в ответ, но не входит в меня. Ожидая, что я скажу дальше.

Мой голос слаб, потерял из-за порхающих по коже губ парня.

— Ну знаешь... — Я целую его в висок, затем в щеку, — когда ты всю ночь потел и страстно трахался... — Я втягиваю аромат его кожи лица. — Занимаясь этим до тех пор, пока можешь едва двигаться. И ты нагулял аппетит, который способна удовлетворить лишь стопка блинов и еще больше горячего секса?

Итан поднимает голову, его взгляд задумчив, но выражение лица внимательное.

— У тебя было много ночей подобных этой?

Я осознаю, что ляпнула, и мои пальцы напрягаются в его волосах, когда произношу абсолютную правду.

— Только с тобой, Итан. Вот почему это твой запах. — Боже, его улыбка, она раскрывается, как весенний листик во время дождя, растягивается широко и открыто.

— Хороший ответ.

К сожалению, мой живот также имеет свой ответ, и он так ужасно рычит, словно разговоры о еде выпустили голодных псов.

Итан лишь шире усмехается, а затем хохочет.

— Что это было? Я не совсем уловил последние нотки.

— Заткнись. — Я хлопаю по его плечу, пока румянец заливает все мое тело. — Мы пробывали здесь уже несколько часов.

— Час за часом, — подтверждает он, торжественно кивая, хотя самодовольное удовлетворение в его выражении лица становится лишь очевиднее.

До того, как могу сказать хоть слово, Итан подхватывается и тянет меня с собой. Я визжу, когда он поднимает меня одной рукой.

— Итан, какого хрена?

Он вылетает из спальни. Слишком быстро, как для истощенного мужика. Его выносливость меня поражает.

— А как ты думаешь? Пойдем приготовим тебе блинчиков. Мне нужно поддерживать силы в своей девушке.

Декс

НЕСМОТРЯ НА МОИ добрые намерения, план покормить Фи блинчиками трещит по швам, как только она рассказывает мне, что для этого нам нужна мука.

— Бля, — говорю я, останавливаясь посреди кухни. Фи цепляется за меня, словно маленькая прилипла, ее ноги оборачиваются вокруг моей талии, а киска трется о мой живот — что угрожает сломить мою волю и вернуть нас в спальню.

Она сонно улыбается, но ее глаза полны похоти.

— Ты же никогда не готовил блинчики, верно?

— Я не силен в готовке. Но погоди. — Я веду нас к холодильнику. Держа ее крепко одной рукой, открываю дверцу и роюсь в содержимом.

Фи еще раз очаровательно визжит, когда мы наклоняемся вперед. Но я удерживаю ее. Она не упадет у меня на глазах. Ее вес для меня не существенен.

Смутные фантазии о том, что я упражняюсь, таская Фи на спине всплывают у меня в голове, когда хватаю коробку еды на вынос и опускаю девушку на столешницу, зарабатывая еще один вскрик.

— Дерьмо, здесь холодно, — говорит она, смеясь. Но откидывается назад на одной руке и нахально мне усмехается, а ее золотистые волосы дико торчат во все стороны.

Черт, она так великолепна. Так идеально мне подходит, что у меня перехватывает дыхание.

Ее сладкие торчащие груди с твердыми сосками, кажется, постоянно просят о том, чтобы я их пососал. Крошечная талия и округлые бедра. Попка размером с мою ладонь. Настоящее тело Тинкер Белл.

Хотя я никогда не называл ее Тинкер, как это делают Айви и Грей. Она, может, и маленькая, но для меня Фи имеет такое большое значение, как сама жизнь.

Хватая ее за колени, я раздвигаю ноги девушки. Ее розовая прелестная киска уже блестит влагой для меня. Мое любимое место во всем мире. Я ступаю между ее ног и потираю изгиб ее бедер.

— Я тебя согрею.

— Уверена в этом, — бормочет она, ее взгляд скользит по моей груди так властно, что меня наполняет гордость и благодарность.

— Хотя, во-первых, я обещал тебя накормить. — Я хватаю коробку с едой на вынос и вынимаю китайские пельмени.

Фи приподнимает брови.

— Холодные пельмешки?

— Лучший ночной перекус всех времен. — Я подношу пельмень к ее губам. — Поверьте мне. — Ее выражение лица искажает сомнение, но она все равно кусает и издает тихий стон удовольствия.

— Вкусно, ага?

Она глотает и открывает рот снова.

Я осторожно кормлю ее пельменями, пока Фи не заявляет, что наелась. Затем я передаю ей немного воды.

— Все хорошо? — спрашиваю, целуя чувствительное место в уголку ее губ.

— Ага.

— Хорошо. — Облизывая пальцы от заправки пельменей, я делаю шаг ближе. — Извини, что не смог обеспечить тебе полуночные блинчики.

Я провожу рукой по ее мягким бедрам. Один рывок, и она на краю столешницы.

Глаза Фи прищуриваются, а ее пухлые губы растягивает хитрая улыбка.

Я улыбаюсь в ответ, не говоря ни слова, но позволяя ей понять, что у меня на уме. Кончик моего члена трется о вход ее киски. Она влажная и теплая, и это занимает все мои мысли.

Легкая дрожь пробегает по ее телу.

— Пельмени оказались очень хорошей альтернативой.

— Ммм. — Я едва проникаю в нее, поддерживая бедра девушки и не позволяя ей завалиться.

— Пельмени и глубокое проникновение.

На это она смеется.

— Глубокое проникновение... О!

Я толкаюсь в нее без предупреждения.

— О! — Фи снова ахает, ее спина выгибается, когда двигаюсь еще глубже. Ее грудь приподнимается, словно подношение. Ну, а затем... Я наклоняюсь вперед и втягиваю в рот один из розовых сосков.

— Вот дерьмо, — шепчет она, ее брови сильно хмурятся, а рот приоткрывается. — Пиздец, Итан.

Я не останавливаюсь, насаживая ее на свой член, наслаждаясь тем, как она хнычет и ерзает, пытаюсь подстроиться под меня, но очевидно, желая каждый сантиметр, что я могу ей дать. Ее теплая и влажная киска так подходит мне, сжимая мой член настолько крепко, что я чувствую это своими яйцами и даже мышцами бедер.

Когда я выскальзываю из нее, то на минуту останавливаюсь, потому что это слишком приятно. Но Фи хватает мои волосы и толкает грудь навстречу моему рту, словно умрет, если я не стану сосать ее еще сильнее, словно она нуждается в большем.

И я не могу сдерживаться. Мы оба стонем, когда проскальзываю в нее, устанавливая волнообразный ритм и достигаярая. Чистейшего идеальногорая.

Каждый толчок немного жестче предыдущего, немного глубже, мой пирсинг скользит по точке внутри ее киски, и каждый раз она, задыхаясь, кричит "ах!".

Я посасываю ее сосок, скользя вокруг него языком. Жар лижет мои бедра и спину. Я стону, вколачиваясь в нее снова и снова. И ей нравится это, ее руки хватаются за мои плечи, а ноги крепко сжимают мою талию, когда она опускается на мраморную столешницу.

— Итан. Итан. — Это слабый, нуждающийся крик.

Я склоняюсь над ней, практически забираясь на столешницу, так как прямо сейчас ослеплен похотью. Фи такая красивая передо мной, ее выражение лица воплощает удовольствие.

— Не останавливайся, — говорит она.

И я не останавливаюсь. Не могу.

Это. Это то, чего я хочу, то, в чем нуждаюсь, связь с Фионой — это то, что я готов переживать до умопомрачения.

Она кончает, всхлипывая, и это разрушает меня. Как я собираюсь позволить ей снова уехать? Мой оргазм крадет у меня весь воздух, мой голос. Я опустошаю себя, отдавая ей все, что у меня есть, но этого не достаточно, чтобы удержать ее здесь.

Этого никогда не достаточно.

Глава 29

Фиона

И СНОВА АЭРОПОРТ. Почему они все пахнут одинаково? Декс проводит меня к линии авиационной безопасности, и я чувствую себя так, словно иду на собственную казнь. Все мое тело хочет противиться движению вперед. Возможно, Декс чувствует себя так же, потому что не пытается торопить меня, даже несмотря на мой вялый темп и то, что ему приходится делать нетипичные короткие шажки.

Когда мы оказываемся в пределах видимости зоны авиабезопасности, его пальцы

прижимаются к моей пояснице, словно Итана донимают идеи о том, чтобы схватить меня и утянуть отсюда. Я не была бы против.

Тихо ворча, он притягивает меня в свои объятия. Я бросаю взгляд в его серьезные, полные боли глаза. Его теплые руки прижимаются к моим щекам, а затем он целует меня. Глубоко, отчаянно и смакуя, словно отдает все свое сердце в каждое прикосновение, словно пытается запомнить каждую секунду. И я теряюсь. Совершенно.

Звуки исчезают. Есть только Итан и то, как приятно его ощущать рядом, как хорошо мне. Я встаю на носочки, обнимаю его за шею, пока целую парня в ответ, отдаваясь своей потребности в нем. Не знаю, как долго мы так стоим, но когда он разрывает поцелуй и перемещает губы на мой подбородок, нежно покусывая, мои губы кажутся чувствительными и припухшими.

Большие руки ласкают мою спину, бока, скользят от груди к попе и поднимаются к ребрам. Он не пересекает линии дозволенного, но сводит меня этим всем с ума.

— Пей воду в полете, — бормочет Декс напротив моей кожи, целуя в шею, подбородок, губы, щеку.

— Ладно. — Мои руки тоже блуждают, от кистей его рук до широких плеч, скользят по его рельефной груди.

Он притягивает меня ближе, согревая кожу своим дыханием.

— Если какой-то странный парень попытается с тобой заговорить, скажи ему отвалить.

Я смеюсь на это.

Итан не смеется. Он прикусывает мою шею зубами, щекоча бородой.

— Не забудь размять ноги.

— Итан, — я провожу пальцами по его шелковистым волосам. — Это короткий перелет.

— Он слишком долгий, — бормочет он. И я знаю, что он говорит не о времени, а о расстоянии.

Мое дыхание перехватывает от укола боли.

Это ломает чары между нами. Декс делает шаг назад, его руки опадают по сторонам, словно если будет обнимать меня и дальше, это причинит ему боль.

Он смотрит на меня такими яркими пустыми стеклянными глазами.

— Безопасного тебе полета, Фи.

— Скоро увидимся, Итан.

Его кивок — призрак движения.

Требуется невероятное усилие, чтобы пошевелиться, взять ручку чемодана. Я пытаюсь идти, когда он бормочет ругательства и хватает меня. Меня обхватывает гора мышц и руки из стали. Он обнимает так крепко, нависая надо мной, что его нос зарывается в изгиб моей шеи.

Мои руки оборачиваются вокруг его талии, пальцы цепляются за ткань футболки.

Он глубоко вздыхает, а затем прерывисто выдыхает.

— Ненавижу это. Так сильно ненавижу. — Его захват вызывает ноющее чувство в моих ребрах, а голос кажется резким. — Кажется, словно у меня вырвали жизненно-важный орган.

Мои глаза жалят, горло сжимается. Приходится сглотнуть, чтобы хоть что-то сказать.

— Итан...

Но он качает головой и отодвигает меня от себя. Его выражение лица почти злое, челюсть сжата под покровом бороды.

— Время идти, Вишенка. Просто... не оглядывайся, ладно? Или я не смогу тебя

отпустить.

Блядь. Мое зрение затуманивается. Всхлипывая, я киваю.

— Хорошо. — Но не могу пошевелиться.

С грустной улыбкой на лице, он похлопывает меня по плечу и разворачивает в сторону зоны безопасности.

— Иди сейчас. — Его большая рука шлепает по моей попке. — Давай.

Я немного подпрыгиваю, оглядываясь через плечо.

— Ты только что прозвучал как ужасный южанин, мистер.

Появляется улыбка.

— Я ходил в южный университет. Думаю, кое-чему там научился, мэм. — Улыбка исчезает. — Иди, Вишенка. Не оглядывайся.

— Не буду. — Не могу. Или никогда не уеду.

Мой чемодан сейчас весит тысячи тонн, пока тащу его за собой, каждый шаг, что отдаляет меня от Итана. Я не оборачиваюсь, но чувствую его взгляд. Знаю, он не уйдет, пока не исчезну из виду.

Слезы угрожают выскользнуть из глаз, но я дышу глубоко и глотаю их. Не могу позволить, чтобы он увидел меня плачущей.

Когда пересекаю зону безопасности, телефон издает сигнал. Опустив глаза, я почти что снова теряю себя.

БойсяБороды: Мое сердце с тобой. Всегда.

Глава 30

Декс

ВЕЧЕРНИЙ ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ в понедельник. Аудитория не такая неистовая, как была в университете. Фанаты скорее кричат "ты отстой", чем выражают свою вечную любовь. Потому что все дело в победе. Конечно, в университете победа нам тоже была нужна. Но студенческий дух превосходил достижения команды. А здесь? Моя работа оказывается под ударом, если не устраиваю шоу.

Стадион не большой. Да нам и не нужен большой. Повсюду камеры, снимающие каждое чертово движение, что мы делаем на публику, которая год от года все увеличивается — большая ненасытная масса невидимых фанатов. Черт, я начинаю думать, что это не спорт, а театр. Мы устраиваем шоу, и это шоу должно быть хорошим.

Прямо сейчас, я столкнулся с большим ублюдком нос к носу. Эммет Сэмпсон. Мы играли в разных командах в университете, и я знаю его тактику. Ему нравится поливать других помоями. Выделяться на этом фоне. Уверен, что он изучает своих противников, выискивая худшие детали, которые способен о них найти.

Но Эммету меня не задеть, потому что я обычно и глазом не моргаю на его чушь. Не то чтобы он не продолжает пытаться.

— Вы только посмотрите, — говорит он, когда мы выходим на поле. — Это же старый Поль Баньян. Где твой большой синий бык, мальчик?

Пошел на перекур в дом твоей мамочки.

Но я не говорю этого. Не отвечать — гораздо эффективнее.

Я присаживаюсь, мои квадрицепсы приятно растягиваются, возвращая меня к

материальным вещам.

— Так это дерьмо — правда, Декс? — продолжает он. — Ты все еще не сорвал свою вишенку? Черт, мужик. — Он качает головой. — Какое-то идиотское дерьмо.

Я глубоко вдыхаю. Обращаю внимание на мою команду. Его команда. Наблюдает. Ждет. Слушает.

— Не-а, я не верю в это. Так в чем же дело, Декстер? Боишься кисок? — Эммет мяукает, словно кот.

Звук уходит на второй план, когда сосредотачиваюсь на линии. Подушечки пальцев перчатки опускаются на мяч, его форма дает мне ощущение стабильности. Я втягиваю воздух, поднимаю взгляд, пока не вижу всю картину в целом — мои ребята, линия обороны, то, как они выстраиваются. Я выкрикиваю, чтобы они заняли игровые позиции. И мои парни энергично перемещаются. А команде противников остается лишь следовать.

Мгновенно Финн подает свой сигнал, я хватаю мяч и вливаюсь в игру.

Мы с Эмментом встречаемся, словно раскат грома, шлемы ударяются, кости гремят. Мои бедра напрягаются, когда толкаюсь вперед, подушечки пальцев ног зарываются в мягкий грунт, когда обхожу Эммента сзади. Он пытается поймать в кулак мои запястья, посылая резкую боль в мои руки и затем прямо в мой мозг. Но я держу мяч еще крепче и отталкиваю его в сторону, освобождая путь для своих парней.

Эммет валится вниз. И, когда игра заканчивается, я наклоняюсь над ним.

— Если бы твоя задница была хоть в половину такой же шустрой, как твой рот, я бы стал побаиваться, сучка. — Бросаясь обратно к своим парням, я даю подзатыльник по шлему Финна. — Давай зажжем, пройдоха.

Он усмехается мне.

— А то!

Остаток игры, мы так и делаем. Играем умно, хитро и зажигаем, словно чертов фейерверк на четвертое июля. Мои парни играют, будто хорошо смазанная машина.

Финн строит линию обороны с таким чутьем, которому невозможно научиться, это просто дано свыше и офигенно красиво со стороны.

Но насмешки не прекращаются, их становится лишь больше. Неважно, как хорошо я играю. И теперь дело даже не в устраиваемом мной шоу. Мир разрушил те стены, что я возвел вокруг себя для защиты, обнажив меня без моего на то согласия.

ФИОНА

МНЕ ПРАВЯТСЯ ВЕЧЕРИНКИ. Люблю шум и болтовню, возможность пообщаться новыми людьми. Люблю бесплатную выпивку и выбор хороших маленьких закусок. Мне нравится наряжаться и разглядывать платья других женщин — я всегда начинаю завидовать хотя бы одному наряду.

Но данная вечеринка? Полный отстой.

О, еда невероятна. Шампанское рекой и декор настолько безупречен, как я себе и представляла. Пентхаус Джанис Марк невероятен, с видом на весь город, что распростерся под нашими ногами, словно блестящее платье, сверкая и мерцая ночь напролет.

Судя по всему, мне должно бы нравиться все это. Здесь находятся десятки лучших дизайнеров, что дает мне шанс на полезные знакомства. Да и энергетика вечера довольно приятная.

Но я просто ее не ощущаю. Потому что здесь нет Итана. Печально то, что я уверена, он бы возненавидел эту вечеринку. Я могу представить его прямо сейчас, дергающим воротник и пытающимся отыскать уютный уголок, чтобы спрятаться. Теперь он занимает все мое внимание, воспоминания о нем до того, как мы стали встречаться, всплывают в памяти. Он всегда сидел в углу, попивая воду и разговаривая с несколькими ребятами — или, скорее, слушая и совсем немного отвечая.

Но все, что он говорил, для меня всегда казалось очень стоящим. Итан осторожно выбирает слова, никогда не бросая бессмысленных фраз. Я помню, когда и как он очаровал меня этим, так как сама-то я обычно болтаю за двоих.

Помню, как он обычно наблюдал за мной своими глубоко посаженными карими глазами. Это, конечно, неудивительно, потому что я вела себя шумно, а люди обычно смотрят в мою сторону, когда я в комнате. И это никогда меня не волновало. Я предполагала, что Итан делал тоже самое — бросал на сумасшедшую Фи Маккензи любопытный взгляд, а затем возвращался к своей жизни.

Теперь я знаю, что было в этом нечто большее. Странно, что данная мысль вызывает у меня тепло по всему телу. Он видел меня, когда я не была в ударе и не пыталась впечатлить его, а просто была собой. Но Декс меня все равно хотел.

А сейчас он в Новом Орлеане, а я застряла на пятидесятом этаже посреди Манхэттена окруженная людьми, среди которых выросла. И теперь они кажутся мне чужими.

Отныне все кажется неправильным.

— Сказочная вечеринка, не так ли? — Джексон сегодня блистает, на нем надет сапфирово-синий костюм Zegna, который выглядел бы нелепо на большинстве мужчин, но ему он идет.

— Да. — Это правда. Даже если я хочу быть в другом месте, не могу отрицать этого. — Отчего я задаюсь вопросом, почему же Феликса нет здесь. — Мой босс должен был бы прийти.

— Как я уже говорил, Дженис, наша любимая хозяйка, злейший враг его клиентки, Сесилии. Сама идея того, чтобы впустить ее потенциального шпиона в свое новое гнездо, бесит Дженис. А это напоминает мне... — Он понижает голос. — Что тебе не стоит никому говорить, что ты работаешь на Феликса, ладно?

Мои губы кривятся.

— Не хочешь, чтобы тебя выперли отсюда?

— Даже не шути. — Он возится с манжетами рубашки с изображением павлинов, которая как ни странно отлично вписывается в этот образ.

— Ладно. — Я ставлю бокал шампанского, который пила в течение последнего получаса. Сейчас оно уже теплое и выветрившееся. — Буду молчать.

— Что не так? — Джексон бросает на меня хмурый взгляд. — Скучаешь по своему большому футболисту?

Я бросаю на него косой взгляд.

— Откуда ты узнал?

— Потому что Бенедикт Камбербэтч только что прошел мимо, и ты даже глазом не моргнула.

— Что? — Я мотаю головой, пытаюсь отыскать его в комнате. — Где?

— Я пошутил. — Он смеется, когда я сердито смотрю в ответ. — Видела бы ты свое лицо.

— Ты — мудака. — Я толкаю его в бок локтем. — Это было крайне подло. — Джейкссон знает, что я помешана на Камбербэтче — его низким и спокойным голосе, за которым явно скрываются извращения в постели.

Джекссон уворачивается от моих попыток вытянуть идеально сложенный платок из его нагрудного кармана, чтобы затем шлепнуть его этим же платком.

— А теперь, мой маленький эльф, давай полегче. Я все понял. Понял. Я был мудаком.

— Чертовски верно, — говорю я, фыркая. — Хотела бы я видеть, как ты себя повел, если бы я сказала, что видела Майкла Фассбендера.

Он бросает на меня наигранно ужаснувшийся взгляд.

— Ты бы так не поступила. Моя любовь к Фассбендеру намного выше твоей школьной влюбленности в Шерлока.

— Вообще-то, он нравится мне больше, чем Хан.

— О, мне тоже. Думаю, если бы я с ним встретился, то стал бы кричать а-ля капитан Кирк. — Джекссон кривит лицо так, словно беззвучно кричит "Хаааааннн!", и я смеюсь.

Улыбаясь, опускаю голову на его плечо, а он обнимает меня одной рукой, легонько сжимая.

— Так ты скучаешь по своему мужчине?

— Серьезно, Джек, откуда ты узнал?

— Уверен, что такое же выражение лица было у меня, когда впервые встретил свою родственную душу, а он решил, что должен жить в Милане целое лето, изучая все о тканях. Ублюдок. — Джекссон делает глоток белого вина, ведя меня вдоль стеклянной стены с видом на город. — Это было мучительно. Но по крайней мере, меня утешало то, что ему тоже было несладко.

— Слабое утешение. Я не хочу, чтобы Декс был несчастен.

Джекссон целует меня в макушку.

— Сладенькая.

— Это больно, Джек. Мне правда мучительно больно. — Я прижимаю кулак к его груди — центру боли. — Мне это не нравится.

Он смотрит на меня ликующим взглядом.

— Что мы с этим сделаем?

Прерывисто вздыхая, я смотрю в окно. Старая я уже бы сбежала, бросив свой тяжелый багаж и двинувшись дальше. И меня поражает само существование этой старой Фи, которая теперь изменилась. Не думаю, что это Декс меня изменил, скорее проведенное с ним время, забота о нем. И новая я не собирается убежать.

К сожалению, новая я идет совершенно без каких-либо инструкций к тому, как справляться с отношениями на расстоянии. А это было бы очень кстати. Так что же я собираюсь делать?

— Что-то радикальное, — отвечаю я автоматически. Делаю глубокий вдох и встречаюсь с Джексоном взглядом. — Что-то безумное.

От произнесения этих слов, мое сердцебиение ускоряется в ожидании. Да, что-то рискованное, смелое и правильное. Впервые за несколько дней я чувствую, что могу дышать.

Мой старый друг начинает усмехаться, словно ждет, что я еще что-то скажу.

— Кстати. — Джекссон тянется к внутреннему карману пиджака и достает лист бумаги. — Продал твой стол.

— Правда? — Я почти визжу, но сдерживаю свои эмоции.

— Да, мэм. — Он передает мне лист. — Твой чек.

Моя челюсть отвисает, когда читаю.

— Да ты меня разыгрываешь! — Я бросаю шокированный взгляд на Джексона, а затем на чек. — Он настоящий?

— Предположу, что вопрос риторический.

Ну, отчасти. Потому что не могу поверить в то, на что сейчас смотрю.

— Я заработала тридцать тысяч долларов за обеденный комплект мебели?

Джексон бросает на меня скучающий взгляд.

— Детка, это Манхэттен. Ты создаешь хорошую мебель, продаешь ее правильным людям, и если везет, получаешь тридцать кусков. По меньшей мере.

Мои губы, кажется, немеют.

— Я даже не представляла. То есть, я знала, сколько мы платим за мебель для наших клиентов, но не ожидала, что сама столько заработаю. У меня же едва ли известное имя.

— Пока что да... Но у меня известное, и я знаю, как продавать. А для тебя это лишь начало, Фи-да-ли. — Выражение лица Джексона становится серьезным. — Сладенькая, у меня никогда не будет детей, так что тебе придется выступить для меня суррогатной матерью.

Улыбаясь, я целую его в щеку.

— Папа Джексон. А можно я теперь составлю список желаемых подарков на Рождество?

Он толкает меня в плечо.

— Я не закончил, нахалка. Давай работать со мной, Фиона. Создавай мебель, а мы будем ее продавать. Когда ты созреешь, то сможешь открыть свое собственное дело.

С секунду, я могу лишь глядеть на него.

— Ты серьезно.

— Как личный тренер на Новый год. — Он мило улыбается. — Буду твоим боссом и помогу тебе построить свой путь в жизнь.

Прямо за плечами Джексона сверкают огни Нью-Йорка. Это такая же привычная картина, как и вид моего собственного лица, и тем не менее она никогда не перестанет меня завораживать. Но я хочу большего.

— А я должна буду находиться здесь, в Нью-Йорке?

— Производство в другом месте усложняет процесс, но детка, мы сможем все устроить. — Улыбка Джексона медленно расползается по лицу парня. — И нам определенно стоило бы расширяться в один южный город, особенно учитывая то, что у кое-кого есть контакты в той части страны.

Глава 31

Фиона

СИДЯ В ОФИСЕ в одиночестве, я позволяю тишине навалиться на меня. Все замелс звуки Манхэттена слились в далекий гул. Я выглядываю в окно, в сторону серых огней. Люблю этот город. Люблю всем своим сердцем. Но я была счастлива и в других местах.

И несчастна здесь. По вине Елены? И да, и нет. Да, она внесла в мою жизнь мучения. Но это было бы неважно, если бы я любила свою работу на самом деле.

Знаю, мир полон Елен. Я встречу ее снова и снова. Но вопрос в том, за что я хочу бороться? Признание Феликса? Нет. Я больше его не уважаю.

Поворачиваясь на месте, я провожу рукой по своему портфелю, кожа гладкая под моими пальцами. Маленькая улыбка растягивает мои губы. Она горько сладкая. Возможно, я поступаю неправильно. Не знаю. Я думала, что хорошо понимаю, куда хочу направить свою жизнь, когда окончила университет, что все будет ясно.

Я любила время в университете. Любила. Жизнь была одной большой вечеринкой, приправленной кусочками неистовства учебы между временем веселья. Я ничего не воспринимала серьезно, и это было отлично. У меня было время. Потому что, давайте на чистоту, быть студентом безопасно — по типу школьной жизни, но без присмотра родителей.

А сейчас? Ничего не кажется безопасным. Я раскачиваюсь в полном одиночестве, без каких-либо ограничивающих сетей. И это кажется на удивление приятным. Захватывающим. Ага, я могу эффектно облажаться. Могу никогда не отыскать то, что ищу в своей карьере. Но одно у меня точно есть.

Итан. Он мой. Весь мой. Удивительно, насколько это удовлетворяет.

И ужасает. Если я поскользнусь и упаду вместе с ним, то разобьюсь, буду сломленной и разрушенной.

Но по крайней мере, я хочу за него бороться.

Я привыкла думать, что возможно, парень сделает меня целостной. Но это неправда. Мне самой разбираться со своим дерьмом, но Итан делает это барахтанье в грязи намного легче. Он — моя награда, когда все сказано и сделано.

А это место? Я с ним покончила.

Осталось сделать одну единственную вещь.

— Фиона? — Елена выходит из-за угла, словно ее кто позвал, и замечает меня, сидящей за ее столом. — Что ты здесь делаешь?

Рефлекторно моя ладонь толкает прохладную кожу портфеля.

— Я ждала тебя.

Ее шаги замедляются, и я начинаю гадать, раскусила ли она меня. Я ярко улыбаюсь ей, так же, как она мне все эти месяцы.

— Я хотела спросить о твоём мнении об одной вещи. — Моя рука не дрожит, когда открываю кейс и достаю стопку рисунков.

Она колеблется, ее рука зависает в воздухе, а брови хмурятся.

— О?

— Ага. Я уволилась сегодня утром и думаю использовать это для своего резюме.

— Ты уволилась? — В ее голосе слышны странные нотки паники. — Но почему?

— Не знаю... — Я пожимаю плечами. — Я не подхожу этой компании. Феликс имеет свое виденье... — Я снова пожимаю плечами.

— О, но ты преуспеешь! — настаивает она. — Я тебе помогу.

Мне хочется рассмеяться от иронии.

— Так помоги мне сейчас. Увольнение — завершённое дело. — И это правда. Мое заявление об увольнении лежит на его столе. И я не собираюсь отрабатывать еще две недели. Дерьмово? Да. Но он переживет. К тому же, мне не нужны его рекомендации, у меня иные планы.

Я толкаю дизайны в сторону Елены.

Наконец, она поднимает их, ее глаза разглядывают странички.

— Они великолепны. Я уже люблю их.

Как и половина элиты Манхэттена, которая восхищалась пентхаусом Джанис Марк. Чувствую ли я себя виноватой за то, что показала Елене эскизы уже реализованной квартиры?

Возможно, мне стоило бы, но нет.

Я поднимаюсь и захопываю кейс.

— Могу я оставить их у тебя на выходные? Не хочу быть здесь, когда придет Феликс. — Я растягиваю паузу. — Он не видел этого, и я бы не хотела, чтобы увидел, ладно?

Вот так. Если она украдет эти дизайны, ее провал случится по ее вине.

Она и глазом не моргает, когда торжественно мне улыбается, а ее рука уже лежит на бумагах.

— Гарантирую, что они будут в порядке.

Я киваю. Но когда она начинает притягивать их к себе, моя рука опускается на эскизы, с хлопком.

— Знаешь что? Я не могу этого сделать. Я собиралась дать их тебе, зная, что они плохи, и ты выдашь их за свои собственные. Но не могу уйти отсюда и притвориться, что то, что ты делала, то, что ты будешь делать, не является серьезной лажей.

Ее лицо бледнеет, когда челюсть Елены отвисает. Затем она становится бордовой, а ее глаза прищуриваются.

— Опять ты за свое? Иисусе, Фиона, тебе стоит остановиться. Это жалко. Я не копировала твои дизайны. Я просто сделала их лучше.

— Говори себе, все, что хочешь, лишь бы спокойно прожить этот день, Елена. — Я наклоняюсь вперед, так сильно желая ударить ее, что мои пальцы сжимаются в кулак. — То дерьмо, что ты проделала со шторами? Притворившись, что мы о них говорили? Это неправильно. А это лишь одна из множества лжи, что ты сказала. Так что не смей делать вид, будто все это лишь в моей голове.

— Это бизнес. Ты делаешь то, что должен делать, чтобы двигаться вперед.

— Я не хочу выигрывать таким образом.

Уродливая улыбка искажает ее губы.

— Свежие новости, Фи. Ты и не выиграла.

Один удар. Конечно, один удар — это ведь ничего страшного?

Но я держу в себе весь этот поток негатива.

— Я не единственная, кто знает.

Она вздрагивает.

— Что?

— Феликсу все известно. Он всегда знал. Просто его не волнует это, потому что у твоей матери есть нужные ему контакты. — Я делаю вдох. — Вот, почему я увольняюсь. Не могу работать на мужчину, у которого нет морали, или рядом с женщиной, которая использует людей, выдавая их творчество за свое.

Руки Елены тоже складываются в кулаки.

— У меня есть талант...

— Очень трагично. Так как у тебя правда есть талант. Настоящий, от бога. Но вместо того, чтобы реализовывать его, ты тратишь время на то, что крадешь идеи других.

Ее лицо вытягивается, становясь насыщенно-красным.

— Я думала, что ты милая. Но ты лишь злая сучка.

Я не могу не засмеяться.

— Если быть злой сучкой означает то, что я больше не являюсь твоим средством достижения цели, тогда я с удовольствием стану так называться. — На этих словах я встаю. — Хорошей тебе жизни, Елена.

— Ты не знаешь, на что это похоже, — вдруг произносит она. — Это давление. Моя мама. Все знают, кто она...

— Я не знаю, на что это похоже? — Теперь у меня отвисает челюсть. — Ты шутишь? Мой отец стал суперзвездой еще до моего рождения. У матери свой собственный бизнес. Моя сестра стремительно становится постоянным гостем ESPN. Черт, я плаваю в бассейне суперуспевающих членов семьи.

— Это не тоже самое. Ты не в одной с ними отрасли. — Ее кулак ударяет в грудь. — Я должна оставить след в этом бизнесе.

Я могу понять. Черт, я почти могла бы ей сопереживать. Почти.

— Наши родители не определяют нас, Елена. В отличие от наших действий. А твои отстойны.

Она краснеет до белого каленья.

— Отъебись, Фиона.

Я качаю головой, но теперь улыбаюсь.

— Ты уже меня наебала. И все же это я выхожу из игры с высоко поднятой головой.

И я ухожу, оставляя эскизы, Елену, и всю ее чушь позади.

В воздухе витает слабый рыбный запах. Я не хочу быть рядом, когда он станет сильнее. Потому что я оставила подарок и для Феликса. Операция "Гнилая Рыба", как нравится ее называть Айви.

В одно лето мы делали эту же шалость нашей сучке вожатой в бывшем лагере, размазав рыбий жир под ее койкой и внутри вентиляционной трубы. Называйте это небольшой мстью за то, что она держала мою голову под водой, когда я не умела плавать, и за то, что сказала Айви, что та выглядит, словно флагшток, когда было очевидно, что моя сестра комплексует по поводу своего роста и того, что она самая худая девочка в лагере.

К концу лета вонь стала настолько невыносимой, что им пришлось делать дезинфекцию.

Но вентиляцию так и не отчистили, так что запах остался.

И хотя я хотела бы верить, что выросла с тех пор, мысль о рыбьем жире, что я намазала под столом Феликса и за таблицами в кабинете Елены, дает мне некое удовольствие. Возможно, отчасти мы никогда не вырастаем. И на удивление, я рада этому.

Декс

— ДЕКС, МУЖИК, ТЫ живешь в мечте! — Шоки, один из моих лайнменов, дружески хлопывает меня по плечу, пока мы идем к нашим машинам.

— Не моей мечте, — ворчу я.

"Мечта" в представлении Шоки — это куча женщин, что в данный момент следует за мной по пятам. Трусикки в моем шкафчике. Твиты с предложениями минета, подрочить, анилингуса, и еще черти знает чего, связанного с членом. Женщины торчат в ожидании возле моего таунхауса. Поджидают меня перед тренировкой. Не то чтобы это в новинку.

Все игроки сталкиваются с подобным. Но количество этих инцидентов и их напор сводят меня с ума.

— Декс. — Красивая блондинка медленной походкой шагает к нам. На ней надета моя джерси, или то, что напоминает ее, потому что она закатала рукава и завязала полы в узел, чтобы оголить живот. — Ты кажешься уставшим. Я бы с удовольствием устроила тебе массаж.

И они поджидают меня после тренировки.

Я качаю головой, сбрасывая ее руки с себя и продолжая идти. Шоки же сбоку от меня замедляются.

— О, сладкая, не трать на него свое время. Почему тебе бы не пойти со мной, чтобы составить компанию в ванной после тренировки?

Девушка смотрит на меня, словно пытается понять, поддамся ли я. Но я не прекращаю идти.

Достаю ключи, и вот я уже в машине. Шоки уводит девушку, а я откидываюсь на спинку и просто вдыхаю запах кожи сидений.

Все равно, кто ты, каждый парень немного сумасшедший, когда раздает автографы и получает свой первый большой чек. Вы должны быть бесчеловечным, чтобы не почувствовать этого. Некоторые слишком сходят с ума, покупая все, что попадется, и ничего не сберегая на потом. Другие покупают несколько дорогих штучек и затем им удается притормозить. Я? Я купил таунхаус и машину.

Мои друзья ожидали, что я выберу грузовик или, может, внедорожник. Но они ошибались. Я влюбился в милый маленький голубой Астон Мартин Vanquish. Дрю мгновенно захотел такой же, но Анна убедила его в том, что живя в Нью-Йорке, автомобиль не нужен. Теперь ему приходится издали восхищаться моим. Неудачник.

Вероятно, я слишком большой для этой машины, но меня это не волнует. Я люблю ее. И прямо сейчас она — мое святилище. Ладно, она станет таковым, как только я уберу многочисленные напшиканные духами записки и кружевные трусики, что будто снег, покрывают мое лобовое стекло. От всех людей, что трогают мою машину, у меня дергается глаз.

— Ебаный ад... — я делаю вдох, выбрасывая весь беспорядок на пассажирскую сторону машины — потому что отказываюсь возиться с этим мусором — и захлопываю за собой дверцу.

Этому нужно положить конец. Скоро. Я не привык, чтобы меня так сильно преследовали. Мне это не нравится. Совсем.

Что хуже того? Все не утихает. А лишь нарастает. Прямо сейчас я — предмет каждой долбанной секс-шутки в спорте. Возможно, мне не стоит смущаться. Но я смущен. Моя кожа слишком натянута, а в желудке будто свинец застыл. Каждый раз, как ко мне подходит женщина, испытывая свои возможности, я чувствую себя, словно снова учусь в старшей школе.

Потирая затылок, я завожу машину и выезжаю со стоянки. Я наслаждаюсь процессом вождения, растворяясь в мурлыканье двигателя и том, как машина откликается на наименьшее мое прикосновение. Слишком скоро я подъезжаю к дому.

Вот только моя улица оказывается заблокирована несколькими репортерами и группками отчаянных телочек — и даже нескольких парней, которых, предположительно, я еще не отшивал по туалетам. Я объезжаю здание с обратной стороны и паркуюсь в

небольшом каретном гараже.

Двигатель щелкает, пока я сижу здесь, не желая выбираться наружу.

Департамент PR-команды любит этот беспорядок. Я получаю внимание — не по вине наркотиков или насилия, но из-за целомудрия, что по их мнению — скрытая золотая жила. Больше билетов продается, больше выходов в СМИ.

Айви говорит мне, будто я должен просто выйти и признаться, что встречаюсь с Фи. Или она так говорила, пока я не задал ключевой вопрос "И ты веришь, что они просто оставят ее в покое?" Нет. Айви не смогла заверить меня в этом.

Я думаю о Фи, единственной идеальной вещи в моей жизни. Я хочу уберечь ее, защитить от этого безобразия. Просто удержать ее. Навсегда. Она моя. Моя, чтобы защищать. И реально плевать, если кто-то посчитает меня из-за этого пещерным человеком. Потому что, откровенно говоря, Фи вытягивает из меня этого пещерного человека и ставит его во главе всего.

Но истина ударяет меня, словно молот, в грудь. Прямо сейчас, учитывая все происходящее дерьмо, Фи не нужно ни от чего защищать, за исключением самого меня.

Глава 32

Фиона

Я ВСТРЕЧАЮСЬ С папой в нашем любимом китайском ресторане на Мотт-стрит. У нас с ним нет почти ничего общего, но мы разделяем глубокую и неизменную любовь к супу с пельменями и на равных охотимся за лучшими вариантами мест, где можно их отведать. Несмотря на мои распатанные нервы, я проскальзываю в кабинку из красного потрескавшегося кожзаменителя, ощущая предвкушение.

— Что нового, детка? — спрашивает папа, опуская свой телефон. Он уже закал бутылку Циндао и заполнил меню заказа.

Я не протестую, так как ему известно, что я здесь люблю.

Доказательство этого то, что официантка ставит бутылку Циндао и передо мной. Она хватается наши заказы и уходит, не сказав ни слова.

— Много чего, — отвечаю я до того, как сделать большой глоток пива. Оно почти теплое, но мы приходим сюда не сервиса ради.

Папа ворчит, сосредотачиваясь на выпивке. Он — большой парень. Не такой мускулистый, как Декс, но у него длинные ноги и руки, и он высокий.

Не знаю, надолго ли он в городе. Я не спрашивала. Папа всегда в разъездах, и ему это, кажись, в некотором роде по душе. Когда он здесь, то останавливается в каком-то шикарном закрытом отеле в центре. И мне это подходит.

Я люблю папу. Правда. Вот только кроме общей любви к дим-суму, нам всегда было неловко в обществе друг друга. Даже не знаю почему, но это нависает над нами словно облако душного газа, о котором никто не хочет упоминать. Кроме того имеет место тот факт, что он никогда не одобрял моих действий.

Сидя со своей стороны стола, я сжимаю ладони на потертом деревянном столе и делаю глубокий вдох.

— Я сегодня уволилась.

Папа опускает на столешницу пиво.

— Почему?

— А это важно?

— Конечно. Если ты подверглась сексуальному домогательству, я пойду и выслежу того ублюдка, а затем заставлю его пожалеть, что родился на этот свет. Если тебе было скучно, я скажу, что нужно это преодолеть и в следующий раз найти работу лучше. — Он пожимает плечами. — Причина — корень всего.

Я ощущаю тепло от самой идеи того, что папа надерет зад кому-то ради меня.

— Думаю, ты прав. — Я рассказываю ему, почему уволилась, все это время ощущая дрожь в глубине живота. Я ненавижу признавать свой провал. Но эту ситуацию ненавижу сильнее.

Пока я рассказываю, официантка ставит на стол миски со свежим пельменным супом.

Папа набирает в ложку аккуратную, бледно-розовую пельмешку. Аромат куриного бульона и имбиря наполняет воздух, когда он откусывает кусочек и втягивает в рот юшку супа.

— Итак, — говорит он, — урок усвоен. Не доверяй тем, кто ни с того, ни с сего с тобой дружит, особенно тем, кто занимает ту же должность, что и ты.

У меня во рту пельмени, потому я использую этот момент, чтобы проглотить и взглянуть на него.

— Ты собираешься отчитать меня?

— Зачем мне это делать? — Его лоб приподнимается, отчего морщины на лице отца становятся глубже.

— Гм, потому что ты всегда отчитываешь меня на счет моей... — Я поднимаю вверх палец, цитируя. — "Ветреной натуры".

Он хмурится, словно не может понять, что я только что сказала.

— О, да ладно, пап, — говорю я сейчас нетерпеливо. — Ты называл меня Ветреной Фи с самого детства.

— Эй. Это было прозвище. Ласкательное слово.

— Твои ласкательные слова полный отстой, пап.

Он еще сильнее хмурится.

— Ладно, хорошо. Прости меня за это ласкательное слово. Но... — он пожимает плечами. — Ты вроде как ветреная.

Дерьмо. Это не должно ранить, но ранит. Достаточно, чтобы я начала моргать, пытаюсь прочистить затуманенный взгляд.

Я отодвигаю тарелку.

— У тебя есть причины, по которым ты так считаешь?

Папа замирает с ложкой на полпути ко рту. Медленно он опускает ее на свою тарелку.

— Сладкая... — он выдерживает паузу, его рот кривится, словно он пытается подобрать какие-то банальности, чтобы успокоить меня.

Мне хочется уйти отсюда, но я не могу сбежать от этого.

— Это ранит, папа. Ты и мама, вы оба гордитесь Айви. Но мной? Я для вас печальный случай, который все время тянет вас вниз.

На болезненное мгновение, я правда соперничаю гребанной Елене. Отчего чувствую укол боли еще сильнее. Уверена до чертиков, что не хочу искать наши с ней точки соприкосновения.

Папа бросает палочки на стол, и они падают, издавая стук.

— Ты не тянешь нас вниз. Ты просто... У тебя так много потенциала. Мы хотим увидеть, как он увенчается успехом. — Он наклоняется вперед, старая кожа кабинки скрепит под ним. — Фиона, ты мой ребенок. Каждый отец хочет видеть, как его дитя обустроивается. Или по крайней мере должен хотеть.

Прерывистое дыхание булькает у меня в горле.

— Желать видеть то, как я обустроиваюсь, и сомневаться в моей способности направить жизнь в нужное русло — это две разные вещи. Я знаю, что не похожа на Айви...

— Нет, — перебивает он. — Ты похожа на меня.

— Тебя?

— Не надо так ужасаться, — говорит он сухо.

— Это просто... Ты успешен, папа. Люди стремятся быть похожими на тебя.

Клянусь, он краснеет. Он не встречается со мной взглядом, пока трет затылок.

— Я удачливый ублюдок, которому повезло быть высоким и достаточно координированным, чтобы играть в футбол. Агент в сфере развлечений, ну... — Он пожимает плечами, хватая свои палочки и засовывая их в пельмени. — Я знал этот бизнес, поэтому воспользовался возможностью. — Не могу поверить, что он принижает свою значимость. — Хотя, ты, — он смолкает. — Как я. Я тоже всегда искал того, что бы вдохновило меня, чего-то возбуждающего.

У меня отвисает челюсть. Я знаю это о самой себе. Но каким хреном он это узнал? Как? Я же думала, что он никогда внимания не обращал. Мой отец продолжает говорить.

— Моя проблема в том, что я также облажался и с твоей мамой. Напиваясь и кутя слишком много. А ты? — Он встречается со мной взглядом, хотя, могу сказать, что для него это сложно, так как отец морщится. — Ты более конструктивна. Ты ищешь смысл жизни. Я горжусь тобой из-за этого, Фи. Всегда гордился.

— Пап... — Слезливый смешок срывается с моих уст. — Дерьмо, я из-за тебя подавлюсь этими пельменями.

— Никогда не трать даром хорошие пельмени, Фиона.

Теперь я смеюсь, и он натянуто улыбается в ответ. Легкое общение и шутки с папой — это что-то новое. И до меня доходит догадка, может он тоже стеснительный. Я протягиваю руку и ударяю кулаком его костлявое запястье.

— Я тоже горжусь тобой, папа.

— Помни о пельменях, — говорит он, хотя снова краснеет. — И никогда не забывай об этом. Так же сильно, как я хочу твоего уважения, я хочу, чтобы ты никогда не жила жизнью, которая делает счастливым кого-то другого. Понимаешь меня?

Он смотрит на меня, его выражение лица столь искренно, что я вижу это. Ком встает в горле, когда киваю. Он тоже кивает.

Какое-то время мы молча едим, заказываем тарелку с булочками со свининой. Вокруг нас нью-йоркские китайцы болтают и заглатывают пельмени с такой ловкостью, что мы с отцом выглядим на их фоне, как неуклюжие аматоры. За прилавком возле переднего окошка пожилой мужчина делает потрясающие маленькие связки украшений из еды, время от времени крича что-то на мандаринском языке хостес в зоне регистрации.

Я погружаюсь в эту атмосферу, с удовольствием поглощая еду. Четыре года я провела на юге, играя роль тусовочной студентки. Это было весело, но здесь в Нью-Йорке? Я чувствую себя дома. Люблю этот город. Он гудит в моих венах и заставляет сердце биться. А я собираюсь его покинуть.

Потому что хочу чего-то большего.

Я собираюсь рассказать об этом папе, когда он снова начинает говорить.

— Я... гм... кое с кем встречаюсь. — Ладно, теперь он определенно покраснел. —

Женивьева. Она занимается PR для Ястребов.

На это я ухмыляюсь.

— Должно быть, все серьезно.

Папа наклоняет голову в знак подтверждения до того, как хлебнуть еще супу с пельменями.

— Она переехала в дом, — говорит он спустя мгновение.

— Хорошо. Мне не нравится идея, что ты мечешься один по этому большому пространству. Просто, прошу, скажи, что она не одного со мной возраста.

Папа закатывает глаза.

— Мило, Фи. И ты обвиняешь меня в нотациях.

— Прости. — Это было низко.

— Она всего на пять лет меня младше. Это допустимо? — Он не улыбается, но могу сказать, что хочет.

— Ага. Конечно же. Я повела себя, как сучка.

— Ты бы не была моей дочерью, если бы повела себя иначе.

Теперь моя очередь опустить голову в смущении.

— Итак, что собираешься делать дальше? — спрашивает папа.

— Декс.

Его голова резко поднимается.

— Что?

— Дерьмо. Нет. То есть... — Я прикусываю нижнюю губу до того, как закончить фразу. — Я тоже встречаюсь с кое-кем. С Итаном Декстером. — Худшее продолжение всех времен, даже если оно сложено в правильные предложения. Я правда не могу дождаться, чтобы что-то с ним сделать снова. И снова. Дерьмо. Теперь я краснею.

Папа смотрит на меня в течение длительного мгновения, его ноздри немного расширяются, а затем он ворчит.

— Декстер, хм? Я типа думал, что ты влюбишься в шеф-повара или какого-то творческого человека...

— Спасибо, пап, — говорю я, не утруждаясь пояснениями, что Декс вообще-то рисует.

Папа не останавливается.

— Но он — хороший выбор.

Я моргаю.

— Правда? Ты так считаешь?

— Почему нет? Он мне нравится, а тебе нет?

— Конечно.

— Он постоянен, тих, честен. — Папа трет рукой по лицу. — Не будем углубляться в то, что ты "собираешься с ним сделать", мы просто притворимся, что этого неловкого оборота разговора никогда не случилось.

Я прячу лицо за ладонями.

— Знаю. Боже, я отстойна в простых разговорах с тобой.

Папа смеется.

— Ясен хрен.

— Можем мы уже забыть об этом? — спрашиваю я, все еще прячась за руками.

— Конечно. — Он смолкает, и я поднимаю голову, отмечая, что он внимательно рассматривает меня. — Так он мужик, что надо?

Сейчас именно я чувствую себя застенчивой.

— Ага, пап. Так и есть. Настолько, что я готова его заклеить.

Я снова съеживаюсь. Хотя говорила образно, вероятно, мой папа не очень-то хотел услышать подобное от дочери. Лучше мне засунуть пельмень в рот и больше не говорить.

К счастью, папа просто кивает.

— Одной проблемой меньше.

Не знаю, прав ли он, так как факты таковы, что нам с Дексом нужно многое обсудить, и я не представляю, как он все это воспримет.

Глава 33

Фиона

БойсяБороды: Мы можем связаться по Skype?

ВишневаяБомба: Раз плюнуть.

БойсяБороды: Приму это за "да".

ВишневаяБомба: :-*

ПРИЗНАЮСЬ, Я ПОПРАВИЛА прическу и нанесла блеск для губ и тушь до того, как связаться с Дексом по Skype. Ладно, еще я сменила майку. Ни за что не стану одевать перед кем-то свою старомодную футболку длиной до колен с надписью "Милашка на публике, ненасытна в постели". Спасибо Грею за еще один тематический подарок в духе Фионы.

Вместо этого, я надела обычную майку и сняла лифчик. Если я не могу видеть Декса каждый день, то должна сделать имеющееся у нас время стоящим.

Трепет предвкушения струится по моему телу, когда сажусь на кровать и устраиваю ноутбук на подушке. Видеть Декса на экране для меня одновременно и облегчение и мука. Неважно, как здорово с ним разговаривать, когда мы заканчиваем, я закрываю ноутбук и остаюсь одна.

Несмотря на это, я усмехаюсь, как дура, когда появляется его лицо. Черт, он красив.

Загорелый от палящего южного солнца, с золотыми прожилками в каштановых волосах. Декс никогда не будет симпатичным малым, его черты слишком резкие, а тело большое и скульптурное. Однако его глаза умопомрачительны и красивы — и как всегда, они сияют при виде меня. То, как он на меня смотрит, вызывает зависимость. Это все для меня.

Мой голос перехватывает.

— Привет, большой парень.

Уголок его сексуальных губ приподымается.

— Привет, Вишенка. — Его голос уставший и напряженный, и мне больно от того, что сейчас я не рядом с ним.

— Как дела? — Отлично знаю, что его все время преследуют СМИ, выслеживают женщины — сама эта идея заставляет меня стиснуть зубы от злости. Потому я спрашиваю первой, желая, чтобы он высказал мне все свои проблемы.

Он напряженно сглатывает, и все его тело, кажется, сдувается.

— Совсем не круто, Фи. — Медленно он поднимает голову, словно она весит с тонну. — Моя приватность на данный момент ниже нуля.

— Малыш. — Не могу сдержаться и не протянуть руку, чтобы коснуться края экрана, желая вместо этого погладить мягко-колючие кончики щетины на его челюсти. — Все станет лучше.

Он неуверенно кивает, отводя взгляд.

— Эй, — я наклоняюсь вперед. — У меня есть новости.

Он снова кивает, но очевидно, не слушает. Затем делает вдох и расправляет плечи, поднимая взгляд прямо к экрану, его глаза широко открыты и полны муки.

— Фи... Я не... — У него перехватывает дыхание. — Не думаю, что нам и дальше стоит видеться.

В ушах начинает звенеть, кровь отливает от лица, оставляя за собой ощущение онемения.

— Что?

Декс наклоняется вперед, у него покрасневшие глаза.

— Они следят за мной все время.

— Так позволь просто рассказать им! — Мой голос такой высокий и безумный. Но опять же, так же себя чувствует и мое сердце. Я едва могу дышать. — Расскажи им обо мне и покончи с этим.

— Нет. — Его подбородок приподымается. — Нет, Фи. Я уже говорил тебе, что этому не бывать.

— Почему? Из-за того, что ты меня защищаешь? Это полная хрень, Итан.

Румяней заливает его щеки.

— Посмотри мне в глаза и скажи, что они не порвут тебя на куски. Скажи мне, Фи, потому что я четко предвижу этот факт. Как и ты.

— Возможно, и порвут. — Боже, в груди так болит. Я не могу нормально вдохнуть. — Я переживу это.

Но Декс качает головой.

— Я не переживу. Я обещал тебе нормальную жизнь. Или хотя бы близкую к этому. И потому не стану впутывать тебя в этот хаос.

— Итак... — Я давлюсь всхлипом. — Так ты лучше избавишься от меня?

Он наклоняется так близко, что я могу видеть, как затуманиваются его зрачки.

— Нет. Вишенка... Я просто предлагаю, чтобы мы на какое-то время притормозили, не навешали друг друга, пока...

— Мы и так едва видимся. Что толку, если видеться еще реже? — Мне приходится моргнуть, чтоб не дать слезам пролиться. Я не стану. Не буду умолять. — Прошу, Итан. Не делай этого.

— Я должен, — кричит он. — Это настолько охренительно гадко, Фи.

Мое дыхание перехватывает.

— Так вот как? Ты просто отбросишь меня в сторону?

Он бледнеет.

— Прошу не думай так. Я пытаюсь защитить тебя, Вишенка. Даже если приходится защитить от себя самого.

— Не нужно меня защищать, Итан. Мне необходимо, чтобы ты хотел меня.

— И я тебя хочу. Ты — самый важный человек в моей жизни.

Уродливый звук вырывается из моей груди.

— Забавный же способ ты выбрал, чтобы показать это, Декстер.

— Но это правда, — произносит он с чувством, тогда как его щеки становятся насыщенно-красными. — Ты для меня все.

— Тогда не отталкивай меня!

Он откидывается на спинку кресла так, что оно скрипит. И когда снова смотрит на меня, в его глазах читается боль.

— Знаю, ты мне не веришь, Фиона. Но я ни о ком, ни о ком не забочусь больше, чем о тебе. И не могу позволить этим долбаным стервятникам наброситься на тебя. Ты понимаешь? Я. Не. Могу. Этого. Допустить.

Одинокая слеза катится по его щеке. Он не стирает ее, вместо этого глядя на меня с мольбой.

И вдруг я так начинаю злиться, что не могу разговаривать. Мои ногти вонзаются в бедра, пока дышу гневом.

— Фи, — голос Декса кажется отдаленным. — Фи?

Мои губы сжимаются, когда проглатываю крик. Наконец, я поднимаю на него глаза, но вижу лишь красную пелену собственной ярости.

— Я не могу разговаривать с тобой прямо сейчас.

Он тупо кивает.

— Ладно. Я понимаю. Перезвоню тебе позже.

И моя ярость от этого лишь нарастает.

— Не стоит... — я всасываю крик. — Не звони мне. Не пиши. Просто... не надо. — Я захлопываю крышку ноутбука и отключаю телефон. А затем в течение длительного времени лежу в кровати, глядя на потолок и размышляя.

Глава 34

Декс

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ. Еще одна тренировка. Но меня ничего не заботит. И это заметно.

Тренер по нападающей тактике надирает мне зад после дерьмовой тренировки ног и медленной реакции, которая позволила защитнику добраться до моего квотербека.

Если бы это была игра, я бы занял место на скамье. Но так как это тренировка, то меня отправляют бегать по лестницам вокруг поля. И я благодарен за это. Физическая нагрузка на ноги занимает мой разум, мое тело движется. Я не останавливаюсь, пока не остаюсь один на поле.

Толкаю себя, пока мое тело не превращается в теплое желе.

Потому что пустота вот-вот может раскрыться и поглотить меня, если только перестану думать.

Фи.

Я облажался. Мне не стоило говорить ей все это по Skype, как какому-то трусливому мудаку. Я ранил ее вместо того, чтобы убедить, что это необходимая временная мера ради ее же безопасности. Стоило подождать, сказать ей это при личной встрече, когда мог бы поддержать ее, показать, что думаю лишь о ее счастье.

Вот только все это чушь. Я разбил ее счастье, с таким же эффектом можно было просто

врезать ей кулаком в лицо. Я видел, как улыбка на ее лице превратилась в боль. И это моя вина. Я сделал это с ней. С моей девочкой. И это меня убивает. Мне нужно все исправить. Вот только боюсь, что нанес неисправимый урон.

Стон вырывается с моего рта, когда прислоняюсь к стене душевой кабинки после тренировки, позволяя воде капать на голову. Я всегда хотел, чтобы у меня была девушка. Кто-то, кто был бы лишь моей. Но правда в том, что я, на хрен, понятия не имею, что делать, когда речь идет об отношениях.

Когда наконец выползаю из душевой, раздевалка уже почти пуста, лишь несколько парней одеваются, и никто из них не обращает на меня внимание. Девон, игрок линии защиты, ноет о том, что потерял свои любимые носки с Гринчем и том, как это повлияет на его харизму. Райдер объясняет Моргану, как приготовить достойный хлебный пудинг, в котором, очевидно, должно быть с десяток яиц и дохрена крема.

Я отхожу еще до того, как он начинает воспевать о том, какой тип хлеба лучше использовать.

И не замечаю Финна, пока он не хлопает меня по плечу.

— Что такое, большой Ди? Ты сегодня крайне дерьмово играл.

— А ты Капитан Очевидность, а?

Он просто усмехается, как счастливый идиот.

— Так это было и для тебя очевидно? Хорошо. И опять же, я гадал, не полностью ли застряла твоя голова в заднице.

Я вытираю полотенцем волосы и отбрасываю его. Меня одолевает желание послать Финна куда подальше, но он говорит правду, так что мой ответ еще хуже.

— Все ли мужики становятся беспомощными, когда дело касается женщины? Или только мне удается так невероятно лажать?

Финн моргает, глядя на меня так, словно я сказал, что у меня венерическое заболевание. Думаю, может, я слишком морщусь, мне не нужно, чтобы все в раздевалке узнали о моих проблемах.

— Ну, черт, — наконец, говорит он. — Не знаю. Разве мы не созданы для постоянных лаж?

С другого конца раздевалки Райдер фыркает.

— Во-первых, ты никогда не имеешь дела с женщиной. Это она имеет дело с тобой. И ваша работа... — Он указывает на нас обоих, — крепче держаться в седле, идти, куда она ведет, и молиться, чтобы не облажаться.

— Как это ты стал экспертом в данном вопросе? — спрашивает Финн. — В последний раз, когда я проверял, ты встречался с одной и той же девушкой... вечность.

— С четырьмя сестрами, мудака, — отвечает Райдер, глядя в маленькое зеркало на дверце своего шкафчика. Он проводит рукой по влажным волосам. — А затем с их мамочкой. Так что я знаю женщин. — Он ловит мой взгляд в отражении. — Что ты натворил?

Поводя пальцами по бороде, я думаю, рассказать ли ему, но уже слишком много сказал, чтобы идти на попятные.

— Я сказал Фи, что нам стоит притормозить, пока все эта хрень не уляжется.

Все ребята в раздевалке стонут в один голос. Бля, мне следовало знать, что они подслушивают. Настырные ублюдки.

— Чувак, — говорит Райдер. — Ты стремился сказать самую тупую штуку века? Потому

что почти достиг этого звания.

— Ага, — говорит Джонс, наш защитник, пока вытирает пот с шеи. — Единственное, что может быть хуже этого, — фраза "все дело не в тебе".

— Я сказал ей, что не...

Еще один раунд стонов, даже более болезненных, раздражается хором в раздевалке.

— Плохой ход, мужик.

— Поздравляю, тупица.

— Отправь ей цветы.

— Черт, нет. Это же ебаное клише. Стань под ее окном и сыграй на старой шарманке.

— Чтобы она вызвала копов.

Я закатываю глаза.

— Следующее, что ты скажешь, что у тебя не было выбора.

Не знаю, может они видели тайную запись того разговора, но кто-то бросает в меня вонючий носок. Думаю, это Райдер, но не могу быть уверенным. Я оглядываюсь, пока чувство ужаса все глубже опускается в моем животе.

— Декс, — тянет Финн, качая при этом головой. — Ты — парень, который, на наш взгляд, имеет все нужные ответы. Так какого черта, мужик?

Ворча, я прислоняюсь лбом к краю шкафчика. Боль ощущается так приятно.

— Не знаю. — Он прав, это ко мне они приходят за советом, я не тот, кто портит все.

Жизненные уроки настолько отстойны? Давать советы намного проще, чем жить своей собственной жизнью.

Жизненные уроки даже хуже чем отстойны? Осознание этого приходит лишь после того, как жестко облажаешься.

— Я просто хотел ее защитить. — Слова выходят скорее, как слабый шепот. И в любом случае, я не обращаюсь к ребятам. Я защищал Фи, но еще защищал самого себя.

Потому что мне неловко. Вся эта ситуация вызывает у меня чувство, будто я предмет насмешек, тот, кто пытается сбежать от своей собственной жизни. И мне не хотелось, чтобы Фи лично увидела это вблизи. Мне не хотелось, чтобы она увидела меня в не лучшем свете.

Но теперь, я ушел, и ей больно.

Толчок в мое плечо вынуждает меня поднять голову. Выражение лица Финна нейтрально.

— Рай и я собираемся поехать ловить раков и устриц на озеро. Поехали с нами. Выпьем пива и забудем на время обо всей этой хрени со СМИ.

Потирая затылок, я пытаюсь воспрянуть духом, по крайней мере сделать вид для парней.

— Спасибо. Возможно, в следующий раз. — Прямо сейчас я собираюсь купить билет на самолет и запасти тонну подхалимства.

К тому времени, как добираюсь домой, уже темно.

Я тащу свой зад наверх. Колено на левой ноге пульсирует, а спина ощущается, словно в позвоночник засунули стержень раскаленного железа. Вот только это лишь пополняет мой список боли и мучения. Мне двадцать четыре года, и я ковыляю, как пенсионер по дороге на ужин в четыре часа дня. Постаревший раньше времени, — думаю я, пока открываю дверь, бросая ключи на столик и входя внутрь дома.

На секунду в темноте я ощущаю затапливающее одиночество и не могу вдохнуть. Вес давит на грудь, лишая воздуха. Я смотрю на пол, пока рука пытается отыскать телефон в

кармане.

Мне нужно услышать голос Фи. Прямо сейчас. Боже, мне нужно увидеть ее, прикоснуться к ней так сильно, что сжимаю зубы от желания. Но ее голос я хотя бы мог бы получить.

Однако, тут меня озаряет, тепло, запах кофе и сильный аромат цветов. Я чувствую ее. Здесь.

Фи здесь.

Моя сумка падает на пол, издавая шум, и я практически бегу в гостиную-студию. Она наливает себе чашку кофе, ее волосы блестят бледным золотом в свете кухонных ламп.

Она поднимает взгляд в мою сторону, нервная улыбка растягивает утонченные черты ее напряженного лица.

— Привет.

Я останавливаюсь на другой стороне массивного мраморного острова, прижимая руки к холодной столешнице, чтобы удержаться на ногах.

— Скажи, что ты правда здесь.

Ее улыбка становится теплее, реальнее.

— Думаешь, у тебя галлюцинации, большой парень?

— Возможно. Я так много об этом мечтал. Каждый чертов день.

Она опускает чашку на фарфоровое блюдце и обходит остров. Я наблюдаю за тем, как она идет, как раскачиваются ее бедра под одной из кокетливых маленьких юбок, что она так любит надевать.

Моя грудь сжимается, когда ее руки скользят по ней, немного вздрагивая от ее ласки. Ее большие пальцы касаются края моей бороды, затем пробегают по нижней губе. И мне так хочется прикусить ее большой палец, втянуть его в рот.

— Теперь я ощущаюсь достаточно реально? — у нее хриплый голос.

Я втягиваю запах Фи, наклоняюсь к ней.

— Не уверен. Думаю, мне нужно больше. — Мне нужно все. Вся она.

И ей это известно. Нежно притягивая, она наклоняет мое тело вперед. И я охотно подчиняюсь. Ее сладкие нежные губы отыскивают мои, и все во мне вздыхает с облегчением.

Не знаю, как долго я ее целую, но этого все еще не достаточно. Слишком скоро она отстраняется, но продолжает держать руки на моей шее, и я удерживаю ее близко. И только тогда осознаю, что ее тело напряжено, а взгляд полон нерешительности.

— Я решила, — говорит она. — Ты не можешь определить нашу судьбу, не посоветовавшись со мной.

— Согласен. — Мой немедленный ответ, кажется, поражает ее, она откидывает голову назад, словно не понимает.

Ее голос кажется скорее неуверенным.

— Хорошо. Ты расстроил меня, Итан.

— Знаю. — Мне следует быть более раскаивающимся, но я так чертовски рад, что она здесь. Не могу сдержать улыбки, не в силах прекратить прикасаться к ее щеке.

Она убирает мою руку прочь.

— Я серьезно. Ты... ты сделал мне больно. Если ты не хочешь меня, просто скажи это. Не прячься за нелепыми аргументами на счет того, что пытаешься защитить меня, потому что...

Я накрываю ладонью ее гладкую щеку и целую Фи. Ее рот движется напротив моего, формируя слова — вероятно пытаюсь послать меня на хрен. Но я продолжаю целовать ее, нежно и медленно, пока она не расслабляется, вздыхая. Мои пальцы зарываются в ее волосы, когда смотрю на нее.

— Ты права. Я был тупицей. Прости. — Я сжимаю ее щеку. — Я как раз собирался ехать к тебе. Чтобы извиниться. — Умолять об еще одном шансе.

Ее носик морщится от сомнения. Я целую его кончик, но она не расслабляется.

— Я о том, что как ты мог так поступить? К тому же по Skype, Итан!

— Я мудака. — Не отвожу от нее взгляда. — Я запутался, Фи. Не хотел, чтобы ты видела меня таким.

Ее голос такой тихий.

— Каким?

Моя кожа натягивается, и внутренности заполняются тяжелым свинцом, падая вниз. Но я должен сказать ей.

— Все те женщины, были со мной ради денег. С жалостью во взгляде и знаками доллара в головах.

С секунду она молчит.

— Я рада, что они не знают, что упустили, — произносит она низким и жестким голосом. — Значит, я могу оставить всего тебя себе.

Закрывая глаза, я прижимаюсь лбом к ее макушке.

— Ни у кого никогда не было и шанса против тебя, Вишенка. — Притягивая ее ближе, я пытаюсь заполнить все то напряженное пространство внутри. — Я запаниковал, и это ранило тебя. Ты даже не представляешь, как сильно я сожалею.

— Тогда ладно. — Ее рука приглаживает мою футболку. — Рада, что мы поговорили.

Не могу не поцеловать ее еще раз. Это так приятно, даже если я нахожусь в немилости.

— А теперь мы можем заняться примирительным сексом? — спрашиваю, желая рассмешить ее. — Я слышал, это хорошая штука.

К счастью, Фи смеется и слегка толкает меня в живот.

— Ага, спорю, что так. — Ее улыбка быстро угасает. — Но сперва мне нужно кое-что тебе рассказать.

Честно говоря, она могла бы рассказать мне, что ограбила банк, и я бы нормально на это отреагировал. Но изо всех сил пытаюсь сдержать нейтральное выражение, чтобы не усмехаться как полный кретин. Она здесь. Она по-прежнему моя. Вот и все, что важно.

— Ладно. Расскажи мне, что хочешь, Вишенка.

И как только она сбросит этот камень с души, я собираюсь трахать ее, пока у меня член не отпадет.

Глава 35

Фиона

ИТАН ЯВНО ПЫТАЕТСЯ скрыть самодовольную усмешку, выглядя при этом так словно обдумывает все возможные отвратительные способы трахнуть меня. И это было бы очень даже сексуально, если бы я не нервничала так сильно, что прямо сейчас ощущаю тошноту.

Несмотря на это, пользуюсь моментом и вбираю его образ. Боже, как приятно чувствовать Декса рядом. Твердого и теплого.

Умираю от желания уткнуться носом в его грудь и просто дышать. Вот только нарастающая выпуклость под его спортивными штанами так отвлекает и манит. Я скучала по его великолепному члену. Не думая, прижимаюсь к его телу. Он ворчит, но его объятия становятся крепче.

И я не могу сделать, что должна, когда он прикасается ко мне. Потому целуя его в рельефный бицепс, я выскальзываю из рук парня. Итан хмурится, но отпускает меня.

— Все в порядке? — говорит он, проводя рукой по волосам так, что в результате пряди волос обрамляют его лицо. — Теперь ты начинаешь сводить меня с ума. Что происходит, Фи?

Мне нравится то, что он не спрашивает, почему я здесь, а лишь о том, о чем беспокоюсь. Я держусь за сей факт, пока провожу пальцами вдоль белой жилки мраморной столешницы.

— Я уволилась.

Мне нравится, что в его глазах появляется улыбка. И нежность, что отражается в них в данный момент.

Его большая ладонь опускается рядом с моей.

— Ты сделала то, чего боялась, но в чем нуждалась. Я горжусь тобой, Фиона.

Прерывистый вздох срывается с моих губ.

— Спасибо. Я тоже собой горжусь. Это приятно. Я собираюсь начать бизнес по созданию мебели, продавая свои работы в магазине друзей в Нью-Йорке. И затем, возможно, создам свою собственную небольшую компанию.

Итан моргает, его выразительные черты лица замирают, и могу сказать, что он пытается понять, чего же я испугалась, при том что счастлива. Потому что правда, я вот-вот двинусь умом. Легкая дрожь зарождается в моем животе и рвется наружу, когда подбираю слова.

Он замечает это и тут же делает шаг ближе, его теплые, мозолистые руки растирают мои плечи.

— Вишенка...

— Знаю, все находится пока в подвешенном состоянии. Я только что уволилась. Мы вместе не так давно. Но я просто... Не знаю. Дело в том, — мямлю я, — что я подумала навестить тебя на какое-то время. Я привезла немного вещей и возможно...

— Оставайся, — перебивает он, его пальцы сжимают мою руку, словно Декс собирается физически удерживать меня здесь. И потом он решает, что с него достаточно, и подхватывает меня так легко, как может только он.

Я негромко вскрикиваю от удивления и хватаюсь за его шею, пока он несет меня в гостиную, делая для этого лишь три огромных шага. И вот я уже на диване, верхом на его коленях.

Его глаза широко открыты и светятся, когда парень гладит меня по щекам.

— Оставайся со мной.

— Ладно, — отвечаю я, сжимая его затылок. — В этом и состоял мой план. Я хотела большего, чем печальные короткие выходные вместе. Месяц или около того было бы намного лучше.

Его сексуальный рот изгибает улыбка, но она не растягивает его губы до конца. Он смотрит мне в глаза, почти застенчиво.

— Нет. Не месяц, Вишенка. — Кончик его большого пальца касается моей нижней губы.

Я не упускаю из виду то, как он тоже вздрагивает. — Живи со мной. Здесь. Построй со мной свою жизнь.

Его слова, кажется, делают нас обоих немыми. Итан выглядит так, будто не может и правда поверить, что сделал подобное предложение. А я? Я тоже не могу в это поверить.

Его бедра ерзают и напрягаются подо мной, когда осознаю, что Декс задерживает дыхание.

Возможно, я тоже так делаю, потому что протяжно выдыхаю, а затем шумно вдыхаю.

— Ты правда этого хочешь? — шепчу я.

Его кадык вздрагивает, когда парень сглатывает.

— Я бы не говорил этого, если бы не хотел.

— Итан... — не могу говорить. Мои пальцы зарываются в его волосы, хватаясь. Это слишком, и несмотря на то, что меня все еще подташнивает от нервозности, я прислоняюсь к нему, вбирая его силу. Оставаясь на его стороне. — Мы только что помирились. И были вместе лишь несколько раз.

Это правда, и все же, даже когда произношу это вслух, знаю, что хочу согласиться. Хочу быть с ним.

— Но это не меняет того, что я чувствую, — отвечает он. — Я несчастен без тебя. Ты нужна мне, Фи.

Всхлип вырывается из моей груди, и голос надламывается.

— Ты тоже мне нужен, Итан. — Кажется, мы говорим друг другу что-то еще. Но это неважно, так как он целует меня, глубоко и страстно, немного неистово, словно пытается убедить себя в реальности происходящего. И я целую в ответ, с каждой капелькой отчаянья.

Итан поддерживает мою голову, наклоняясь в сторону, чтобы углубить поцелуй, и, Господи, его вкус такой прекрасный.

Он нежно прикасается к моей щеке, его пальцы скользят по ней.

— Как так, — шепчет он, — со мной все было в порядке до того, как ты поцеловала меня в том клубе?

Я напряженно сглатываю, мою кожу заливают жар. Ком в горле делает тон моего голоса ниже.

— Не знаю. Но для меня все идентично. Одно свидание с бородатым парнем, и я пропала.

Его пальцы следуют вниз по моему горлу и затем снова поднимаются.

— Ты лишила меня девственности, Фиона. И я не уверен, что понимаю, как жить теперь без тебя.

До того, как могу ответить, он стягивает с меня футболку. Следом идет мой лифчик, пока Декс прокладывает дорожки из поцелуев на моей шее. Его пальцы берутся с молнией на моей юбке.

— Сними сперва свою футболку, — говорю ему, тоже нуждаясь в том, чтобы видеть его.

Он не колеблется, не отводит от меня взгляда, просто тянется к затылку и стягивает футболку через голову. Все его рельефные мышцы перекачиваются и бугрятся под гладкой кожей, когда он тянет за ткань.

Не останавливаясь на полпути, он аккуратно ставит меня перед собой и снимает свои штаны, оставаясь прекрасно голым, а его толстый, длинный член стоит ровно и гордо, мерцая в свете комнаты серебристыми шариками пирсинга.

И пока я смотрю, Итан делает шаг назад и наблюдает за мной, выжидающе выгибая бровь.

Ожидая.

Я поднимаю взгляд к его лицу. Молния издает громкий звук, когда тяну ее вниз. Переминаюсь с ноги на ногу, и ткань скользит по моей коже так, что в результате юбка падает к моим ногам.

В течение долгого мгновения Итан смотрит на меня, его грудь вздымается и опадает с каждым новым вздохом, а член вздрагивает, словно не может более терпеть. И потом Декс опускается на колени. Я ожидаю поцелуя, что его рот станет ласкать мое тело. Но он не делает этого.

Итан Декстер обнимает меня за талию и прижимается щекой к ложбинке моей груди. Он притягивает меня ближе и вздыхает всем своим телом.

— Я люблю тебя. — Мое дыхание перехватывает так, что это слышно, и он поднимает взгляд полных торжества и решимости глаз. — Да. Так невероятно сильно. Каждый час каждого дня. Никогда не сомневайся в этом.

Облегчение и счастье жидким теплом разливаются внутри меня. Мои руки зарываются в его шелковистые волосы и удерживают на месте.

— Я тоже тебя люблю, Итан.

Дрожь пробирает его тело, и он протяжно выдыхает. Его руки сжимаются крепче. И когда Итан начинает говорить, у него хриплый голос, словно он дошел до предела.

— Хорошо. Потому что я не отпущу тебя снова, Фи.

Я не могу сдержать улыбку.

— Мы правда сделаем это? Будем жить вместе?

Он тоже улыбается, его борода щекочет мою кожу.

— Черт, да.

И весь остаток ночи есть только Итан и я, каждое прикосновение наверстывает упущенное нами, кладет начало тому, что последует, начиная с сегодняшнего дня.

Жить вместе? У нас получится. В конце концов, что плохого может случиться?

Глава 36

Фиона

ТАК КАК НИКОГДА ни с кем не жила, то волнуюсь, каково будет переехать к Дексу. Неловко? Удушающе? Мы потерпим крах?

Потому что неважно, как сильно я хочу Итана, мы были физически вместе лишь несколько раз.

Но он не оставляет мне времени на беспокойства. Каждую ночь, что парень проводит в городе или когда пораньше освобождается, мы гуляем где-то, исследуя Новый Орлеан — иногда по джаз-клубам, где я уговариваю Итана потанцевать, а иногда по хорошим ресторанам, от каждого кусочка еды в которых мне хочется стонать. Внутри я житель Нью-Йорка, так что привыкла к хорошей еде. Но Новый Орлеан может оказать достойное соперничество Нью-Йорку.

Мы не скрываемся, в открытую проводя время вместе. И несколько наших снимков опубликовали в СМИ, наряду со слухами о новой девушке Итана. Но охота на ведьм за его

девственностью продолжается.

В основном, потому что Итан упорно отказывается говорить обо мне, даже подтверждать или опровергнуть наши сексуальные отношения.

— Это не их чертово дело, — ворчит он.

В общественных местах он ведет себя более сдержанно и просто говорит:

— Если вопросы не о футболе, то без комментариев.

Несмотря на эту дурь, я счастлива. Есть столько вещей, которые вызывают во мне предвкушение и любовь, а именно: выражение лица Итана, каждый раз, как он входит через дверь дома и его лицо озаряет счастье, а глаза вспыхивают потребностью.

Потому что, как только он оказывается дома, то прижимает меня к стене или наклоняет над подлокотником дивана, трахая так, будто готов потратить на это годы жизни.

Я тоже не могу держаться от него подальше. Ловлю парня за приседанием и до того, как он сможет перейти к качанию пресса, уже прыгаю на него верхом. Его смех превращается в сдавленный стон, когда целую и лизу его твердое тело, сдергивая вниз шорты и обнажая роскошный толстый и такой желанный мной член.

Итана часто нет в городе. Это не круто. Но мне не так обидно, как я ожидала.

Потому что знаю, что в те ночи, когда он окажется дома, мы будем валяться в его огромной кровати, обниматься под одеялом и разговаривать о чем угодно, пока прикосновение или взгляд не разбудит потребность в друг друга, и тогда мы кончим вместе, так же пылко, ярко и жарко, как пламя. И только когда полностью исчерпаем свои силы, заснем.

Но более важно то, что знаю: я любима. И люблю его. Чувствовать себя в безопасности — это радость, которую я только теперь осознала, что так долго искала.

У меня голова идет кругом от вида огромной обуви Итана — включая до смешного огромное количество кроссовок — смешанной с моей, моих гелей для душа и средств для волос, вытеснивших его одинокие шампунь и мыло.

Я уже общалась с родителями Итана, опыт, который бы описала как до чертиков неловкий, учитывая обстоятельства. Но они милые, приятные и нормальные. Папа Итана благодарен мне, что делаю его сына счастливым. А мама уверяет, что у ее сына безупречный вкус, и раз уж я ему нравлюсь, то понравлюсь и ей. Мне остается лишь краснеть и заикаться, да, хотелось бы с ними встретиться, когда они вернуться в Калифорнию.

Младший брат Итана — более строгий судья. Он спрашивает меня, люблю ли Майнкрафт.

Когда я признаю, что у меня была фигурка Эндермэна на столе в колледже, он прохладно реагирует на это.

Но я безвозвратно втюриваюсь в Итана, когда в одно солнечное утро он берет меня за руку и просит пойти с ним в его студию. Я была там до этого. Это яркое, воздушное место. Его старые работы висят на стенах или стоят в углу. Несколько наполовину незаконченных работ стоят на мольбертах, ожидая своего часа.

Итан специализируется на фотореализме. Он использует сочные цвета и изображает предметы в макро-формате. Большинство его работ связаны с футболом, хотя есть и несколько портретов. Он работает над одним портретом Дрю, где тот одет в униформу, рядом с ним на земле лежит шлем, а его руки опущены на узкие бедра так, словно вы смотрите на него с расстояния.

— Анна попросила нарисовать его, — говорит мне Итан. — Он должен стать

свадебным подарком. Хотя я правда считаю, что она будет рада ему больше, чем сам Дрю.

Думаю, он прав.

Сегодня он ведет меня в студию, таинственно улыбаясь.

— Ты закончил свой портрет? — спрашиваю, хотя не знаю, когда он нашел для этого времени. Прошлый месяц мы все время были рядом.

Он качает головой.

— Не-а.

— Почему ты кажешься таким самодовольным?

Его усмешка становится шире.

— Увидишь.

— Расскажи. — Я тяну его за руку.

— Нет.

— Расскажи, расскажи, расскажи. — Я снова тяну, дергая его руку и улыбаясь парню.

Он смеется и подхватывает меня на руки.

— Маленькая надоеда. Такая нетерпеливая. Он целует меня в нос и несет вверх по лестнице. Резкий запах краски и терпентинового масла смешался с ароматом сосны, заполняя мой нос, когда он открывает дверь.

Итан ставит меня на ноги, я поворачиваюсь и ахаю, мои руки поднимаются к губам.

Холсты и мольберты исчезли. Их место заняла мечта столяра: дисковые, настольные и ленточные пилы, маршрутизаторы и токарные станки, конические поверхности, сверла, столярные инструменты...

Все, что мне нужно для создания мебели.

— Я подумал, может, ты могла бы начать раньше времени, — говорит он, отображая мои мысли.

— О, да, — бормочу я, бродя по пространству и разглядывая все.

Рабочие столы, вакуум для пыли, стеки различных видов пиломатериалов. Эмоции сжимают мое горло, когда поворачиваюсь к Итану, который прислонился к дверной раме, засунув руки в карманы и выглядя очень нервно.

— А где твои вещи для рисования? — квакаю я.

— Переехали в гостевой домик, — говорит он, пожимая плечами. — Мне не нужна вся эта комната, в любом случае.

Я судорожно сглатываю.

— Как... Когда?

Он отталкивается от дверной рамы.

— Нашел парня, который переезжал. Купил у него все разом. Вчера нанял несколько ребят, чтобы привезти это сюда. — Он оглядывается и затем смотрит на меня. — Тебе нравится?

— Нравится? — Смех булькает в горле. — Я влюблена в это. Люблю тебя. — Не говоря больше ни слова, я запрыгиваю на него, и он ловит меня, уверенно держа, когда оборачиваю ноги вокруг его талии и целую парня в шею. — Спасибо тебе, Итан. Это лучший сюрприз всех времен.

Он целует кончик моего носа до того, как прикусить его.

— Я тоже тебя люблю. С днем рождения, Вишенка.

Его слова приводят меня в чувство.

— Откуда ты узнал?

Итан бросает на меня раздраженный взгляд.

— Айви не пришла на нашу последнюю игру чемпионата, потому что у тебя был день рождения. Это было два года назад.

— Ты запомнил это два года назад?

— Думаешь, я забыл хоть что-то, касающееся тебя? — Вздыхая, он прислоняет свой лоб к моему. — Но я хочу знать, почему ты не сказала мне, что сегодня у тебя день рождения.

Я отвожу взгляд, пожимая плечами.

— Не знаю. Просто не привыкла напрашиваться на внимание.

Уверенно, но нежно, он поворачивает мое лицо к себе. Мне кажется таким сексуальным то, что он может держать меня на весу одной рукой. Его выражение лица полно нежности.

— Ты не должна больше напрашиваться на внимание к себе, Фи. Теперь это моя задача. Моя привилегия.

Мои губы растягивает улыбка.

— Ладно.

Он целует меня, в губы, а затем отстраняется.

— Кстати, у меня день рождения второго июня.

Я смеюсь и обнимаю его за шею, прижимаясь ближе.

— Хорошенько запомню. Жди мебель в подарок. Возможно, консоль для той плиты, что ты называешь телевизором.

Итан сжимает мою попку, еще раз самодовольно усмехаясь.

— Звучит идеально.

Идеально. Впервые в моей жизни все идеально.

Декс

В АРИЗОНЕ... ЧЕРТОВА засуха. Я всасываю глоток Гаторейда, пока захожу в лифт : нажимаю кнопку этажа своего люкса. Ага, я повысил уровень номера до люкса, надеюсь, что Фи приедет со мной. Но она сообщила вчера вечером, что у нее "алые дни календаря", и она не сможет поехать. Мне потребовалась минута на то, чтобы сообразить, что же это за алые дни, а затем заблокировать этот образ. Или попытаться. К сожалению, некоторые вещи лучше не представлять.

Но тем не менее, мне нравится то, что Фи так просто сообщила мне об этом. Нравится, что на дверце прачечной сохнет ее лифчик, куча бутылок с шампунем, кондиционером и гелем для душа — милый боженька, сколькими же чертовыми средствами для мытья пользуются девушки — захламляют мою душевую. Бля, мне даже нравятся коробки с тампонами в шкафчике над раковиной.

И без разницы, если это делает меня странным. Потому что данные штуки свидетельствуют о том, что Фи живет со мной. Что она пометила мой дом и меня самого.

Так что когда она посмотрела на меня вчера с болью в глазах, я проявил себя молодцом, спросив, что ей нужно, и пошел в магазин, чтобы купить ей брауни, мидол и да, еще больше тампонов и прокладок — даже знать не хочу, зачем там ебаные "крылышки".

Я сделал это без жалоб и затем, как и должен был, уехал на свою игру.

Теперь я собираюсь отправиться спать, ожидая возвращение домой. Впервые за все время я думаю о своем таунхаусе, как о доме, разве это не замечательно?

Я улыбаюсь, доставая телефон и проверяя сообщения, пока лифт поднимает меня на

нужный этаж.

Вишневая Бомба: Сегодня я закончила работать над одной деталью. Уже устала, так что пойду спать. Хорошая игра, малыш. Ты был на высоте! Скоро увидимся. ХОХО

Все еще не могу поверить, что она смотрит мои игры. Фи никогда не скрывала свою антипатию к футболу. Теперь она не только смотрит его, но и спит в моей джерси — когда я не снимаю ее с нее.

Я открываю номер, и меня встречает свет вместо тьмы. Может, обслуживающий персонал забыл его выключить? По какой-то причине волосы на затылке встают дыбом.

Я слышу шум и осознаю, что не один.

Мгновенно, каждая мышца напрягается, мои ощущения обостряются. Затем я вижу лифчик на полу. Кружевной бледно-фиолетовый, он лежит, словно груда сорванных лепестков, и мое сердце замирает. Я видел похожий лифчик ранее.

Фи? Она здесь? Пытается сделать мне сюрприз? Я кладу телефон на стол и иду через комнату к двери спальни. Крошечная пара трусиков болтается на дверной ручке.

В два шага я пересекаю небольшую гостиную, улыбка расцветает на моем лице.

Но тут же умирает, когда достигаю спальни.

— Какого хрена? — Мой крик эхом отдается по люксу.

Голая девушка в моей постели морщится, но делает наигранно смелое выражение лица.

— Привет. Я... О...

— Как, блядь, ты здесь оказалась?

Я правда изо всех сил пытаюсь снова не заорать и не потерять самоконтроль; я — большой парень, и здесь со мной наедине полностью обнаженная девица. Я осознаю ее уязвимость и простую тупость, даже если она не понимает этого. Я мог бы выбить из нее все дерьмо еще до того, как она бы поняла, что происходит.

А еще знаю, что она могла бы обернуть всю эту ситуацию, как того захочет. Вдруг я начинаю ее бояться. Того, как она все это выставит.

Я делаю шаг назад, мои плечи ударяются о стену.

— Ты должна уйти. Сейчас.

Девушка поднимается на колени, ее соски торчат в мою сторону. Но ее вид вызывает лишь прилив разочарования у меня в груди.

— Но, Декс, малыш, все в порядке. Я хочу быть здесь! Я хочу тебе помочь.

Я невесело смеюсь.

— Не думаю, что ты понимаешь. Я не желаю, чтобы ты была здесь, и ты можешь помочь мне тем, что оденешься и уйдешь.

— Я разделю с тобой деньги, — говорит она, раздвигая бедра.

Я смотрю на ее голову.

— Я рискну и предположу, что зарабатывать деньги, раздвигая ноги, в конце концов погубит твою душу.

— Ты называешь меня шлюхой? — воеет она.

О, мне хочется засмеяться. Правда. Только еще сильнее я хочу пробить стену кулаком. Потому вдыхаю и расслабляю руки.

— Убирайся. Пока я не вызвал полицию.

Я слышу, как она ворчит, вставая с кровати и собирая свою одежду.

— Ты гей? В этом дело?

Ну вот, дешевый прием. Я даже не отвечаю. Когда она марширует мимо, я смотрю вниз.

К счастью, девушка уже одета — если называть майку из розового спандекса, что едва прикрывает ее зад, платьем.

— Покажешься еще хоть раз рядом, и я вызову копов.

Ее лицо краснеет.

— Теперь я не стала бы трахаться с тобой, даже если бы ты просил об этом на коленях, мудака.

Верно. Вот почему она все еще стоит передо мной с диким и отчаянным взглядом в глазах. Я указываю на дверь, и девушка снова рычит до того, как броситься к выходу. Хлопок дверей номера говорит мне, что я остался один.

Мне хочется зарыться в кровать и поспать. Но теперь я не прикоснусь к ней. Вместо этого достаю телефон и собираюсь надрать зад охране гостиницы.

В результате меня переселяют в другой люкс, перед этим множество раз извинившись, и я заползаю под свежие простыни, готовый уснуть, но мои глаза резко распахиваются от ужаса, когда кое-что понимаю. Эта маленькая ведьма украла мой телефон.

Глава 37

Фиона

ЖДИ НЕОЖИДАННОГО — САМАЯ раздражительная фраза всех времен. Я к тому, что если вы ожидаете этого, то как оно может быть неожиданным? И все же эта глупая фраза вертится в голове, словно насмешка, когда зайдя на кухню на утреннюю порцию кофе, я открываю браузер интернета — как делаю всегда — и вижу, как оттуда мне улыбается мое собственное лицо.

Это странно. Я стою на месте, глядя на себя, то же лицо, что вижу каждый день в зеркале, но все же не могу поверить, что это я. Почему мой снимок на стартовой страничке Twitter-канала? Но тут мои формы приобретают больший смысл. На снимке изображено не только мое лицо. Это не сделанное с расстояния фото.

Острые шипы ужаса пощипывают мое лицо, руки и все тело. Желчь подкатывает к горлу, когда гляжу на это фото — множество изображений одного снимка — заполняющие все социальные сети.

На снимке я усмехаюсь, дотягиваясь языком до кончика такого знакомого соска с пирсингом. Иисусе. Это фото я сделала в постели с Дексом, мое абсолютно обнаженное тело распластано поверх его груди, пока я игриво облизываю соски парня. Мы смеялись, делая это селфи. Веселились.

"А это подойдет для моего кошелька".

— Дерьмо — шепчу я теперь, хотя никто не слышит этого. — Дерьмо.

Потому что это фото, с моей обнаженной перед камерой грудью, теперь может увидеть любой.

Я НЕ ЖЕЛАЮ более существовать. Не хочу умирать, лишь остановить свое существование. Уродство — это зараза, что просачивается сквозь мою кожу, словно тяжелое, колючее ворсистое одеяло. Его когти царапают грудь, вонзаясь все глубже, проникая в центр моей грудины.

И если извиваться, легче не становится. Неважно, насколько сильно я сворачиваюсь в

клубочек, мое тело все еще кажется оскверненным.

Недавно опубликовали еще один снимок: тот, что я отправила Итану, одетая лишь в лифчик. Я позировала, словно красотка, дразня его за то, что не вернул мои трусики. Я чувствовала себя в безопасности, отправляя ему это фото, считала себя сексуальной и желанной. А не так как сейчас.

Невероятно уродливой. Бесконечные твиты, сообщения на Facebook и Instagram — обзывают меня шлюхой, спрашивают, хочу ли я быть выебанной, разбирают по кусочкам мое тело, критикуя его. Я стараюсь не смотреть, но почти невозможно скрыться от этого, не тогда, когда волна отвратительной ненависти и осуждения омывает меня одним махом.

Я отключила телефон и забралась в угол спальни. Знаю, что должна по крайней мере поговорить с Дексом. Но не могу. Не могу пошевелиться.

Смутно слышу, как открывается входная дверь. Все во мне напрягается.

Декс в Аризоне. Даже если он сел на первый самолет, сомневаюсь, что был бы здесь так скоро. С Дексом я могу справиться. Как я думаю. Не знаю наверняка, потому что эти снимки явно с его телефона. Как они попали к кому-то другому? Боюсь, что если спрошу у него, то приду в ярость. Знаю, он не делал этого. Но все же. Как?

Быстрые шаги раздаются приглушенным эхом, когда кто-то проходит через гостиную на первом этаже. Только бы это был не папа. Только не он. Одна мысль о родителях, которые смотрят на эти фото, вызывает приступ тошноты. А я знаю, что папа их увидит. Это неизбежно, как закат солнца. У папы не может быть кода от дома Декса, но кто его знает. Зная его, он мог бы и выломать дверь.

— Фи? Фи, сладкая? — голос Айви.

Я отворачиваюсь лицом к стене. Возможно, она меня не заметит.

Но затем дверь спальни открывается, и ее высокий стройный силуэт появляется в виде тени. И это все, что нужно, чтобы мои рыдания вырвались на свободу.

— О, Фи. — Айви мигом оказывается рядом.

Ее сильные руки обнимают меня, пока плачу, цепляясь за нее, словно за плот.

— Милая. Она гладит меня, бормоча бессмысленные слова, как делала наша мама, когда мы были маленькими.

Не знаю, как долго я плачу. Пока не изматываюсь, а мой живот болит и сводит спазм.

Я чувствую, что кто-то еще вошел в комнату, а затем большая рука поглаживает мой затылок. Это Грей.

— Фи-Фи, мы поможем пройти тебе через это. — Он говорит так тихо, что я едва разбираю слова. Но гнев его слов физически ощутим. Я ценю это, вот только он не прав. Никто не поможет мне пройти через это. Мир навесил на меня ярлык шлюхи, которая трахнула Итана Декстера ради приза и сделала снимки в знак подтверждения. Боже, они сделали нас такими уродливыми и глупыми.

Айви отодвигается, и Грей наклоняется, чтобы подхватить меня. Почему-то от этого я начинаю сильнее рыдать. Я люблю Грея за его заботу. Но хочу, чтобы здесь и сейчас обо мне заботился Итан.

Грей укладывает меня обратно в постель, а Айви натягивает одеяло и затем забирается ко мне. Их тихое бормотание возле моей головы убаюкивает, но Грей вскоре выходит из комнаты.

— Я так смущена, — шепчу я.

— Знаю. Мы выясним, что случилось. А затем я серьезно надеру чью-то задницу. — В

ее тоне слышны жесткие нотки, что мне не нравятся.

— Итан не делал этого.

Ее тело напрягается.

— Знаю. Но теперь все вышло из-под контроля, и нам нужно подумать об антикризисных мерах.

Мои внутренности снова скручивает.

— Ущерб уже нанесен, Айви.

Она чмокает меня в плечо.

— Поспи немного. Мы здесь ради тебя.

Данная идея придает мне немного уюта. И впервые в своей жизни, я чувствую себя действительно беспомощной.

Глава 38

Декс

ДЛИЛСЯ ЛИ КОГДА-ЛИБО полет так же долго, как сегодня? К тому времени, как приземляюсь, почти теряю весь рассудок. Обычно я осторожен, учитывая размеры своего тела, стараюсь не врезаться в кого-то и не сбить с ног. Но сегодня я использую свои габариты, продвигаясь среди неспешных пассажиров.

Мои внутренности так сильно скручивает, что приходится несколько раз сглотнуть, чтобы унять тошноту.

Неважно, что я связался со своим оператором связи и сообщил о краже телефона.

Ущерб уже нанесен. Потому что я глупый, ленивый осел, не использующий защиту паролем. Я — тот, кто позволил какой-то злобной отчаянной девчонке ускользнуть из номера с моим телефоном, и она продала снимки в таблоиды.

И не только снимки, но и нашу с Фи переписку.

Личные мысли, что теперь стали пищей для всего мира. Но те фото. Фи, моя девушка, человек, о котором я больше всего забочусь, выставлена на показ так, словно она какая-то вещь.

Это доводит меня до такого безумия, что едва могу видеть перед собой. Неважно, что у меня есть юристы, угрожающие возбудить дело, обещающие все изъять. Фото вышли на свет, и теперь они навсегда останутся в Интернете.

Мир видел обнаженную Фиону. И я пиздец как ненавижу сей факт. Не могу вынести мысли о том, что парни увидят ее такой. Без ее на то разрешения, без ее согласия.

Рычащий звук зарождается глубоко внутри меня. И это все, что я могу сделать, не начав орать или на хрен рыдать. Потому что именно я виноват в происходящем. Все это происходит по моей вине.

Поездка в такси кажется еще хуже. Ублюдок узнает меня.

— Привет, мужик! Ты — Итан Декстер!

Будто я не знаю своего долбанного имени. Сжимаю кулаки и с силой ударяю ими по бедрам. Так сильно, чтобы снять стресс в мышцах. Езжай. Просто езжай. Отвези меня к Фи.

— Ты правда девственник, мужик? — Бесцеремонный уебок, что так и нарывается получить кулаком в лицо, хихикает. — Ну, теперь-то уж нет, а? Эта сладкая малышка...

— Скажешь еще слово и лишишься языка, — выкрикиваю я.

Таксист бледнеет и быстро отводит глаза. Черт. Он мог бы выбросить меня из такси, и я бы застрял на обочине чертового шоссе, пока Фи страдает. Заставляю себя дышать.

— Ты говоришь о моей даме, понимаешь? — Таксист кивает, его взгляд мечется между мной и дорогой перед ним.

— Ага, мужик. Это круто. Гм... не подумай, что я сказал так из неуважения.

Я стискиваю зубы, пытаюсь успокоиться.

— Если бы ты мог побыстрее доставить меня домой.

— Конечно, мужик. Конечно. Без проблем.

На этом мой болтливый таксист ускоряется.

Я ОЖИДАЮ УВИДИТЬ Айви и Грея у себя дома, так как дал Грею код доступа. Он были ближе к Фи. Грей играл игру в Атланте, и Айви с малышом навещала своего отца. Чего я не ожидал, хотя, вероятно, стоило, так это того, что папа Фи и Айви, Шон Маккензи — мой со-агент — будет тоже здесь.

Дерьмо.

Он выглядит не очень радостно.

Шон или БигМак, как его часто называют, отыграл свое в NBA. Два метра ростом, он кажется крайне долговязым и мрачным, как своего рода современный Авраам Линкольн. А те яростные взгляды, что он бросает прямо сейчас, говорят о том, что Шон не прочь порвать меня на куски. В данный момент я мог бы что-то соврать, но он — папа Фи. Если выберу этот путь, он станет частью моей жизни навсегда, а это значит, что лучше быть с ним в хороших отношениях.

Он не ждет того, что я положу сумку, сразу нападавая.

— Какого хрена ты сделал, Декстер? — Он делает шаг вперед, словно может ударить.

Грей тоже подходит ближе.

— Полегче, Шон.

Шон бросает на него сердитый взгляд и возвращает внимание ко мне.

— Я задал тебе вопрос.

— Я облажался. И это съедает меня.

— Это и так ясно, Шерлок.

Мой взгляд следует мимо него к Айви, которая необычно бледна и молчалива сейчас.

— Фи? Она здесь? Она... — Дерьмо. Я не могу сформулировать слова. Сожаление — агония, убивающая меня изнутри.

Она кивает и указывает в сторону лестницы.

— Она спит.

Моя сумка падает на пол, и я двигаюсь.

— Куда это ты, на хрен, собрался? — кричит Шон.

— Туда, где я нужнее. — Я не оглядываюсь. — Можете наорать на меня позже.

Глава 39

Фи

В СПАЛЬНЕ ТЕМНО и прохладно, одеяло тяжелое и теплое. Я люблю эту кровать. Она большая, матрас упругий, но плюшевый сверху, белье мягкое и белоснежное. Кровать Итана.

Наша кровать. Но она пахнет им, специями и теплом.

Я притягиваю подушку ближе и вздыхаю. Но звук открывающейся двери вынуждает напрячься.

Полоска света падает на кровать, а затем исчезает, когда дверь осторожно закрывается. Я сильнее обнимаю подушку, пытаюсь держаться, пока Итан подходит ко мне. Мне не нужно его видеть, чтобы знать, это он.

Теперь он — моя кровь. Я знаю его, он словно мое собственное дыхание.

Кровать скрипит, и он проскальзывает под одеяло, убирая подушку и притягивая меня в свои объятия. Я заваливаюсь ему навстречу, всхлип срывается с уст, не смотря на все мои усилия сдержать его.

— Итан. — Оборачиваю конечности вокруг него, крепко цепляясь.

— Вишенка, детка. — Его объятия настолько крепкие, что почти больно. Я люблю это. Он держит меня так, словно пытается сделать частью своего тела — сильного, выносливого, стойкого против дерьма, что мир бросает нам в лицо. Его ладони гладят меня по волосам, по спине, везде, куда он может дотянуться.

— Дорогая, — шепчет он. — Вишенка... Я... — Прерывистое дыхание покидает его, и он вздрагивает. — Блядь. Мне так жаль. Мне пиздец, как жаль.

Я цепляюсь за него, сжимая в кулаки его волосы.

— Все нормально.

— Нет, — вскрикивает он, низким и злым голосом. Затем глубоко вдыхает, собирая мои волосы. — Это моя вина. Я подвел тебя.

Его голос кажется таким сломленным, что я поворачиваю голову и целую потный кадык на его шее, ощущая, как он движется, когда парень сглатывает.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Итан снова сглатывает, еще раз его пронизывает дрожь. Его губы прижимаются к моей голове, когда он глубоко и напряженно вдыхает. И я боюсь. Что он сделал?

Когда Итан начинает рассказывать мне о случившемся, я больше не боюсь. Я в ярости. Она накрывает меня, словно лесной пожар, разжигая кровь и ускоряя биение сердца.

Он заканчивает рассказ, устало вздыхая, его голова наклоняется, словно он больше не может ее удерживать.

Я склоняюсь над его лицом, прикасаясь к щекам так, чтобы он поднял голову. Его мрачное выражение больно видеть.

— Хочешь услышать что-то смешное? — спрашиваю я.

Он хмурится.

— Что?

— Мой разум зашел в тупик на моменте о голой женщине в твоей постели.

Грустная улыбка пересекает его лицо.

— Это было наименее важной частью всей истории, Вишенка.

— Знаю. Но у меня появилось безумное желание выследить ее и врезать кулаком ей в сиську.

Итан смеется, словно не может сдержаться.

— Ее сиську? Это... до странного конкретно.

Я пожимаю плечами.

— В данный момент я мыслю не очень рационально. — Мои глаза снова начинают слезиться. — Думаю, у меня сиськи вместо мозгов.

Как будто слово "сиськи" стало переключателем, я начинаю плакать и кричать так, что моя грудь вздымается. Итан матерится и крепче меня обнимает, прижимая к своему телу еще раз.

— Фи... ангел, детка... — бормочет он нежно, пока гладит по моей спине, зарывает пальцы в волосы.

Он осторожно раскачивает меня, пока лежу в кровати и плачу.

— Ты убиваешь меня, Фи, — шепчет он прерывисто.

— Знаю. — Мое дыхание перехватывает. — Я просто, кажется, не могу остановиться. — Мне хочется собрать себя в кучу, прийти в чувство и забыть обо всем дерьме. Но это так не работает. Во мне скрывается бесконечный запас слез и гнева.

Его объятия становятся крепче, на грани болезненных, но я рада этому, хочу, чтобы он держал меня так вечно. Его нос утыкивается в мой висок.

— Значит плачь, сколько хочешь. Я никуда не уйду.

Странно, но в тот момент, когда он дает мне разрешение распасться на части, я успокаиваюсь. Через некоторое время, мое тело прекращает дрожать и я чувствую тяжелую усталость.

Итан не перестает гладить мое тело. Мой нос прижат к центру его груди.

Я вдыхаю его запах, цепляясь за футболку.

Когда он снова начинает говорить, его голос груб и надломлен, словно он тоже плакал.

— Грей написал мне как-то шутку. Хочешь услышать?

— Зная ужасные шутки Грея, вероятно, нет. Но давай.

Он трет мой затылок.

— Как бы ты назвала корову без ног?

Я ласкаю его кожу в области талии, где у парня такие рельефные мышцы.

— Как?

— Говядина.

С секунду мы оба молчим, а затем я начинаю хохотать.

— Боже, это так неправильно.

— Ужасно. — Итан поворачивается на бок и прикасается к моей щеке. — Но это тебя рассмешило. А меня лишь это и волнует. — Боль и сожаление затуманивают его глаза. — Я хочу исправить это, Фи. Но не знаю как. Не знаю, что сделать.

Для такого парня, как Итан, быть беспомощным, должно быть, невыносимо. Я могу почувствовать, как сжимаются и расслабляются его мышцы, когда все его тело хочет действовать, сделать свой ход.

Мой взгляд скользит мимо него, сосредотачиваясь на чем-то отдаленном, а мой голос кажется пустым.

— Все так, Итан, ты не можешь.

Знаю, это его не устроит. Он хмурится, словно хочет кого-то ударить. Я чувствую тоже самое. Но впервые меня это не волнует. Кажется, я потеряла способность бороться.

Декс

КАК ТОЛЬКО Я рассказываю Фи, что здесь ее отец, она миглом садится, ее глаза округляются, а волосы торчат в разные стороны. Она выглядит так душераздирающе красиво и полностью сломлено.

— Твою ж мать. — Вытаскивая свою маленькую попку с кровати, она топает в ванную и начинает умываться. — Просто к черту все это. Я не хочу встречаться с папой прямо сейчас.

Я встаю и следую за ней, пока она ловко начинает наносить макияж. Не представляю, как ей удастся не тыкнуть тушью в глаз.

Независимо от ситуации, наблюдать за тем, как Фи собирается, очень увлекательно. Это такая личная штука, и я могу быть ее свидетелем.

— Ну, он здесь, и не думаю, что планирует куда-то уходить, — говорю я, пока она наносит тональный крем под глаза. — В любом случае, почему ты красишься? Ты и так совершенство.

Она фыркает.

— Я — чертов хаос. Не стану встречаться с папой, когда выгляжу, как плакса.

Тяжелый камень ложится мне на сердце.

— Но ты плакала. Нет ничего постыдного в этом. — Бля, я тоже хочу плакать. И это правда. Потребовались все силы, чтобы не начать всхлипывать вместе с ней. Я чувствую себя настолько охренительно беспомощным прямо сейчас, что хочу пробить дыру в стене.

Скрещиваю руки на груди и сжимаю кулаки, чтобы не сделать этого.

Фи порхает мимо меня, направляясь к гардеробной, чтобы вытянуть чистую рубашку.

— Ну, а мне стыдно. — Ее лицо кривится. — Он, вероятно, видел мои обнаженные снимки, Итан.

Я опускаю голову и следую за ней.

Как и ожидалось, Шон ждет в гостиной. Он вскакивает на ноги, как только мы входим, его внимание приковано исключительно к дочери.

— Фиона, сладкая... — он делает два шага, словно хочет обнять ее, но тело Фи напрягается, и она отступает, натываясь на меня. Я позволяю ей прислониться к моей груди, но не обнимаю девушку. Очевидно, что физическое утешение — последнее, чего она хочет прямо сейчас.

— Привет, пап.

Ее болезненный взгляд устремляется к Айви и Грею, которые тоже встают — малыш Лео находится в слинге напротив груди Грея.

— Привет. — Айви оглядывается. — Приготовлю кофе. Грей мне поможет.

— Я приготовлю суп на обед, — говорит Грей нам, затем откашливается, резко разворачивается и следует за Айви на кухню. Скорее даже сбегает из комнаты. Не могу его винить.

Фи выглядит так, словно хочет, чтобы ее поглотила черная дыра, и Шон обращает свое внимание на меня. Уверен, я был бы уже мертвецом, если бы он сделал, что хочет.

— Мне хочется знать, какого хрена произошло, Декстер, — требует он. — Как у какой-то фифы оказался твой телефон?

Из кухни я слышу, как Грей произносит "Фифы?" и затем фыркает. Уверен, Айви дала ему локтем в бок. Противясь желанию провести рукой по бороде, я рассказываю Шону, что случилось.

Даже несмотря на то, что Фи уже слышала эту историю, ее тело замирает по мере моего рассказа. Знаю, я вызываю у нее еще больше смущения и мысленно проклиная эту маленькую золотоискательницу, что украла мой телефон и продала нашу личную жизнь.

Шон снова смотрит на Фи.

— Мне жаль, детка. Я уже подал заявку на открытие дела и ордер на изъятие.

— Которые совершенно бесполезны, — произносит она мертвым голосом. — Ущерб нанесен.

— Чертовски верно, — кричит Шон, глядя на меня. — Все из-за чертовски идиотского, тупого, глупого, гребаного, безмозглого...

— Остановись, папа, — перебивает Фи жестким тоном. — Крик на Итана ничего не изменит.

— Это позволит мне почувствовать себя немного, на хрен, лучше. — Он не отводит от меня глаз. — Я доверил тебе ее защиту.

— Знаю, — удается произнести, сквозь ком в горле. — Вы не говорите ничего, что я сам не говорю себе.

— Это произошло не по его вине, — говорит Фи. Ее голос кажется отстраненным, как и взгляд. — Это произошло из-за поступка предприимчивой фифы. Давайте отпустим это.

Шон проводит рукой по волосам.

— Послушай, почему бы тебе не упаковать чемодан? Вернешься в Нью-Йорк, пока все не уляжется.

На этом мои руки хватаются за плечи Фи.

— Черта с два.

— У тебя больше нет слова, Декстер. Не после того, как ты испоганил ее жизнь.

Правда его слов — уродливый удар, но его не достаточно, чтобы заткнуть меня.

— Я ценю, вашу заботу, Шон, но ни за что не позволю вам увезти Фи отсюда. Я не позволю ей пройти через это в одиночку.

Он рычит от отвращения.

— Потому что ты проделал такую работу, чтобы позаботиться о ней?

Фи пожимает плечами, сбрасывая мои ладони и отходит. С таким же успехом, она могла оторвать мне руки. Она даже не смотрит в мою сторону, пока подходит ближе к отцу. Дальше от меня. Мне хочется вернуть ее, вытащить из этой комнаты, затянуть обратно в нашу постель.

— Пап, — говорит она, тихо вздыхая. — Я хочу, чтобы ты уехал домой.

Он моргает, глядя на нее так, словно она говорит на другом языке.

Айви и Грей медленно входят с кухни, не в силах держаться подальше в этот момент.

Шон не замечает их.

— Фиона...

— Мне жаль, — перебивает она. — Знаю, ты хочешь помочь. Но ты здесь, говоришь все это Итану. И от того все кажется лишь более реальным. Более... унижительным. — Ее маленькая ручка дрожит, когда Фи проводит ей по своим волосам так же, как это недавно делал ее папа. — Я не могу сейчас справиться с реальностью, понимаешь? Мне хочется побыть одной.

Он бросает тупой взгляд на Айви и Грея.

— Вы тоже. Я очень благодарна, что вы, ребята, приехали ради меня сюда, но теперь, прошу, езжайте домой.

Айви кивает, ее выражение лица искажено.

— Ладно, Фи. Мы дадим тебе пространство.

— Подождите минутку, — начинает Шон, но Фи его снова перебивает.

— Прощу, папа. Я не могу. — Ее подбородок опускается, но она уверенно стоит на месте. — Мне это нужно. Прощу уходи.

Мне жаль парня, он выглядит сломленным. С секунду мы все стоим здесь, никто не издает ни звука. И затем Шон вздыхает.

— Ладно, Фиона. Я уеду. — Он движется, словно ранен, медленно поднимая свой телефон со стола.

Грей откашливается.

— Мы поедем с вами, Шон.

Айви осматривается, словно вдруг не знает, где выход из дома.

— Я просто... Приготовила кофе и испекла тебе пекановый пирог, и... Ладно. — Ее взгляд следует к Фи, но она не делает ни шага, чтобы обнять ее, словно знает, что Фи не хочет этого прямо сейчас. — Позвони мне, ладно?

— Ладно.

Фи смотрит на пол, ее тело напряжено, руки сжимают талию. Она кажется такой маленькой и пораженной, что я снова раздавлен. Бормочу прощания, но продолжаю смотреть на Фи.

И так до тех пор, пока мы не остаемся одни в тихом доме, и я иду, чтобы обнять ее. Но она выдвигает руки между нами.

— Я имела в виду именно то, что сказала, — говорит она. — Мне бы хотелось побыть какое-то время одной.

Оставить ее в одиночестве противоречит всем моим инстинктам. Но я делаю это. Потому что, чего бы не хотела Фи, я дам ей желаемое.

Глава 40

Декс

ПРОГУЛКА ПО ТЕМНОМУ тоннелю от раздевалки к яркому свету поля — действие, к которому я всегда обращал внимание. Думаю, так делают многие парни. И это прозвучит безумно, но ряд образов неизбежен — на заре новой игры, новой возможности изменить вашу судьбу, выиграть.

Это отличается от времени между таймами. Вы можете находиться на вершине мира, надирать чей-то зад, или — ниже плинтуса, когда счет совсем не в вашу пользу, или даже где-то между этими двумя состояниями. В эти минуты, шагая между прохладной темнотой и суровым ярким светом, вы принимаете решение для себя — бросить все или продолжить борьбу.

Все вдохновляющие речи, упреки или похлопывания не могут сделать это за вас. Это то, что каждый мужчина должен отыскать внутри себя. Конечно, мы — команда. Но независимо от того, как вы сплочены, команда состоит из людей и сильна настолько, насколько сильно самое слабое ее звено.

Я почти в конце туннеля, если говорить о том, что касается Фи. Могу видеть свет и возможности для нас. Но прямо сейчас меня окружает неестественная тьма. И я боюсь за нее. Она пострадала от этого дерьма, и я не знаю, как все исправить.

Боже, я хочу все исправить. Я хочу уберечь ее, защитить от этого безобразия.

Просто удержать ее. Навсегда. Она моя. Моя, чтобы защищать.

Но я даю ей пространство, о котором она просила. Как же я ненавижу это слово прямо сейчас. Пространство означает, что я сижу один во дворе, а Фи отсиживается в нашей

комнате, в состоянии дрёма. Лишь этим она и занимается в последнее время — дремлет.

И я не могу пробудить ее. Она не хочет просыпаться — не то чтобы я ее винил. Слишком много людей сейчас узнали бы ее на улице, но причины, по которым они ее узнают, неправильные. Вероятно, вытягивать ее из укрытия дома — не слишком хорошая идея, учитывая то, что я скорее выбью из кого-то все дерьмо, если они сделают неподходящее замечание.

Но по крайней мере я пытаюсь вытянуть ее из спальни, посмотреть кино, потренироваться со мной, что-нибудь. Секс вообще не на повестке дня. Она переодевается в ванной и забирается под одеяло до того, как могу оказаться рядом. Фи всегда жмет ко мне ночью, но если пытаюсь прикоснуться к ней в сексуальном смысле, она замирает.

Когда спрашиваю, что не так, она качает головой и говорит тоже самое.

— Я просто продолжаю думать о всех тех людях, что видели меня голой. Это обжигает мою кожу.

Что я могу сказать в ответ?

Сидя на шине трактора, я гляжу в окно спальни. Мне больно из-за Фи.

На улице довольно прохладно, воздух влажный. Чувствую это своими суставами и мышцами ног. Телефон гудит в заднем кармане. Дрю звонит.

— Привет, мужик, — отвечаю.

— Эй. Как Фи?

Я сжимаю переносицу.

— Не очень. Она вялая и ни в чем не заинтересована. Словно просто... ускользает, понимаешь?

— Кажется, у нее депрессия.

— Знаю, Боец, — восклицаю я, затем вздыхаю. — Я просто не понимаю, что с этим делать. — Я сделал заявление для прессы, рассказав, что Фи — моя девушка, и я восхищаюсь ей и забочусь о ней. Смысл в том, что нужно было послать куда подальше всех ненавистников Фи. Не то чтобы это помогло.

Голос Дрю становится ниже.

— Тебе нужно вытащить ее из дома.

— Она не хочет выходить.

— Жесткая любовь, Декс. Будь тем парнем, который давал мне под зад всякий раз, как я хандрил. Ты — якорь, наш Большой Папочка, и так далее.

Я невесело смеюсь.

— Я правда не хочу играть в Большого Папочку с Фи.

Он тоже смеется.

— Ага, ладно, проехали. Но с другой стороны. — Я снова бросаю взгляд на окно. — Прямо сейчас она такая хрупкая. Я не хочу ранить ее еще сильнее.

— И не ранишь. Но это своего рода выражение жесткой любви, не так ли? Ты делаешь то, что должен, несмотря ни на что.

Несмотря ни на что. Я отталкиваюсь от шины.

— Мне нужно позаботиться о некоторых вещах, — говорю Дрю. — Перезвоню тебе позже.

— Удачи, мужик.

Вероятно, она мне понадобится. Я кладу трубку и направляюсь в дом.

Фиона

ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ я избегаю телефона. Но на звонок Виолетты отвечаю, потому что знаю, она не сдастся, пока мы не поговорим, да и грубо заставляя ее беспокоиться.

— Я, бля, порву эту чертову компанию на гребаные куски, — обещает она, ее голос надрыдается через трубку телефона, словно глас уличного правосудия.

— Ты этого не сделаешь, — отвечаю сурово. — Не станешь нарушать закон и рисковать загреметь в тюрьму ради меня.

Месть не вернет мне мою гордость.

— Это начало.

— Нет, Виолетта. Нет, — повторяю я, потому что ей необходимо услышать это от меня. — Обещай, что не полезешь к ним. Я просто буду беспокоиться и расстроюсь от одной мысли, что ты нарушаешь закон.

Она фыркает, громко и резко.

— Ладно. Ладно. Но я должна что-нибудь сделать. — Я слышу, как ее ногти стучат по столу. — Знаю! Я отправлю тебе новую невероятную сумочку.

— Сумочку?

— Новая сумочка всегда помогает мне почувствовать себя лучше. О, у Prada появились невероятно милые бирюзовые клатчи. Отправлю тебе один. Моя кузина работает в Vogue. У нее должно быть что-то подходящее.

Мы болтаем еще какое-то время, но это выматывает меня. Так что я заканчиваю разговор, сказав, что Итан пришел домой. Ложь.

Но звучит лучше, чем "прости, но я больше не могу с тобой говорить".

Спустя немного времени мне приходит смс, которую не могу игнорировать. От моей давней коллеги Алисы.

АлисаВ: Подумала, что это может поднять тебе настроение. Елену уволили. Феликс дал ей под зад сегодня утром.

Я: Выгнал Папу Смурфа! Почему?

АлисаВ: Видимо, ее дизайн для квартиры Сесилии Робертсон в конечном итоге оказался точной копией нового пентхауса Джанис Марк. Сесилия была унижена. А это значит, что и Феликс тоже потерпел унижение. Теперь он в полной заднице.

Я моргаю, глядя на телефон, челюсть отвисает. Святое дерьмо. Елена в любом случае использовала те дизайны. Я говорила ей, что они плохие. И четко объяснила почему. Возможно, она приняла мои слова в противоположном значении.

Я ожидаю укол вины, но не чувствую его. Могу лишь покачать головой. Часть меня надеется, что Елена выучит этот урок. Но другая часть чувствует полное отсутствие интереса к тому, что с ней случится. Укравший один раз, украдет снова, — думаю я.

И отвечаю Алисе.

Я: Сгораю от любопытства.

АлисаВ: Позаботься о себе, малышка. Мы (и под нами я имею в виду всех смиренных работников) показываем Блум средний палец в отместку за тебя.

Я: Спасибо. Передавай всем (и под всеми я подразумеваю всех смиренных работников) мои крепкие объятия.

После этого откровения я ненадолго засыпаю. Затем звоню маме. Не могу вынести все это.

Хочу лишь спать, прятаться под мягким покрывом одеяла, хоть и понимаю, что это неправильно. Знаю, и все равно не могу прекратить. Я отталкиваю Итана, игнорирую боль в его глазах. Игнорирую всех и все, даже мысли в своей голове.

Мои глаза жжет от слишком большого количества слез, а кожа кажется воспаленной, словно я вскоре разломаюсь на две части. Знаю, что веду себя чрезмерно сентиментально и драматично. Не могу так и дальше жить. Так что звоню маме.

Даже пока идут гудки, я потею и гадаю, почему должна позвонить ей. Она отвечает до того, как могу набраться мужества повесить трубку.

— Фиона, дорогая девочка, — говорит она вместо приветствия.

— Привет, мам. — Мой голос дрожит, а глаза жжет.

— Я собиралась позвонить тебе и сообщить, что забронировала рейс, так что скоро приеду повидаться.

Я сжимаю телефон.

— Нет. Не делай этого. Прошу. — Втягиваю воздух. — Еще сложнее от того, что вижу с вами, ребята.

Тишина словно клещи сжимает нас.

— Шон сказал, что ты попросила его уйти. Он был очень расстроен.

— Я не хотела ранить его чувства, мам. Просто не могла справиться... ни с чем.

— Ты не хочешь, чтобы с тобой нянчились, — говорит она. — Я понимаю. Больше, чем ты думаешь.

Уродливые воспоминания всплывают на поверхность, о том, как мама закрывалась в своей комнате после многочисленных шумных сплетен насчет папы. И это в некотором роде было смешно, потому что его измены не удивляли абсолютно никого, в том числе ее. Но публичное унижение было слишком сильным.

— Не знаю, как пройти через это, — говорю я, пока слезы наворачиваются на глаза.

— Просто сделай это. — Ее голос нежный, успокаивающий. — Пройдет время, и все станет проще.

— Я пыталась выйти из дома, но люди смотрели на меня... — Мой желудок сжимается, когда вспоминаю, как пялился на мою грудь курьер, что доставлял заказ Итана, пока я с ним расплачивалась.

Итан подошел через секунду, аккуратно встав передо мной и заплатив парню. Он не сказал ни слова. Не пришлось. Было очевидно, что ужасный парень-курьер был в секунде от риска получить кулаком в живот. Он мигом забрал деньги и практически убежал.

Возможно, приятно, что Итан защищает меня, словно большой медведь, но он не может быть рядом все время. Да и не может изменить мысли людей.

Некоторые мудаки репортеры опубликовали фото, где я целую Джейдена — тот глупый трюк, что имел место, кажись, вечность назад — и теперь они называют меня охотницей за сокровищами, одной из таких женщин, из-за которых плакала моя мама и ходил налево папа. Меня не должно волновать мнение незнакомцев. Но я с ужасом осознаю, что меня оно волнует.

Мама снова начинает говорить, возвращая меня к настоящему.

— Почему бы тебе не прилететь в Лондон?

— Я не знаю...

— Никого здесь не волнует американский футболист. Ты могла бы расслабиться. Можем заняться рождественским шопингом, выпить горячего пунша, возможно, сходить на

мюзикл. — Это кажется такой замечательной идеей, что я снова плачу и сморкаюсь. Я так скучаю по маме. Скучаю по тому, чтобы почувствовать себя ребенком, ощутить ее заботу, когда самые крупные мои заботы состояли в своевременном выполнении домашки и том, позволит ли она мне съесть печенье после школы.

Голос мамы мурлычет, действуя на меня, словно расплавленный сахар.

— Подумай об этом, дорогая.

Я закрываю глаза и делаю вдох.

— Ладно.

Глава 41

Декс

Я НАХОЖУ ФИ на кухне. Она не пьет и не ест, и не готовит ничего. И это меня беспокоит. Ей не свойственно стоять на месте, глядя в никуда.

Фи — это свет и любовь. Счастье и смех. Даже когда она спокойна, все равно мерцает. Но сейчас этот свет пропал. Она бледна и тиха. Ее волосы утратили сияние, свисая вокруг ее красивого лица.

Мне хочется подойти к ней, притянуть ближе. Но когда прикасался к ней, она вздрагивала. И это ранит меня слишком сильно, так что сейчас не рискую.

— Привет, Вишенка.

Фи моргает, словно я вытянул ее из тумана раздумий.

— Эй. Ты был на тренировке?

— Нет. Просто сидел какое-то время во дворе.

Моя от природы любопытная девочка спросила бы почему. Дрю прав, мне нужно вытолкнуть ее из этого состояния. Даже если придется перебросить ее через плечо.

— Я разговаривал с Дрю.

Она морщится, ее плечи опускаются.

— Дай угадаю, обо мне.

— Он хотел узнать, как твои дела. Он волнуется о тебе, Фи.

Но она лишь качает головой.

— Ты знаешь, что облажался, когда предпочитаешь, чтобы никто о тебе не волновался.

— Ты ведь не имеешь в виду то, что говоришь.

— Почему же, — кричит она, ее глаза полны жестокости и холода. — Я была бы счастлива, если бы никто никогда в дальнейшем не спрашивал, как у меня дела.

Теперь моя очередь поморщиться. Потому что я задаю ей этот вопрос каждый день. Я назойлив, раздражая ее своей заботой. Выражение лица Фи говорит мне, что именно так она и считает.

Моя голова начинает пульсировать вместе с сердцем. Я провожу рукой по бороде, не зная, что еще, на хрен, сказать.

Фи проводит пальцами вдоль жилок мраморной столешницы.

— Я тоже разговаривала по телефону. С мамой.

Я встречался с мамой Фи дважды. У Фи ее цвет волос, но Айви больше похожа на мать чертами лица. Я с нетерпением жду возможности встретиться с ней в роли парня Фи, но не думаю, что они разговаривали об этом. Инстинктивно мне хочется что-то сделать.

Фи бросает на меня взгляд.

— Она просила меня приехать в Лондон.

— Лондон. Сейчас? — Стук сердца становится быстрее, сильнее.

Фи пожимает плечами, изучая мраморную плиту.

— Я могла бы уехать. Заняться чем-то. Не находясь в ловушке. Ловушке, здесь со мной.

Я провожу рукой по бороде, а затем разглядываю свои дрожащие пальцы.

— Я могу поехать с тобой хоть прямо сейчас, Фи.

Она не поднимает глаз.

— Знаю.

Меня валили на землю сто тридцати килограммовые мужики, но это ранило меньше, чем одно это слово. Она не хочет, чтобы я ехал.

Ее голос тих, когда Фи продолжает так, словно пытается поберечь мои чувства.

— Ты как-то говорил, что нам стоит сделать шаг назад, пока все не образумится.

— И ты сказала, что я был неправ. — Скажи, что я снова ошибаюсь. Борись за нас.

— Возможно, ты был прав.

Мое горло сводит, и приходится откашляться.

— Ты сказала, что не хочешь быть вдали.

— Я и не хотела... Не хочу. Но это... — она указывает на окно и мир за ним. — Так нельзя жить.

— Прекрати скрываться. Выйди туда и пошли на хрен все мнения других людей.

Ее глаза обращаются ко мне, насыщенно зеленые и злые.

— Легко тебе говорить.

— Совсем не легко, Фи. Все это на хрен меня убивает.

— Тогда помоги мне, — говорит она, наклоняясь ко мне, ее худое тело напрягается и застывает. — Я не могу это вынести, Итан.

Я не могу смотреть на нее. Иначе слечу с катушек.

— Это не навсегда, — говорит Фи.

И она права. Это просто путешествие, не конец. Но кажется им. Меня переполняет тошнотворный страх, что как только она выйдет через эти двери, то я ее потеряю.

Мне хочется бороться за нее. Настоять на том, чтобы она осталась со мной. Но я не могу быть эгоистом. Если заставлю ее остаться, то в любом случае потеряю Фи. Она не вещь. А женщина, которую люблю. И если ей нужно быть со своей матерью прямо сейчас, то она это получит.

Я напряженно сглатываю, и кажется, что глотаю куски битого стекла. Когда говорю, мой желудок переворачивается.

— Дай знать, когда захочешь уехать, я забронирую билет.

Глава 42

Декс

Я ИДУ СПАТЬ первым и жду в темноте, пока Фи закончит свои дела в ванной. Я привык спать, держа ее в объятиях, в мертвой хватке в моей постели. Больше этого нет. Теперь у меня есть моя половина — левая, та, что ближе к дверям. Я выбрал ее, потому что где-то инстинктивно глубоко внутри себя понимал, что нуждаюсь в том, чтобы находиться

между Фи и любимым ненастьем, что может войти в эту комнату.

Но это будет неважно, когда она уедет в Лондон. Знаю, мне следует смириться и не жаловаться. Это всего лишь путешествие. Но кажется оно провалом. Она уезжает, потому что я облажался.

Провожу рукой по центру груди. Она сжимается, не давая мне нормально дышать. Я слышу как смолкают звуки струящейся воды, и затем Фи выключает свет в ванной и входит в комнату.

Я смотрю в потолок. Обычно я бы с наслаждением наблюдал за тем, как она подходит к кровати, как раскачиваются ее бедра, как улыбка касается ее губ. Боже, как же я любил тот вид, любил видеть тепло в ее глазах. Большинство ночей мы не могли удержать руки подальше друг от друга. Потому в эти дни слишком сложно смотреть на нее, зная, что Фи не хочет больше ко мне прикасаться.

Одеяло приподымается, и я готовлю себя к неизбежному моменту, когда она прошепчет "Спокойной ночи" и свернется в клубочек.

Но сегодня она не делает этого. Фи движется к центру кровати, ко мне, это действие так удивляет меня, что я поворачиваюсь к ней, собираясь задать вопрос, когда она прижимается к моему телу. Автоматически мои руки оборачиваются вокруг нее, мое тело реагирует до того, как мозг может догнать происходящее.

Но затем я ощущаю ее гладкую, теплую кожу напротив своей и понимаю, что она обнажена.

Черт.

Она не приходила в постель голой в течение, кажется, вечности. Дрожь проходит через меня, когда провожу рукой по ее пояснице. Я утратил это. Просто объятия с ней. Мне хочется нависнуть над ней, толкнуться в нее, но я лежу неподвижно, боясь нарушить это заклинание, что наконец вернуло ее в мои объятия. Ее лицо зарывается в мою шею, когда руки Фи хватаются за мои плечи.

— Спасибо, Итан.

Я хмурюсь, глядя на макушку ее головы, ее дикие волосы, что блестят серебром в темной комнате.

— За что?

Фи немного отстраняется, поднимая ко мне лицо.

— За то, что отпускаешь меня.

Так сложно глядеть ей в глаза. Я не хочу, чтобы она видела мое выражение лица. Вынуждать ее остаться из-за вины — нет, я точно не стану этого делать. Так что отвлекаю ее и себя, поглаживая руку девушки.

— Ты уедешь... — я откашливаюсь. — Ты уедешь и проведешь отлично время с мамой. Все будет хорошо.

Это все, что я могу сказать, не умоляя ее не оставлять меня. Яркие глаза Фи сверкают в отблесках лучей уличного фонаря, что проникают через окно. Ее выражение лица задумчивое.

— Я знаю, ты несчастен, — бормочет она, проводя пальцами по моей бороде.

— Я счастлив, когда ты счастлива. — Вот так просто.

Она вздыхает и прижимается ближе, соприкасаясь своим лбом с моим. Я закрываю глаза и просто дышу, впитывая в себя столько ее, сколько могу. И она делает то же самое, глубоко и медленно вдыхая, ее прикосновения блуждают по моему телу, лаская и

поглаживая.

До Фи я даже не представлял, насколько нуждаюсь в прикосновениях. Это одна из тех шпук, которые невозможно понять, не испытав. Руки Фи на моей коже успокаивают меня на естественном уровне, до самой моей сердцевины. Теперь я жажду это ощущение, хочу, чтобы оно длилось вечно.

Но она покидает меня. Возможно, не завтра, но вскоре. Не знаю, вернется ли, могу лишь гадать. Она говорила, что любит меня. И я отвечал ей тем же. Но достаточно ли этого? Мне хочется сказать ей это снова, сейчас, но слова застревают в горле. Если произнести их в этот момент, то будет казаться, словно они еще одно обвинение. Я не могу этого сделать. Не тогда, когда согласился на то, что она может уехать в Лондон, чтобы расслабиться вместе с мамой и почувствовать свободу от последствий публичности тех снимков.

Но это не останавливает вес боли, что поселилась в моей груди.

Фи проводит руками по моим волосам, и легкий озноб пробегает по моему позвоночнику. Это так приятно, что я лгну к ее прикосновению. Она делает так снова и снова.

— Первый раз, когда мы встретились, — говорит она, — ты был одет в потертые джинсы и белую рубашку.

Я прерывисто выдыхаю.

— Ты помнишь это?

Мягкие губы скользят вдоль моей скулы. Пододвигаясь еще ближе, она целует меня в висок, прямо над ухом.

— Твои волосы были короче, но борода была такой же густой, а глаза понимающими. Ты сел рядом со мной на обеде, глядя на меня.

Смешок покидает мою грудь, и я глажу изгиб ее талии.

— Иисусе, ты, должно быть, подумала, что я странный.

Я ощущаю ее улыбку напротив своей кожи.

— Нет. Это меня завело.

— Правда? — Дерьмо, мой голос прозвучал как писк? Нет. Я не пишу.

Ее улыбка нарастает, когда Фиона зарывает нос в мою шею.

— Конечно. Ты был таким большим, статным парнем, глядящим на меня так, словно предпочел бы отобедать мной. Как это могло не возбудить меня?

Я и хотел ее на обед. Хотел положить эту девушку на стол и зарыться языком в ее киску, почувствовав ее вкус. Понятия не имел, какой сладкой она на самом деле окажется, я бы, вероятно, не смог бы оторваться от нее.

Фи продолжает говорить, даже пока ласкает и целует меня всюду, куда может дотянуться.

— Но у меня был парень... — Ублюдок. Если бы он отпустил Фи, то должен был бы... — И я была слишком юна для тебя.

На этом я смеюсь.

— Я всего на три года тебя старше, Вишенка.

Она поднимает голову. Ее волосы спутаны, щеки румяные; она — совершенство. Ее взгляд мягок и трепетен, и это пронзает меня в самое сердце.

— Тогда я была ребенком, балованным и не готовым взрослеть. А ты был мужчиной. Ты всегда был мужчиной, Итан. Сильным и уверенным, наблюдающим за всеми вокруг. Я знала это, лишь взглянув на тебя.

Она убивает меня, кусочек за кусочком. Я убираю прядь ее волос за спину, используя этот жест, как предлог, чтобы погладить ее по щеке. Но она не прекращает говорить.

Прижимаясь щекой к моей ладони, Фи немного улыбается.

— На выпускном ты надел мантию и, конечно, темно-красный галстук. Ничего особенного, но ты стоял рядом со мной, пока я делала снимки Айви и Грея. Какой-то парень бежал мимо и чуть не навалился прямо на меня, но ты стал между нами в последнюю секунду и принял удар на себя.

Я не могу говорить. Но кажется, ей это и не надо. Фи наклоняется и целует впадину на моей шее. Я чувствую это до глубины души, до кончиков пальцев ног.

— В день отбора, ты надел темно-серый костюм и небесно-голубой галстук. И от этого твои глаза казались скорее голубыми, нежели карими. Все вокруг тебя нервничали. Грей практически подпрыгивал на месте, потел и постоянно дергая воротник. Но ты просто сидел за столом и пил воду.

Она смеется, звук мурлыканья вызывает мурашки у меня на коже.

— Я спросила, нервничаешь ли ты, и ты подмигнул мне, сказав...

— Нервозность не поможет мне закончить все это скорее, — заканчиваю я за нее, мой голос хриплый и натянутый.

Ее улыбка расцветает.

— Именно.

Она прижимается губами к моей груди перед тем, как снова поднять голову.

— Я помню все, что касается тебя, Итан. Мне просто потребовалось немного времени, чтобы вспомнить это.

Я делаю вдох. А затем еще один. Давление формируется в районе моей переносицы и век.

— Вишенка.

Как могу нежно и осторожно целую ее. И она зарывает пальцы в мои волосы, играя с ними пока наслаждается ощущением моего тела рядом со своим.

Но это не длится долго. Вскоре Фи отодвигается и целует мои брови. Мои глаза закрываются, и она целует веки. Ее голос доходит до меня, словно во сне.

— Я не особенная, просто девушка, которая пытается сделать все верно.

Мои глаза резко распахиваются.

— Ты — это все, — протестую я, сердито шепча. — Ты — совершенна...

Она быстро чмокает меня.

— Для тебя. Но думаю, в этом все дело. Никто никогда не смотрел на меня так, словно хочет меня — на всю меня целиком — до тебя, Итан.

— Но я смотрю, — говорю ей. — И всегда буду.

— И я не хочу никого, кроме тебя. Неважно, будем мы в тысяче миль друг от друга или рядом, я всегда буду хотеть тебя. Потому что именно так происходит, когда ты находишь свое "навечно".

Мои ноздри раздуваются от резкого вдоха. Я притягиваю ее ближе, обнимая так крепко, что, вероятно, ей больно. Но я не могу отпустить. Мое лицо зарывается в ее волосы. На следующем вдохе, я перекатываюсь наверх и толкаюсь в нее, поддаваясь безумной потребности ощутить то, как крепко сжимает меня ее тело.

Она издает тихий звук — полухныканье, полустон — и я замираю, осознавая, что поддавшись своему отчаянью, не проверил, готова ли она. Ее киска влажная, но не

достаточно. Я отстраняюсь, надеюсь, что если поцелую ее между ног, то все станет лучше.

Но ее руки скользят по спине, хватаясь за мой зад.

— Не останавливайся, — шепчет она. — Прошу, не останавливайся.

Стон вырывается из меня, и я снова толкаюсь, накрывая ее губы своими. Все ее тело отдается мне, такое мягкое и сочное, влажное и упругое.

Осознание происходящего накрывает мое тело. Я чувствую, как напрягается моя задница, когда толкаюсь вперед, как сжимается пресс, когда отстраняюсь. Моя кожа покалывает от жара, а дыхание смешивается с ее.

Я теряюсь в занятии любовью с Фи, двигаясь в нее и из нее сильными, уверенными движениями, от которых мой член пульсирует, а яйца крепко сжимаются. Я целую ее до тех пор, пока мои губы не опухают и не становятся чувствительными.

Подо мной худенькое тело Фи дрожит, прерывистые ахи покидают ее, когда она приподнимает бедра мне навстречу.

— Тебе нравится, милая? — бормочу напротив ее рта. — Нравится, когда мой член движется внутри тебя?

Она сильнее сжимает мой зад, призывая проникнуть глубже.

— Да. Да.

— Хорошо, потому что он твой, Вишенка. Ты — единственная, кто когда-либо будет обладать этим членом. — Я раскачиваюсь над ней, кровать скрипит под нами. — Единственная, кто вообще его получит.

Она хнычет, ее спина выгибается, скользкая от пота кожа блестит в тусклом свете.

— Итан...

Твердые кончики ее сосков скользят по моей груди, когда она извивается.

— Итан...

Она близко. Так близко. Это понимание посылает поток горячего удовольствия к внутренней поверхности моих бедер.

— Отпусти, любимая. — Я вколачиваюсь, воздействуя на то место внутри нее, которое, знаю, ей так сильно нравится. — Давай же. Ты моя.

Все тело Фи сковывает беззвучный крик. Ее голова вжимается в подушку, ногти зарываются в мою плоть, и она кончает. Влага просачивается на мои бедра, когда стеночки ее киски буквально доят мой член, ритмично сжимаясь.

Это бросает меня за грань, и я кончаю вместе с ней, крича так громко, что звук эхом отдается по комнате. Тяжело дыша, я перекатываюсь на бок, притягивая ее ближе. Мое тело вздрагивает от облегчения. Фи лежит тихо, и я могу почувствовать, как колотится ее сердце напротив моих ребер.

Одинокая слеза катится по ее щеке, но она слегка улыбается, ее выражение лица расслабленное.

— Мне нужно было это.

Уверен, что мне это нужно было больше.

Я вытираю ее слезу кончиком большого пальца и целую уголок ее глаза.

— Все, что тебе нужно, Фи, я дам.

Даже если это разбивает мне сердце.

Фиона

УСТАЛО ТАЩАСЬ В ванную, я чувствую пустоту, но и спокойствие. Прошлая ночь Итаном заставила меня вспомнить, как хорошо все может быть между нами, как необходимо. Ничто не идеально, но теперь я чувствую землю под ногами. Чувствую себя немного больше собой.

В душе я включаю воду настолько горячую, насколько могу вынести. Душ Итана — великолепная штука, с кучей головок и регулировкой уровня силы подачи струи с разных сторон. Впервые, когда им воспользовалась, он был отрегулирован под рост Итана, так что все струи устремились мне прямо в лицо.

Услышав мои истошные крики, Итан примчал в ванну и стал смеяться до боли в животе. Мокрое полотенце по лицу резко прекратило его смех. Он исправился, трахая меня возле плиточной стены душа, пока не стала умолять о пощаде.

Я улыбаюсь воспоминанию, мои бедра приятно напрягаются, и от того я хочу Итана здесь прямо сейчас, чтобы он любил меня жестко и глубоко снова. Но он уже ушел на стадион готовиться к сегодняшней игре.

Знаю, он не хочет, чтобы я уезжала в Лондон. Пока он отлично скрывает свои мысли от остального мира, я могу прочесть парня, как открытую книгу. Знаю, сама мысль о моем отъезде причиняет ему боль. Но он все равно согласился. Потому что я хотела этого.

Так долго я думала, что мне нужен мужчина, который всегда будет рядом. Тот, кто будет привязан ко мне и скажет, что не может вынести жизни без меня. Поэтому теперь гадаю, чем, блин, я думала. Мне нравится, когда у меня есть личное пространство, спокойное время в моем собственном мире, пока я создаю дизайн или работаю по дереву.

Привязанный же ко мне человек лишь раздражал бы меня. Итан не такой. У него есть своя собственная жизнь, и хотя довольно отстойно оставаться одной, когда он уезжает на игру, по возвращению мы снова образуем совершенство вместе. Быть порознь и оставаться на какое-то время одной лишь вызывает во мне еще большую жажду этого парня, заставляет ценить наше время вместе.

Я говорю себе, что когда поеду в Лондон, все будет так же, что наше возможное воссоединение будет невероятным. Но почему-то все это кажется в некотором роде неправильным. Я думаю об отъезде и ощущаю себя несчастливой, мне грустно, я отчаянно пытаюсь удержать Итана и не отпустить. Может, это делает меня саму слишком привязанной к нему?

Хмурясь, я выключаю воду и тянусь за полотенцем. Вот только когда чищу зубы, совершаю опрометчивый шаг, включая свой телефон. Это привычка, проверять сообщения, лазить по интернету. Глупая привычка.

Потому что они снова меня нашли. Неважно, что я сменила все учетные записи.

Уродливое сообщение нашли свой путь ко мне.

Ты ебаная тупая пизда.

Ты не заслуживаешь его, шлюха!

Я хочу хорошенько тебя оттрахать.

Дрожащей рукой я удаляю их все, выключаю телефон и закрываю глаза. Я не подписывалась под это, никогда не желала внимания. Но сейчас таков мой мир.

Реальность угрожает сломать меня. Даже сейчас я могу чувствовать, как осуждение давит на мою плоть и распространяется внутри, наполняя меня ненавистью и отвращением к

себе.

От этого мне хочется бежать. Далеко. Лондон кажется ответом. Но даже если я цепляюсь за мысль, то все равно думаю об Итане. Я боюсь, что побег сломает нас. Он винит себя в этом. Если уеду, то лишь подтвержу это.

Все утверждают, что любовь побеждает все. Обычно я верю в это. Я привыкла думать, что если кто-то любит меня достаточно, то это все исправит.

Но теперь мне известна истина. Любовь Итана не исправит меня. Я должна сделать это сама. Так что нет, его любовь — не лекарство. Но это то, ради чего стоит жить. Без него, возможно, я бы не хотела исправлять себя. Итан Декстер вызывает у меня желание быть лучше. Быть храбрее.

Резким движением я стираю конденсат с зеркала. Версия меня самой смотрит оттуда, ее глаза покраснели от усталости и стресса, щеки впали. Я провожу пальцами по мокрым волосам, и лицо Фи в зеркале искажает выражение облегчения.

Я гляжу на нее, изучая немигающие глаза. Она дерьмово выглядит. Растрепанная. Пораженная.

Перед тем как уйти, Итан поцеловал это лицо, осыпал нежными дарами любви эти щеки, нос, подбородок, рот. Итан поклонялся этому лицу, шепча "Ты прекрасна" после каждого прикосновения. И я понимаю, что он говорил не о том, как я выгляжу, а о том, какой он видит меня в целом.

Кто я настоящая? Не уверена, что на самом деле понимаю. Несмотря на то, что я показываю людям, мне никогда не удавалось проводить комфортно время с самой собой, как человеком.

Правда в том, что все мы показываем фальшивый фасад миру, постя на наших страничках в соцсетях остроумные фразы и глупые эмоции. Жизнь сводится до 140 символов, селфи и тирад на топовые посты. Жизнь проходит ради утверждения масс, все время дразня незнакомцев за их малейшие оплошности.

И когда ты отдаляешься от этого яркого света, когда больше не видишь тех молчаливых, пиксельных мнений, то кто ты на самом деле?

Кого ты видишь в зеркале? Когда все эти неизвестные люди не влияют на то, кто ты такой? Все те, кто никогда не будут рядом с тобой, разве что ради осуждения.

Если я убегу, то скажу, что все эти уродливые слова в мой адрес — правда. Хуже того, если убегу, то выберу легкий путь. Я позволю этим людям определять меня.

Глядя в зеркало сейчас, я ощущаю всплеск мощной ярости. Все это фигня, эти снимки, которыми я позволяла дразнить себя. Я разрешаю себе почувствовать гнев. И это дает мне силы. Это наполняет меня и вырывается на свободу вместе с криком. Потому что мне надоело чувство стыда, и я не сбегу от жизни снова.

Итан как-то говорил мне, что я искала свою радость. И нашла ее. Теперь мне нужно ее вернуть.

Край телефона втыкается в мою ладонь, когда сжимаю его и набираю номер.

— Вы позвонили Блум, — мурлычет женский голос. — Чем могу помочь?

Я стискиваю зубы, так сильно сжимая телефон, что он почти скрипит.

— Меня зовут Фиона Маккензи. Я лишила Итана Декстера девственности. И хочу свой приз в миллион долларов.

У МЕНЯ АБСОЛЮТНО нет желания сегодня играть. Но в NFL нет такого понятия, как взять выходной по семейным обстоятельствам. И конечно же не для того, чтобы присмотреть за своей девушкой. Так что как не крути, я сегодня играю.

Фи вытолкнула меня за дверь, уверяя в том, что она будет в порядке. Верно. Будто я не вижу круги у нее под глазами или морщинки вокруг ее рта.

В хреновом настроении я вхожу в раздевалку. Но знакомый запах пота, геля для душа и снаряжения немного успокаивает меня.

Но я ни с кем не встречаюсь взглядом. Это чертовски неловко, и я замечаю несколько кривящих лицо ребят, пока прохожу мимо. Сама мысль о том, что эти ублюдки видели обнаженное тело Фи, вызывает у меня желание выбить им зубы.

Я почти у своего шкафчика, когда Даррен, наш защитник, бормочет "сиськи" себе под нос.

Ему не нужно больше ничего добавлять. С рычанием, я хватаю его за горло и ударяю парня о стену. Ребята собираются вокруг нас, хватают за мои руки и пытаются заставить отпустить этот кусок дерьма. Я отмахиваюсь от них, делая шаг к Даррену.

— Ты что-то сказал, уебок?

Даррен извивается, будто червяк, трепыхаясь в моих руках, его лицо темнеет и потеет под моей рукой.

— Отвали.

Я так не думаю. Даже несмотря на то, что крепкие руки дергают меня назад. Несмотря на то, что все ребята кричат мне остыть. На хрен. Я еще раз бью Даррена, а затем позволяю ему упасть. Он спотыкается, но выпрямляется и делает шаг мне навстречу, мечая убийственные взгляды. Хорошо. Давай же.

— Декстер! — кричит наш главный тренер, и все замирают.

Я бросаю на Даррена последний взгляд и разворачиваюсь. Никто не смотрит на меня.

Выражение лица тренера напряженное.

— В мой кабинет.

Я не говорю ни слова, следуя за ним. В этом нет надобности. Я снова сделал бы тоже самое, и все в комнате это понимают.

Когда тебя вызывают в кабинет тренера, это никогда не сулит ничего хорошего. Ты вспоминаешь учебный лагерь и тот ужас, что нависал над твоей головой, когда ты не знал, оставят тебя в команде или вышвырнут. Он пронизывает твои кости до тех пор, пока ты идешь в кабинет тренера, и в результате преобразуется в дрожь.

Внутри кабинета тренер смотрит на меня, усевшись по другую сторону его блестящего стола.

— Ты в состоянии собраться, Декстер?

— Да.

Нет. Возможно. Я на хрен не знаю. Но он не хочет слышать все эти сомнения. Так что я спокойно и собранно смотрю в ответ.

Он переплетает пальцы рук — опирая на них подбородок в таком раздражающем жесте, который свойственен всем тренерам — и продолжает глядеть на меня так, словно я — послеобеденное шоу.

К сожалению для него, это дерьмо со мной никогда не прокатывает. И он это ясно понимает, когда вздыхает и опускает руки на колени.

— Ты один из самых умных ребят в команде, Декстер. Ты всегда хорошо играл. Но эта свержила где-то терялась. Теперь она здесь. Сосредоточься. Ты играешь лучше, чем я когда-либо видел.

Клево! Итак, моя ярость — это бонус. Не то что бы я это осознавал. Но мне это не нравится. Возможно, тренер тоже это понимает, потому что наклоняется вперед, упирая руки в стол.

— Этот цирк в СМИ вскоре утихнет. Но пока что ты можешь воспринимать это, как возможность. Канал ярости, Декс. — Его выражение становится жестким и серьезным. — Но держи ее на долбанном поле.

— Конечно, тренер. — Потому что, что мне еще сказать?

Я сержусь меньше, когда играю на поле. Это длится недолго.

О, но я направлю эту ярость, вытолкну ее в свои легкие, пока они не начнут гореть, заставлю ее влиться в мои мышцы, пока те не станут дергаться от потребности в передышке. Я использую ее, чтобы разорвать оборону противника, и впитаю, когда толпа зарычит от восторга.

Это приятно. Все это так офигенно — прилив адреналина, подобный которому я ощущаю лишь когда вбиваюсь в кистку Фи.

Я люблю футбол. Всегда любил. Жил и дышал им. Но он никогда не ощущался так, как сейчас.

Эта ярость, то, как она свободно течет через меня, это что-то иное. Что-то внутри наконец вышло на свободу. Больше нет сдерживающего барьера. Нет страха.

Но следуя логике, невозможно полностью отключить это. Потому что я все еще понимаю, что именно боль Фионы высвободила эту часть меня. Насколько же это дико?

Стоя на линии, я ощущаю, как нападающая сторона окружает нас, чувствую их приближение. Это можно заметить, если обратить внимание; не только по тому, как выстроилась их линия нападения, но это видно и в их глазах, напряжении их губ.

Я знаю, они думают, Финн слишком неопытен, чтобы бороться с ними. Они ошибаются.

Я даю сигнал к началу игры, и мои ребята быстро перестраиваются. Я отскакиваю, и мы молниеносно нападаем еще до того, как оборона понимает, что происходит.

Прекрасная игра, и она четко разбивает команду противника. Норрис, передовой игрок и ебаный самородок, который обогнал меня в таблоидах, долго и низко свистит.

— Хорошо себя чувствуешь, Декстер? Ага, я бы тоже был рад, если бы у моей девушки были такие клевые сиськи.

Ярость затуманивает мое зрение.

— Хули ты сказал?

Я делаю выпад вперед, но лишь врезаюсь в Роландо, который прижимает ладонь к моему животу.

Его глаза смертельно серьезны.

— Игнорируй это, черт возьми, мужик. Он лишь пытается достать тебя.

Из-за его спины доносится смех.

— Сосать эти сиськи...

Мои зубы скрипят. Но мои парни рядом.

— Прибереги это для игры, — говорит Райдер. — Мы трахнем их.

Кто-то ободряюще хлопает меня по шлему. Я бегу к толпе, пытаюсь сосредоточиться. Финн бросает на меня мимолетный взгляд, но призывает всех к следующему раунду игры.

Дыши. Сфокусируйся. Соберись.

Я пытаюсь. Правда. Но упускаю момент, и когда мяч падает мне в руки, команда противника бросается ко мне и заваливает Финна.

— Дерьмо.

Норрис снова оказывается рядом, хихикая.

— Фиона Маккензи, а? Сладкая маленькая конфетка. Кажется, она натуральная блондинка...

Я не вижу ничего, кроме дымки и зрачков глаз Норриса, когда хватаю его шлем и срываю его с головы парня. Мой тоже слетает. Не уверен, как именно. Но это неважно. Мой кулак врежется в его лицо так сильно, что чувствую это своим позвоночником.

Раздаются свистки. Вверх взмывает желтая карточка.

Парни набрасываются на нас. Мои. Его. Удар приходится в мою голову, в затылок. Я не чувствую его. Колочу Норриса, который застрял подо мной.

А в следующее мгновение я уже на спине. Удар о землю прочищает мою голову. Рефери пытается встать у меня на пути. Но я обхожу его, пока другие парни учувствуют в потасовке.

— Остынь, — кричит рефери.

Финн оказывается сбоку от меня, пытаюсь утянуть меня назад.

— Полегче, Декс.

Но затем ко мне подходит Норрис, кровь струится из его носа и десен.

— Вот почему твоя девушка взяла деньги, потому что ты гребаная киска!

Я снова в двух шагах от него, когда слова доходят до меня и замораживают на месте.

Взяла деньги?

Ребята снова начинают небольшую драку. Теперь Роландо бьет кулаком в лицо Норрису, обзывая его грязнозадой сучкой — рефери оттаскивает их друг от друга.

Кто-то подходит ко мне сзади, толкая к боковой линии и продолжая кричать. Но я онемел, в ушах звенит, и вся кровь приливает к животу.

Взяла деньги?

Рефери выводит меня и Норриса из игры, и стадион наполняется хором возмущенных криков.

За боковой линией мой атакующий тренер кричит на меня, говоря, что я облажался, а затем толкает в плечо, успокаивается и уверяет, что все нормально, так как я почти оторвал Норрису голову. Главный тренер ревет мне на ухо, что я повел себя, как тупица. Но я едва их слышу.

Нахожу помощника координатора.

— У тебя есть телефон?

Он оглядывается, словно пытаюсь отыскать выход.

— Дай мне твой чертов телефон, — ору я.

Кровь сочится в глаз, медик пытается прижать бинт к порезу на моем лбу. Я отмахиваюсь от него, хватаю телефон из трясущихся рук помощника.

Один взгляд на стоящих вокруг людей подтверждает то, что все они скрывают что-то от меня. И вскоре я узнаю, что именно. Заголовки всплывают незамедлительно.

Фиона Маккензи заявила свои права на миллион долларов.

Далее следуют наши с Фи фото. Они сделаны с расстояния, на них мы смеемся, моя рука обнимает ее узкие плечи, пока мы гуляем по площади Джексона.

Под этим идет текст с подтверждением того, что Фи позвонила Блум сегодня утром,

требуя свой приз.

Глава 44

Декс

Я НЕ ЕДУ домой. Не могу.

Роландо отвозит меня к себе. Я направляюсь напрямик в его гостевую комнату и принимаю душ. Я даже не попробовал смыться со стадиона, просто сидел на шатком стуле перед своим шкафчиком, пока ребята не вернулись с игры, и Роландо не увел меня оттуда.

Теперь я стою под струями холодной воды, позволяя им врезаться в мое тело. Образы так и всплывают у меня в голове. Улыбка Фи. Фи плачет. Уродливая усмешка Норриса, пока кровь струится с его носа. Фи выгибается подо мной, пока я трахаю ее. Фи и я смеемся на зернистом изображении в таблоидах. Фи говорит мне, что хочет уехать в Лондон.

Она потребовала денег.

Черная ярость, густая, горячая и удушающая поднимается к горлу. Мой крик сотрясает воздух, а кулак ударяется о плитку. Боль пронзает руку, но это останавливает меня лишь на мгновение.

Откидываясь на стенку душевой, я опускаю взгляд на разбитые костяшки, кровь лишь сочится, смешивается с водой и становится бледной, растворяясь в ней. Я пробую сжать руку в кулак. Кожу покалывает, но не более.

Глупо. Так офигительно глупо рисковать сломать руку. Я должен прийти в ужас. Но нет. Мой разум проигрывает тот снимок Фи, некогда прекрасное мгновение превращается в нечто уродливое и дешевое. Ненавидит ли она меня за то, что позволил той цыпочке украсть мой телефон? Поэтому она так поступила?

В этом нет смысла. Все бессмысленно. Я думаю о Фи и всем, что она сказала мне прошлой ночью. Она бы не поступила так. Должно быть нечто-то большее.

Грудь сжимается, и я провожу раненной рукой по мокрому лицу, зарываясь пальцами в бороду. Снова приходит гнев, липкий и густой, он словно покрывает мои внутренности, подобно горячей смоле. Отталкиваясь от стены, я выключаю душ.

Когда выхожу, Роландо уже ушел, вероятно, подумал, что мне нужно побыть одному.

Он прав.

Боль в разбитых костяшках помогает сосредоточиться. Очень долго боль была единственной настоящей вещью в моей жизни. Вкус боли помогает игнорировать все остальное.

К тому времени, как нахожу, что искал, под раковиной в ванной, комната превращается в хаос. Но меня это не ебет. Моя грудь вздымается, когда встаю и смотрю в зеркало. Очень долго я не знал, кем, блядь, являюсь. Только с Фи я чувствовал себя правильно, в мире со своим телом. Но мир испоганил даже это.

Черт с ним.

Хмурясь, я поднимаю бритву и прижимаю ее к своей коже.

Фи

ОЩУЩАЯ ПЕРЕИЗБЫТОК энергии, я решаю испечь печенье. Айви была права, я 1

знаю, как печь. Просто склонна к этому занятию, когда наступает чрезвычайная ситуация. Прямо сейчас, выпечка — единственное, на мой взгляд, чем могу успокоить дрожащие руки и подтвердить то, что дом Итана и мой дом.

День прошел реально странно, начавшись от требования денег от Блум и закончившись интервью с прессой, в рамках которого я объясняю, почему это сделала. Айви помогла мне с последним, выбрав симпатичную репортершу спортивного канала — женщину, чтобы я чувствовала себя более комфортно.

Мы провели интервью по Скайпу. Айви присоединилась из своего дома в Сан-Франциско, выступив в роли агента Декса и моей моральной поддержки.

Я так нервничала, что боялась начать блевать, как только мы выйдем в эфир.

Но затем странного рода спокойствие наполнило меня, когда рассказала репортеру о своих планах на деньги. Я не говорила о фото или том, как чувствовала себя выставленной на обозрение, и Айви пресекала подобные вопросы, всякий раз, как они их задавали. Правда в том, что не в этом смысл.

Важно, что грязные деньги Блум пойдут на хорошее дело. Один миллион долларов поможет прекратить голодание детей и бездомных.

Я бросила вызов Блум, призвав их удвоить сумму и хоть раз сделать что-то хорошее. Не ожидала, что они согласятся, но было приятно заставить их извиняться.

Айви придумала это, как самое изысканное "пошла ты Блум и все твои ненавистники". Я лишь порадовалась, что все закончилось. Мне хочется вернуть обратно свою жизнь, сфокусироваться на создании мебели и самом важном — на Итане.

Мне не хватило времени, чтобы сообщить ему, что делаю и почему. У него была игра, а я слишком волновалась, чтобы ждать, и боялась струсить.

Но теперь все сделано. Я чувствую себя легче, свободнее. Все, что осталось, это объяснить Итану и рассказать ему, что нахожусь там, где должна.

Радость, которую ощущаю от осознания, что он мой, что буду с ним, такая сильная, что пугает меня. Мне хочется охранять ее всей своей душой. Хочется уложить большого, сильного, крепкого Итана Декстера рядом с собой и защитить его от этого мира.

В этом вообще нет смысла, он не нуждается в моей защите. Но желание все равно не покидает меня. Не хочу, чтобы он был несчастен или уязвим для стервятников этого мира. Я хочу — нуждаюсь — в том, чтобы он знал, как сильно любим.

Знаю, он чувствует ко мне тоже самое. Это ощущается в каждом его прикосновении, каждом слове, взгляде и улыбке, что он мне дарит. С ним, здесь, в этом созданном им доме, я чувствую себя в безопасности.

Только теперь я боюсь, что могла облажаться, не предупредив его. Репортаж с игры говорит о том, что его дисквалифицировали за начало драки. Я просмотрела видео несколько раз, с открытым ртом. Итан никогда не дрался, никогда не терял контроль.

Боже, он выглядел таким злым, кровь и пот стекали по его лицу, когда он выбивал дерьмо из игрока команды противников.

Сначала я подумала, что, возможно, он подрался из-за того, что парень сделал обо мне какое-то пренебрежительное замечание. Но теперь не уверена. Потому что игра давно закончилась, а Итана все еще нет дома.

Когда пыталась ему дозвониться, то обнаружила его телефон в гардеробной, забытый в спешке сегодня утром.

Недолго побродив по городу в его поисках, я могу лишь сидеть здесь, печь и ждать.

Достаю противень печенья из духовки, когда слышу, что он пришел.

— Итан?

Звук его ключей падающих в чашу на консоли в прихожей заполняет тишину. Затем он начинает говорить, его голос глубокий.

— Ага.

Одно слово. Мне не следует это как-то трактовать, но он кажется расстроенным.

— Надеюсь, ты голоден, — говорю радостным голосом, пытаюсь звучать оптимистично. — Я приготовила печенье и подумала о том, чтобы сходить за гамбо в магазинчике чуть дальше по улице.

Шаги стучат по дереву пола, и Итан появляется на кухне.

Печенье выпадает из мои пальцев на пол, когда смотрю на мужчину на пороге. Он высокий, широкоплечий, мускулистый, его глаза ярко мерцают. Его подбородок начисто выбрит, гладкая кожа упругая, ровная и незнакомая для меня. У этого мужчины нет бороды. Как и длинных волос. Его красивые, поцелованные солнцем каштановые волосы пострижены довольно коротко.

И вот он стоит передо мной — засунув руки в карманы, в серой хлопковой футболке, что как всегда обтягивает его плечи — выглядя настолько иначе, что я едва его узнаю.

Моложе, может уязвимее. Обнаженнее.

— Зачем? — мямлю я, а мое сердце колотится в горле.

Он пожимает плечами и отводит взгляд.

— Почувствовал потребность в переменах.

Плохо соображая, я подхожу к нему. Он не поднимает головы, его квадратная челюсть выпирает, как когда он чистит зубы.

— Итан.

Моя рука касается гладкой щеки. Боже. Его борода. Его густая, блестящая борода исчезла. Глубокая боль утраты пронизывает меня.

— Зачем?

Он качает головой. Один раз, словно говоря "не спрашивай, не заставляй произносить это".

Но я знаю. Со слезами, я бросаюсь к нему. И он обнимает меня, прижимая к себе, пока зарываю лицо в теплый изгиб его шеи. Он все также пахнет. Точь-в-точь. Как день рождение, рождественское утро и блинчики в полночь.

Мне нужно было почувствовать его силу и услышать ровное дыхание сильнее, чем осознавала. Слезы, горячие и тяжелые, наворачиваются на глаза, когда провожу пальцами по коротко стриженному затылку.

Я, должно быть, душу его, мои руки оборачиваются вокруг его шеи так крепко. Но не могу остановиться. Мне хочется быть ближе, под его кожей, или, возможно, затянуть его под свою, где смогу держать парня в безопасности. Рыдания вырываются из меня, быстро нарастая.

Рука Итана увереннее обнимает меня за талию, его большая теплая ладонь ложится на мой затылок.

— Ты плачешь из-за утраты моей бороды. — Он не кажется расстроенным, будто подтверждает давно известный факт.

И это разбивает мне сердце. Каким-то образом мне удастся отпустить его достаточно для того, чтобы взглянуть на его лицо. Его глаза серьезные, грустные, словно для него

невыносимо видеть меня плачущей, но он и не понимает, что с этим делать.

Его большой палец вытирает мои влажные щеки, но Итан ничего не произносит, просто позволяет мне смотреть на его гладкое лицо.

Я накрываю ладонью одну его щеку и прижимаю свою кожу к его теплой и упругой.

— Я плачу, потому что ты подумал, что внешняя оболочка значит для меня больше чем то, кто ты внутри.

Его большее тело вздрагивает от удивления, но я цепляюсь за парня, не отпуская. И словно слишком устал держать голову ровно, он опускает ее, прячет лицо в изгиб моей шеи.

Я осторожно глажу его по голове, его колючие, но все еще мягкие волосы.

— Ты думаешь, я поцеловала тебя впервые — что я хотела тебя — из-за бороды? Ты очень ошибаешься. Я сделала это потому, что ты был невыносимо сексуален, до чертиков лукав и обаятелен, потому что ты привлек мое внимание и удержал его.

Приглушенное ворчание раздувает мои волосы.

— То есть, взгляни на себя, — говорю я, даже несмотря на то, что мы все еще обнимаем друг друга, и я не могу ничего видеть. Но моя память работает, как часы. Я думаю о его серьезных глазах и линии губ, мягком, широком рте. — Я реально опасаюсь, что передо мной стоит молодой Марлон Брандо из фильма "Трамвай "Желание"". Мне даже хочется разорвать на тебе футболку и прокричать "Стелла!". Или, думаю, лучше "Фиона!"

Итан фыркает, но это скорее похоже на сдерживаемый смех. Тем не менее, напряженность вибрирует в его сильном теле, и я знаю, что он все еще расстроен.

Когда Итан наконец-то отвечает, его голос неровный.

— Лучше услышать, как ты кричишь мое имя, Вишенка.

— Так заставь меня.

Он не движется, лишь сильнее каменеет на месте.

— Итан, я любила твою бороду, но тебя люблю сильнее.

Он моргает, глядя на меня, а потом напряженно сглатывает, словно пытаюсь проглотить ком в горле.

— Я тоже люблю тебя, Вишенка. — Он прижимается лбом к моему лбу. — Кажется, я любил тебя всегда. Я думал, что ты знаешь это.

В его голосе слышится обвинение — мягкое, но все же обвинение.

— Я знаю, Итан. Ты был так добр ко мне.

Его руки сжимают бедра.

— Тогда почему ты это сделала? Почему взяла деньги?

Удивление приковывает меня к месту. Он смотрит на меня больше не нежно, а довольно жестко, в его глазах разрушительный, холодный гнев.

Глава 45

Фиона

ИТАН НИКОГДА НЕ смотрел на меня со злостью. Ужасно видеть ее сейчас.

— Я могу объяснить, — отвечаю.

Он фыркает.

— Именно те слова, которые парень хочет услышать после того, как ему метафорически врезала ногой в зубы его же женщина.

Мое дыхание резко вырывается из легких.

— Я не еду в Лондон. — Не лучшее начало. Основываясь на том косом взгляде, что меня одаривает Итан, могу сказать, что он тоже так считает.

— Ладно. А что делать с тем, что ты взяла ебанные деньги Блум?

Морщась, я пытаюсь прикоснуться к его груди, но он отшатывается, глубоко засовывая руки в карманы, пока отходит от меня. Тот факт, что он больше не хочет ко мне прикасаться, что прокладывает между нами физическое расстояние, заставляет мои внутренности рухнуть вниз.

— Я осознала, что уехав в Лондон, просто сбегу...

— Ясное дело, — перебивает он, его голос напряжен, взгляд пылает сдерживаемым гневом. Но очевидно, что Итан медленно начинает закипать. Он выглядит иначе без бороды, его голова пострижена довольно коротко. Черты лица натянуты и неумолимы.

Я сжимаю юбку похолодевшими пальцами.

— Верно, так что... дело в том, что я не хочу больше убежать. Я потребовала деньги от Блум, потому что знала, что это положит всему конец.

Еще одно уродливое фырканье срывается с его уст, и Итан качает головой.

— Ну, это, очевидно, сработало и дело...

— Нет, Итан, — говорю, делая шаг вперед. — Не так. Я отдаю деньги не благотворительность. Весь миллион. Мы с Айви дали пресс-конференцию. Я сказала, что жертвую деньги от твоего имени, потому что Блум грязно распиарилась, используя твою личную жизнь ради собственной выгоды.

Он замирает на месте, прищуривает глаза.

— Ты отдала их на благотворительность?

— Конечно. Та правда думал, что я заявила права на этот отвратительный приз ради себя? — Я напряженно сглатываю, пытаюсь не обижаться на самую эту идею. Мне стоило его предупредить.

Плечи Итана приподымаются от напряжения.

— Нет. Но я не знал, что и думать, Фиона. Долбаный полузащитник смеялся мне в лицо, рассказывая, что моя девушка обратилась за денежным призом.

— Малыш... Мне так жаль. — Я делаю еще один шаг вперед.

Но он отходит задом наперед, его лицо все еще серьезно. Сожаление пронизывает меня.

— Ты хоть представляешь, что это сделало со мной, — выдыхает он. — Услышать это от кого-то постороннего? Потому что, позволь сказать, ни один чертов человек на поле не знал, что ты отдала деньги на благотворительность. Они смотрели на меня, как на огромного простофилю, пиздец, как смешно.

Дерьмо. Я не подумала, что затянула между тем, как попросила денег и тем, как дала интервью, которое выходит в эфир где-то как раз в данный момент.

— Мне очень жаль, Итан. Ты прав. Мне следовало предупредить тебя. Я не подумала. Просто... Я хотела освободить нас. Мне нужно было забрать ветер с их паруса. Взять деньги отдать их на благотворительность от твоего имени? Что теперь все скажут о нас?

Он напряженно выдыхает.

— Ладно, хорошо. Но мы должны были сделать это вместе.

Я отрывисто киваю, страдая от происходящего.

— Прости.

Итан невесело смеется, наклоняя голову назад, чтобы несколько раз моргнуть, глядя в

ПОТОЛОК.

— Боже. Ты просто подставила мне подножку, Фи. Меня втянули в это вслепую.

— Итан...

— Знаю, — говорит он, почти рыча. — Тебе жаль. Ты не этого хотела. — Он смотрит на меня, и в его глазах нет радости. — Поверь, я пытаюсь смириться. Но ты была моей безопасной гаванью, Фи. Тем человеком, о действиях которого я никогда не должен был переживать... — Он выплевывает ругательства и разворачивается, словно не может на меня смотреть.

— Ты тоже моя безопасная гавань, — говорю я, сдерживая рыдания. — Я запуталась. Никогда не собиралась тебя ранить. Я не думала...

— Нет, — орет он, — ты не думала.

Эмоции ударяют меня в грудь, и я срываюсь.

— Черт побери, Итан. Ты тоже меня ранил! Это не твои обнаженные фото заполнили интернет. Не тебя называли шлюхой и не твое тело обсуждали гребаные преследователи!

— Ты думаешь, я не знаю этого? — Он делает шаг ко мне, пока румянец распространяется по его шее. — Думаешь, меня на хрен не тошнит от того, что я этому виной? Ты знаешь, что это так.

— Тогда не ругай меня за то, что наконец взяла контроль над ситуацией! Потому что твоя "без комментариев" позиция на фиг не помогала.

Он замирает и хмурится, словно видит меня впервые.

— Дерьмо, так ты поступила таким образом, потому что злилась на меня?

Весь воздух покидает мои легкие. Я практически задыхаюсь, когда шагаю назад.

— Ты только что произнес это? Ты только что, черт возьми, меня обвинил? Иди на хрен, Итан!

Его лицо искажается.

— Не трви всех собак на меня. Я поставил под сомнения твои мотивы.

— Значит, ты не винишь во всем меня? — кричу в ответ, поднимая палец вверх. — Я понимаю, что облажалась. Понимаю, что ты злишься. Но у тебя нет права...

— Нет права? — Его выражение сейчас реально дикое, зубы обнажены, мускулы напряжены. — Потому что я спокойный, здравомыслящий Декс? Парень, который принимает удар и возвращается в норму без жалоб? Ну, слишком на хрен хреново. Я зол. И сожалею, если это тебя оскорбляет, но я не собираюсь брать свои слова обратно. Пока что нет. Пока что, на фиг, нет, Фиона!

Я ненавижу, как мое имя звучит сейчас с его уст — не с благоговением, а с проклятием.

— Я не хотела тебя ранить, — шепчу я.

Его подбородок задирается вверх.

— Знаю. Знаю, ты не собиралась, но... блядь. — Он начинает метаться из стороны в сторону, его руки хватаются за голову, тянут за волосы, которые теперь не такие длинные как обычно.

От беспокойства его шаги становятся резкими, руки нервно шарят туда-сюда.

— Знаю. Я просто. К черту. Я не могу... — Он глубоко вдыхает и еще раз.

Я вижу момент, когда он теряет остатки контроля, словно плотина, которая больше не в силах выдерживать напор воды. Он трескается, издавая долгий прерывистый крик.

— Блядь! — Декс ударяет боком кулака о кирпичную стену. — Блядь, блядь, блядь! — Каждое ругательство следует за ударом.

— Итан. Успокойся...

— Нет! — кричит он на меня, его взгляд прикован к стене. Слой пота покрывает его кожу, поблескивая на бицепсах. — Нет. Мне пиздец как надоело всегда вести себя рационально! Ладно, угадай что? С меня хватит.

Его голос становится громче с каждым словом, доходя до крайней точки.

— Я зол. На все. Я просто... пиздец, как зол, Фи!

Ясно.

Я прикусываю губу, ощущая наворачивающиеся слезы. Не только из-за случившегося сегодня. А и из-за всего, что было до этого. Из-за того, что Итан никогда не позволял себе отпустить эмоции до сегодняшнего дня.

Издавая гортанный рык, он поворачивается, срывая одну из своих картин со стены. Она взлетает в воздух, паря, словно коробка пиццы, а затем врезаясь в дальнюю стену, так что трескается рама.

Я могу лишь молча стоять, пока он кричит, его голос полон боли и ярости. Он ударяет кулаком о край тяжелого деревянного шкафа, разделяющего гостиную и читальный уголок.

— Просто... ебаное дерьмо!

Книги рассыпаются по всей комнате, пока он быстро швыряет их.

Я всегда гадала, каково было бы для Итана слететь с катушек. Теперь знаю.

И это разбивает мне сердце. Потому что понимаю, его ярость сейчас — выражение боли, глубокой душевной боли, которая не находит иного выхода, как сжигать, испепелять и насиловать.

Всхлип разочарования вырывается с его груди, и Итан наваливается на книжный шкаф. На секунду, я думаю, что он успокоился.

Ужасный рев вырывается из него, и его мышцы бугрятся, когда парень отталкивается от шкафа, который крепится к полу. Вся конструкция скрепит, угрожая развалиться.

— Итан, — кричу я. — Осторожно...

Но слишком поздно. Массивный шкаф кренится слишком быстро и разбивается о пол с такой силой, что дом дрожит. Я отпрыгиваю, прижимаясь к стене, пока осколки разбитой керамики, безделушек и книги разлетаются во все стороны.

Это до чертиков меня пугает. Знаю, он никогда бы меня не ранил, но базовое насилие акта содрогает мои кости.

Он стоит там, его мышцы напряжены, грудь вздымается. Несколько раз Итан моргает, словно прочищая мысли, но сумасшедший взгляд так и не покидает его глаза.

— Ладно, — говорю, едва дыша. — Вот так.

Я поворачиваюсь, хватаю свою сумку и пальто с крючка.

— Фи! — крик Итана растекается по моей коже. — Если выйдешь через эту дверь... — Я не слышу остаток предложения, потому что уже захлопываю дверь за собой.

Декс

КРАСНЫЙ ТУМАН, ЧТО клубился перед глазами, сдувает захлопывающаяся дверь. Слишком долго я просто смотрю в пустое пространство, которое обычно занимала Фиона, пытаюсь понять, что, черт побери, случилось. И затем все то, что сделал, доходит до меня, словно слепой снаряд. Мое дыхание выходит из легких со свистом, и я с трудом его снова восстанавливаю.

— Фи! — бросаюсь вперед, спотыкаясь о дурацкий книжный шкаф. — Дерьмо. Дерьмо! Перепрыгивая по ходу, я пробираюсь через беспорядок.

Дерьмо, я такой мудака. У меня случился неконтролируемый приступ гнева, и сейчас я до чертиков ее напугал. Выражение в ее глазах отражало ужас. И это все из-за меня.

Я распахиваю дверь и бросаюсь вниз по лестнице.

— Фи! Я ее не вижу, но она не могла уйти далеко.

На улице идет дождь, падая большими каплями. Я мгновенно промокаю, мое зрение размывается, так как вода заликает глаза. Я вытираю лицо, осматривая мрачный двор.

Пустота.

Крича ее имя, бегу к гаражу. Ее там нет. Как и в студии.

Мое сердце колотится, страх и сожаление сжимают грудь. Я знал, когда увидел ее мучительный взгляд, что Фи не хотела ранить меня, ранить нас. И все равно сорвался.

Я сказал ужасные вещи, испугал ее. Думаю о разрушенной у нее на глазах гостиной и ощущаю тошноту.

Упираясь руками о мокрые колени, я пытаюсь дышать, думать о том, где она может быть. Меня озаряет догадка, что она может быть вышла через парадные двери. Но улица темная и пустая, за исключением одинокого, сгорбленного бездомного вдали, блуждающего между баков с мусором, его фигура черная на фоне туманного света фонаря.

Вздыхая, я сажусь на крыльце, не желая возвращаться в дом.

Реки грязной воды текут по желобу. Дождь становится таким сильным, что капли отскакивают от тротуара. Я сижу на коленях, опустив голову на руки, словно это может унять мою боль. Я сижу, пока не промокаю до нитки. Но не собираюсь двигаться. Не до тех пор, пока вернется Фи.

Черт, она может не вернуться. Потерял ли я ее?

Мысль о том, что она может посчитать, будто я не хочу ее больше, сжимает горло.

— Эй, парень.

Старый бездомный мужчина останавливается передо мной. Его драное пальто, кажется, сохраняет мужчину сухим, хотя вода бусинками покрывает его седые волосы и стекает на румяное лицо.

— Возьми.

Он передает мне чей-то старый зонтик, со сломанной ручкой и свисающей тканью. Он не защитил бы от тумана, не то что от этого дождя. Но он его, и мужчина предлагает его мне.

Я моргаю, глядя на него шокировано и ощущая себя дерьмово, но отвечаю.

— Все в порядке, мужик. Я не могу еще больше промокнуть.

Он хрипло смеется, засовывая зонтик обратно в тележку рядом.

— Это не совсем правда. — Он кивает на ночное небо. — Плохая погода пройдет. Всегда проходит.

Мне хочется рассмеяться до слез, но я киваю и тянусь в карман за кошельком. Он смотрит на меня и поднимает руку.

— Не нужно. Не нужно этого. Теперь у меня есть дом.

Я осматриваюсь и знаю, что это ложь. Но гордость — мощная штука, и потому я сую бумажник обратно.

— Хорошего вечера, мистер.

Он молча покидает меня, и капли дождя стучат о тротуар. А я снова сажусь, откидываю

голову на входную дверь и закрываю глаза.

Гордость. Я думал, что был чертовски скромным, выше всего этого. Но гордость удерживала меня от того, чтобы пойти за Фи, когда впервые ее увидел. Она удерживала меня от сложных вещей, которые я хочу в жизни, до тех пор, пока они не становились проще. И она заставляла меня набрасываться на кого-то тогда, как стоило прислушаться.

Чертова гордость.

— Итан?

Мои веки распахиваются. Фи стоит в нескольких шагах, держа в руках пакет с продуктами. Освещенная газовым фонарем над нашей дверью, ее маленький силуэт обернут в большой желтый плащ. Я схватываюсь на ноги, мои кроссовки скрипят о камень.

— Фи. — Делаю шаг вперед, моя грудь вздымается. — Вишенка, мне... Мне жаль. Я не хотел тебя напугать.

— Знаю.

— Все то тупое дерьмо, что я сказал, я просто...

Она тоже делает шаг.

— Тебе не нужно объяснять. Каждый заслуживает того, чтобы в какой-то момент завывать на луну. И у тебя был дерьмовый день. Дерьмовый месяц, точнее.

Мы оба натерпелись, но это не она вошла в режим Халка.

— Мне не следовало громить комнату. Я напугал тебя.

Она хмурится, дождевая вода стекает по ее щекам, словно слезы.

— Меня больше напугало то, что ты считаешь, будто должен прятать свои эмоции.

Я шумно сглатываю и должен сморгнуть капли дождя, чтобы прояснить зрение.

— Что на самом деле тебя беспокоит? — спрашивает она, когда я ничего не отвечаю.

— Мне понравилось это, — признаюсь натянутым голосом, мои глаза встречаются с ее. — Разрешить себе не сдерживаться. Освободиться от давления, которое я чувствовал, кажется, вечность.

Она слегка улыбается мне.

— Нормально злиться или быть расстроенным, знаешь ли. Если все это и научило меня чему-то, то тому, что мы не можем планировать жизнь. Она просто идет своим чередом. Если ты слишком сдерживаешься, то можешь сломаться. И даже если не хочешь, чтобы тебя увидели сломленным, Итан.

У меня нет слов, чтобы объяснить неистовый ужас, когда осознал, что она ушла. Если потеря контроля над собой означает потерю ее, я буду держаться так крепко, как только могу. Потому что без нее, я в любом случае сломаюсь.

— Быть с тобой. Любить тебя... Ты заставляешь меня чувствовать все.

Еще один шаг, и она находится на расстоянии протянутой руки.

— И это плохо?

— Нет. Я был оцепеневшим до тебя. Я хочу чувствовать. Просто... Не хочу тебя пугать. Я рассердился, и ты ушла. Я подумал... — Мое дыхание перехватывает. — Ты ушла.

Зеленые глаза глядят на меня сквозь мокрые слипшиеся ресницы.

— Мне нужен был воздух. Нужно было освежиться.

— Ты не позволила мне закончить. Если ты уйдешь, я последую за тобой. Я всегда буду следовать за тобой.

— Знаю. На самом деле, я рассчитываю на это. Но я больше не стану убегать. Ты застрял со мной, Большой Парень.

Она поднимает руку, показывая принесенный пакет.

— Я просто подумала, что захвачу тебе немного гамбо. Здесь холодно и дождливо, а ты же любишь гамбо... — Я обнимаю ее и притягиваю ближе. Мои губы отыскивают ее, холодные и мокрые, но идеальные. Я проскальзываю языком в ее теплый рот, ощущая вкус дождя и Фи. Накрываю ее щеки ладонями, пытаюсь согреть кожу Фи, и целую, пока могу дышать.

Она прислоняется ко мне, ее плащ скрепит, мягкая грудь прижимается к моей. Как-то мы извиняемся перед друг другом, целуясь, отстраняясь и снова целуясь, раз за разом, нежно, глубоко, под новыми углами.

И с каждым прикосновением ее губ к моим, тугий узел в груди ослабляется.

Я привык скрывать свои эмоции и прятать их от мира. Но эта девушка — та, что вдохновила мою задницу выйти на сцену и спеть, та, что приносит мне гамбо, когда я показываю ей свою худшую сторону — она делает меня целостным. Она помогает мне найти себя самого.

Фи больше не убегает, а я не буду скрываться. Вот так просто.

Наши губы разъединяются. Дождь размывает мир вокруг, но мой разум ясен.

— Я люблю тебя. И не говорил это достаточное количество раз. Просто знай, что, что бы я ни сделал, кем бы ни стал, это постоянная константа в моем сердце. Ты — краски моего мира, Фи.

Она улыбается мне, ее кожа блестит, а глаза сияют. Осторожно она прикасается к моей щеке свободной рукой.

— Итан, возможно, я не идеальна, но никто никогда не будет любить тебя больше, чем я.

Я не думаю, что до этого знал, как сильно нуждался в том, чтобы услышать эти слова.

Упираю свой лоб о ее. Замираю и ощущаю, что мое сердце снова теплое. Я прижимаю ее ближе.

— Ты идеальна, Вишенка. Ты мой идеал.

— А ты тоже мой идеал, Итан Декстер.

И это все, что мне было нужно.

Эпилог

Один год спустя...

ФИОНА

ДОМ ВЫГЛЯДИТ ИДЕАЛЬНО. Гирлянды из хвойных веток — переплетенных белыми мерцающими огоньками — украшают дверной проем, контуры окон и большой камин. Высокие свечи цвета слоновой кости стоят в композициях с гвоздикой, сушеными апельсинами и веточками остролиста. В углу одного большого окна, выходящего на улицу, стоит трех с половиной метровая ель. Я в некотором роде наслаждалась тем фактом, что даже Итан должен воспользоваться стремянкой, чтобы украсить ее верхушку.

Но он делает это с улыбкой на лице. Развешивает маленькие футбольные шлемы с блестящими насыщенно-красными вишенками, литые самолетики, даже шары с орнаментов по типу моста Золотых ворот.

— Фи, конечно, нравится ее стиль, — отмечает Грей, тоже помогая.

Итан усмехается, сосредотачиваясь на крошечном микрофоне. На его щеках появляется румянец, и я знаю, что это от счастья. В этом году наша елка рассказывает историю о нас, и он знает значение каждого предмета, что я выбрала.

— Что с этим? — спрашивает Айви, поднимая елочную игрушку в виде стопки блинчиков.

Итан смотрит на нее и ловит мой взгляд. Его брови приподымаются от веселья, даже при том, что взгляд пылает жаром. В ответ мои щеки заливают тепло. Со времен нашей первой попытки у нас было много ночей с блинчиками. В конце концов, девушка должна восстанавливать силы.

— Междусобойчик, — предполагает Анна, ее нос морщится. — Быстро повесь ее на елку и двигайся дальше до того, как они решат объяснить ее значение.

Рядом с ней Дрю целует девушку в макушку, а затем говорит:

— Уверен, Декса пришлось бы подвергнуть ужасным телесным пыткам перед тем, как он заговорил бы.

Я передаю Дрю кружку горячего сидра до того, как передать еще одну Анне. Она не пьет алкоголь, догадайтесь почему. Я широко и сладко улыбаюсь им обоим.

— С радостью расскажу вам все об этих блинчиках...

— Нет! — кричат все хором. Ну, все, кроме Итана, который спрыгивает со стремянки и подходит ко мне.

Он притягивает меня в объятия, прижимая спиной к своей груди. Его дыхание колышет мои волосы.

— Ты такая плохая, Вишенка.

Я расслабляюсь рядом с ним.

— Слабаки. Можно подумать, я бы рассказала о нашей полуночной любфффи.

Он смеется, и гул от этого проходит через мое тело. Быстро, ласково целуя меня в щеку, Итан отходит, чтобы собрать стремянку и убрать ее.

— Как дела с магазином, Фи? — спрашивает Анна.

В апреле прошлого года я обслужила своего первого клиента в Новом Орлеане, коллегу Итана, Роландо Смита.

Роландо заказал мне заново декорировать его квартиру и затем его пляжный домик во Флориде. Когда он узнал, что я планирую открыть свой собственный бизнес, то предложил мне спонсорские отношения. И пока Итан настаивал на том, что это он хотел бы мне помочь с основательным фондом, я наконец заставила его осознать, что нуждаюсь в том, чтобы сделать все без помощи своего парня. В октябре я открыла мебельно-дизайнерский магазин на Роял стрит.

— Очень хорошо, — отвечаю Анне. — Я дошла до того момента, когда нужно нанять помощника.

— Скорее даже двоих, — говорит Итан. — Так, чтобы моя девочка могла проводить больше времени в мастерской.

Я люблю то, что он знает, насколько мне приятно проводить время, работая над мебелью, и сколько внимания он уделяет моей работе.

— Это правда, — говорю я Анне. — Определенно двоих помощников. — Я все еще работаю с Джексонном и Хейлом, продавая мебель их Нью-Йорским клиентам, которые платят непомерные суммы. Сказать, что мой бизнес процветает, было бы сильным

приуменьшением.

Когда Айви идет проверить, как там Лео, так как он дремлет в спальне, Дрю и Итан помогают мне накрыть стол. Анна и Грей суетятся на кухне. Видимо, они продолжают выдвигать аргументы в споре, который начали сегодня утром на счет способа приготовления индейки.

Грей использует сложные математические доводы, в комплексе со статистикой и коэффициентами задержки воды в мясе, от которых глаза на лоб лезут. И хотя он все-таки использовал свой способ приготовления — в основном потому что никто больше не мог продолжать слушать его заумную болтовню — он и Анна снова вернулись к данной теме. Потому что Анна все еще считает, что ее способ был бы лучше.

Итан заканчивает данный спор, заявляя, что чертова птица готова, и не могли бы мы уже сесть есть?

— Вот увидишь, — обещает Грей, доставая золотисто-коричневую индейку, достойную быть отснятой Норманом Роуэллом. — Простое взбитое масло придает птице невероятный вкус.

— Сухая птица, — отвечает Анна.

Несмотря на их склоки, мы все с нетерпением ждем главное блюдо, пока садимся за стол — один из моих первых столов, созданных в новой мастерской. Он изготовлен из древесины кипариса, широкий и достаточно длинный для двенадцати человек. При том, что нас сегодня шестеро, у нас есть много свободного места, и это хорошо, так как стол нагружен едой.

Футболисты любят поесть. Много. Но я не жалуясь. Особенно, когда у меня есть большое сильное тело Итана, с которым могу ежедневно играть.

Я наблюдаю за тем, как он наклоняется и зажигает свечи. На нем надеты джинсы и голубая рубашка, что обтягивает его широкую грудную клетку. Его рукава закатаны до локтей, обнажая красочные тату на предплечьях. Эти руки могут обхватить шину трактора и даже не напрячься, а еще обнимать меня так осторожно, словно я сделана из дутого стекла.

Борода — не такая густая, как обычно, но не менее сексуальная — покрывает его челюсть. Его волосы тоже отросли, все еще супер-короткие по бокам и торчащие густой темно-каштановой шевелюрой на макушке.

Он такой чертовски сексуальный, что каждый раз, как вижу Итана, у меня перехватывает дыхание. Если честно, я не знаю, как смогла не наброситься на него в ту первую рождественскую вечеринку.

Ловя мой взгляд, он подмигивает и садится рядом. Одна рука опускается под стол и накрывает теплом мое колено, тогда как вторая поднимает бокал с вином.

В ответ мы тоже поднимаем бокалы.

— Итак, — говорит он. — С Рождеством.

Даже хотя технически сейчас канун Рождества, мы все произносим тосты.

Грей опускает свой бокал.

— А разве Фи не должна сказать "И пусть Господь нас всех благословит"?

— Ты намекаешь на то, что в этом сценарии я Тини Тим, членоморд?

— Членоморд? — Грей одаривает меня возмущенным выражением лица. — Если бы мне не посчастливилось иметь невероятный член, я мог бы обидеться.

— Так ты говоришь, что согласен с заявлением, будто твое лицо напоминает член? — спрашивает Дрю смеясь.

— Я говорю, что если мое лицо напоминает член, оно должно выглядеть также прекрасно, как мой собственный член, — отвечает Грей, игриво двигая бровями.

Я наклоняюсь вперед.

— Если хочешь поговорить о потрясающих членах...

— Нет! — снова кричат все остальные.

Я пожимаю плечами и скрываю улыбку, пока делаю глоток вина.

— Я так рад, что в меню есть сосиски, — заявляет Итан перед тем, как отрезать кусочек от своей сосиски. Дрю и Грей морщатся, но мы с Айви и Анной смеемся.

Счастье такое заразное, наполняет меня теплом. Я больше не безумная девушка, которой была так долго. Наконец-то я нашла свое место. Я целую Итана в плечо, и он подмигивает мне так, словно точно знает, что чувствую.

НАМНОГО ПОЗЖЕ ОСТАЕМСЯ только мы с Итаном, сидя на коленях на кровати, по золотое сияние ламп отбрасывает тени на его выразительные черты. С бесконечной нежностью он сжимает одну сторону моей шеи, пока медленно осыпает поцелуями лицо. Его мягкие губы и колючая борода вызывают мурашки по коже, и я вздыхаю, наклоняясь навстречу его прикосновениям.

Его голос — низкий гул.

— Так какова твоя позиция насчет бороды?

Я улыбаюсь, вспоминая, как впервые его поцеловала.

— Я определенно ее фанатка. Ты можешь даже сделать мне такую татуировку.

Он усмехается напротив уголка моего рта перед тем, как слегка втянуть в рот мою нижнюю губу.

— А что насчет футболистов?

— Тут я перейду на частности.

Он одобрительно гудит.

— Хорошо. Потому что один футболист любит тебя всем сердцем и душой.

На этот раз я втягиваю его губу и целую так страстно, что его грудь замирает. Я улыбаюсь на это.

— Я тоже тебя люблю.

Теплое дыхание касается моих губ, когда он снова говорит:

— Так скажи мне, — бормочет он, все составляя карту моего лица своими поцелуями, — как ты относишься к браку?

Мое сердце останавливается, и я тихо ахаю. Итан отстраняется настолько, чтобы встретиться со мной взглядом. Он смотрит на меня так серьезно и уверенно, что я чувствую такую сильную любовь — его взгляд будто видит мою душу и хочет заботиться о ней.

Слезы сжимают мое горло, но губы растягивает улыбка.

— Это твой способ сделать мне предложение? — дразню я, даже несмотря на то, что мое сердце бьется о ребра.

Его пальцы ласкают мои щеки, когда он молча смотрит в мои глаза.

— А ты согласишься?

Я смеюсь, звук похож на журчание слез счастья.

— Да, Итан Декстер.

Черт возьми, да. Я бросаюсь в его объятия.

Смеясь, он падает спиной на кровать, утягивая меня с собой.

— Постой, — говорит он, когда покрываю его лицо поцелуями. — Ты не позволила мне подарить тебе кольцо.

— Кольцо! Я забыла об этом. Дай мне его!

Он снова смеется.

— Ну значит слезь с меня и дай возможность достать его.

Как только я отстраняюсь, он усмехается и вынимает из кармана кольцо.

Оно из розового золота с большим круглым розовым бриллиантом. Простое, элегантное, но удивительно девчачье. Он надевает его на мой палец, и я мгновенно влюбляюсь.

— Ты его сделал, правда? — спрашиваю я, мой взгляд встречается с его, и затем возвращается к кольцу.

— Не сделал, — говорит он немного грубо. — Но нарисовал эскиз, да. Как ты поняла?

— Потому что я знаю тебя.

Итан бы все спланировал, вплоть до того, как должно выглядеть кольцо.

— Тебе нравится? — Он хмурится, глядя на кольцо, как будто проверяет, нет ли изъяна в его дизайне.

Я накрываю ладонью его щеку и прислоняюсь к теплому твердому телу.

— Абсолютное совершенство. Как и ты.

Он краснеет в ответ. Так что я целую его еще несколько раз, пока Итан не забывает о смущении и не начинает целовать меня. Теперь он всецело мой. Итан надел на меня кольцо, и я сделаю то же самое с ним.

— Давай сделаем это в Сан-Франциско, — говорю я, опуская подбородок на его грудь и любуясь тем, как розовый бриллиант мерцает в приглушенном свете.

Он кивает, словно в этом есть смысл.

— На месте преступления.

Я щекочу его ребра, и он хватается мои руки переплетая наши пальцы.

— Будь осторожнее, — говорю я. — Я могу поддаться желанию сбросить платье и прыгнуть в бассейн. Но если сделаю это, то на сей раз возьму тебя с собой.

Его улыбка таит обещание вечности.

— Звучит, как план, Вишенка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net